

СШИТОЕ ЛИЦО

АНДРЕЙ ПТИЦЫН

16+

Андрей Птицын

Сшитое лицо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63088968

SelfPub; 2022

Аннотация

Отважный молодой охотник и прекрасная девушка живут, не зная друг о друге и предстоящих им испытаниях. В бескрайней тайге весна сменяет зиму, затем приходит лето, у добрых людей всегда полно забот и хлопот, а злые проникают в их мирную жизнь тайком, обманывая, притворяясь и лелея ужасные замыслы. В глуши скрывается племя, безжалостные воины которого охотятся не на лесную дичь, а на людей, и юным героям придётся пережить настоящий кошмар, чтобы отстоять свою жизнь, свободу и зародившуюся в их сердцах любовь...

Содержание

Глава 3. Кожаная маска	26
Глава 4. В поисках земли	39
Глава 5. Мертвец в воде	45
Глава 6. Хонгу	49
Глава 7. Эчинэй	52
Глава 8. Бэркэ	58
Глава 9. В гости к Хонгу	63
Глава 11. Детский разговор	72
Глава 12. Пещера страха	76
Глава 13. Бег в лесу	91
Глава 14. Три охотника	97
Глава 15. В ловчей яме	113
Глава 16. Бегущие вдвоём	127
Глава 17. Ночной костёр	134
Глава 18. В капкане	137
Глава 19. Неожиданное освобождение	147
Глава 20. Призрак в тумане	161
Глава 21. Поединок	170
Глава 22. Харги	192
Глава 23. Крадущиеся в темноте	205
Глава 24. Стоящие под дождем	221

Андрей Птицын

Сшитое лицо

Сшитое лицо

Литературная повесть

Глава

1.

Долгожданная

добыча

На опушке леса, чутко прядая ушами и время от времени поднимая украшенную великолепными рогами голову, кормился дикий олень. Стояла полуденная тишина: только птички, перелетая с ветки на ветку, изредка оглашали лес веселым пением, и легкий ветерок временами шелестел в верхушках деревьев. Молодой рогач не заметил, что к нему с подветренной стороны, прикрываясь кустами и деревьями, крадутся три молодых охотника. Руки каждого из них крепко держат меткий лук, и для первого выстрела уже выбраны самые прямые и острые стрелы...

Два брата, Толбочоон и Бузагу, как всегда, соперничая, начали жестами спорить, кто из них достоин пустить стрелу. Их безмолвная пантомима, перешедшая в тихие удары и тычки, достигла слуха третьего охотника, их старшего товарища – Бэркэ. Сам он невелик, но запястья большие, руки тоже. Крепкие плечи. Медленно присев на корточки, не делая

резких движений, он обернулся на ступающих за ним друзей. Болваны! И тут не могут прийти к согласию. А ведь они который день уже не видели дичи. Упустить такой момент нельзя! Он, еле сдерживая возмущение, соорудил сердитую мину и, выпучив глаза, погрозил им кулаком. Стрелять самому? Обидятся оба брата. Он им обещал возможность показать себя на охоте. Но если промахнутся? Нет, придётся уступить и рискнуть... Кому же из них доверить право выстрела? Строго оглядев притихших братьев, Бэркэ указал пальцем на Толбочоона. Обиженный Бузагу, поджав губы, опустил руки и шумно засопел: он ведь на целый год старше брата. Обрадованный Толбочоон, пряча довольную улыбку, закусил зубами две свои чёрные как смоль косы и начал осторожно скрадывать чуткого зверя. Бэркэ украдкой покосился на недовольного Бузагу. Если он ошибся в выборе, и Толбочоон промахнется, старший из братьев будет дуться на него всю обратную дорогу. Они и так сильно отделились от своих угодий в поисках дичи – не хватало ещё поссориться... Каким они непохожие... словно от разных матерей, – в который раз подивился про себя Бэркэ. – Не схожи ни видом, ни характером. Один не любит рыбу, второй мясо... Он подружился с братьями несколько лет назад во время поколки – сезонной осенней охоты на кочующих оленей на переправах рек. С тех пор они неразлучны.

Лето выдалось сухим, и вся живность как сквозь землю провалилась. Обследовав свои оказавшиеся пустыми угодья,

он, Бэркэ, поддался на уговоры братьев и согласился перейти западное урочище, служившее границей территории, на которую они никогда не заходили. Великая чёрная тайга кажется нескончаемой и бескрайней, но и она поделена многочисленными живущими здесь племенами... Впрочем, трёх охотников продолжали преследовать неудачи: проплыв несколько дней по лесу, они не встретили ни единого зверя. Оказавшись у незнакомой горной речки и переночевав на её берегу, они несолоно хлебавши отправились в обратный путь. Казалось, удача отвернулась, а дух охоты Баянча разгневался на них за какие-то былые прегрешения... И тут друзья неожиданно наткнулись на мирно пасущегося одинокого оленя-дикаря. Первым его заметил Толбочоон, с удивлением обнаруживший, что рогач один, без стада. Однако разглядев животное и поняв, что олень прихрамывает на заднюю ногу, охотники догадались, что он ранен. Возможно, волками – серые охотники иногда несильно кусают свою жертву за конечности, что бы она не в состоянии была далеко уйти, а они затем, когда придёт время, могли найти ее, не прилагая чрезмерных усилий. Поэтому он и отстал от своих рогатых сородичей. Сердца охотников забились сильнее, впервые за время безуспешных поисков всех троих охватил настоящий азарт.

Бэркэ и Бузагу, прячась за деревьями, осторожно начали обходить дичь с разных сторон, отрезая оленю путь к бегству – на случай, если лучник промахнется. Худощавый и быст-

рый в движениях Толбчоон, ловко передвигаясь среди деревьев, используя их как укрытие – где горностаем на четвереньках, где ползком, змеёй – преодолел нужную дистанцию. Медленно натянув тетиву, он осторожно приподнялся над кустом. Зверь был на месте и, не подозревая об опасности, спокойно кормился. Молодой стрелок прищурился и прицелился. Биение сердца гулким эхом отдавалось в ушах Толбчоона, капля пота сползла по его щеке, и всё его внимание сосредоточилось на зазубренном наконечнике костяной стрелы. Медленно выдохнув, он выпустил стрелу. В тишине леса звонко щелкнула защищающая запястье костяная пластина. Услышав незнакомый звук, испуганный олень быстро поднял голову, наострив уши. Через мгновение стрела, пронзившая сердце, заставила его, прогнув спину, высоко подпрыгнуть, и, едва удержавшись на ногах, он бросился прочь. – Промазал! – мелькнула паническая мысль в головах всех трех охотников. Но животное, сделав несколько отчаянных скачков, замедлило бег и, зашатавшись на ставшими непослушными ногах, неуклюже завалилось на бок. Олень попытался подняться, но вновь упал, в агонии суча копытами в воздухе. Охотники с разных сторон ринулись к качающимся кустам. Раздался ликующий вопль Толбчоона: он поцеловал свой лук на бегу. Спустя несколько минут голова оленя уже лежала на мху с веточкой зелени во рту, – дань традициям предков. Бэркэ побрызгал кровью оленя по сторонам. Трое друзей весело и быстро разделявали острыми

ножами свежедобытый трофей. Руки их двигались уверенно, не совершая лишних движений

– Как я его?! Прямо в сердце! Это был мой лучший выстрел! Не зря, не зря, Бэркэ, ты выбрал меня. Со мной, парни, вы голодными не останетесь. Доверьтесь мне, и Толбочоон не подведет вас! – хвастался возбужденный Толбочоон.

– Лучший выстрел! Да с такого расстояния и ребёнок бы попал! – сказал Бузагу, менее рослый и более коренастый и жилистый, чем Толбочоон. Братья, как и всегда, были не прочь поддеть и подзадорить друг друга, и между ними началась очередная перепалка.

– Ребёнок?! Вот кто бы не попал, так это ты, братец, уж это я точно знаю. Да с твоими кривыми стрелами, Бузагу, ты и в небо не попадёшь, если выстрелишь! У старухи Гарпанай ноги ровнее, чем твои стрелы!

– Стрелы мои в порядке, – обоснованно выдал невозмутимый Бузагу, разделявая печень оленя. – А вот как ты рогача разглядел и попал в него, я удивляюсь... Старуха Гарпанай и то видит лучше тебя, брат. Тебе просто повезло, слепоглазая лягушка.

Отрезав кусок печени, Бузагу с наслаждением прожевал его, зажмурившись от удовольствия.

– Лягушка, говоришь?! Ах, ты, неблагодарный! Да я вижу, что тебе просто завидно! Ну ничего, когда-нибудь мы с Бэркэ разрешим выстрелить и тебе, неумеха. Только смотри, не

попади сам в себя, а то какой-никакой, а все же ты мне братец. Верно, Бэркэ? Над кем мы будем подтрунивать, если ты застрелишься? Не сердись, мой глупый старший брат. Дай-ка я тебя развеселю...

Толбочоон, дотянувшись до брата, окровавленным пальцами быстро нарисовал на его щеках улыбку. Бузагу, перехватив его руку, в ответ тоже измазал лицо брата кровью. Братья, хохоча, бросив разделку оленя, начали бороться. Бэркэ, очнувшись от своих дум, нехотя погрозил им.

– Эй, вы, олени, перестаньте! Надо торопиться! Нам ещё до дома добираться: забрели в такую глушь, не выберешься... Вы слышите? Я кому говорю?!

Братья, не слушая старшего товарища, продолжали пыхтя бороться. Затем Толбочоон, вырвавшись из рук Бузагу, пританцовывая и раскинув руки как крылья, оббежал вокруг нахмурившегося Бэркэ и огляделся. Ловко вскочил на ствол упавшего дерева и громко крикнул:

– Ээгэ-гэй! Я – Толбочоон, великий охотник! Я добыл оле-еня! Ле-еня! Е-еня! Ня... Ня...

Эхо подхватило его крик, который, повторяясь, разнесся по ближайшим сопкам. Бэркэ, вскочив, рывком стащил парня вниз на землю. Толбочоон неловко упал и удивленно вытаращился на стоящего над ним старшего товарища, лицо которого выражало тревогу.

– Перестань! Чего ты орешь, дурак? – гневно произнёс Бэркэ.

Толбочоон, потирая ушибленное при падении плечо, обиженно сказал:

– Ты чего? Покричать нельзя? Мы неделю не могли добыть дичь... Нельзя порадоваться?

Бэркэ, смутившись, отступил назад, понимая, что немного переборщил, но тревога, поселившаяся в душе с тех пор, как они ступили на чужую землю, не отпускала его.

– Мы отделились от наших лесов на несколько дней пути. Эта не наша земля. Ты же знаешь, нельзя кричать в лесу. Тем более в чужом!

– Но мы ведь никого не видели... Здесь нет никого. Почему мы должны бояться? – возразил Толбочоон.

– Надо поскорей убираться из этих мест! – не желая спорить, обрубил Бэркэ. – Хватит баловаться, принимайтесь за дело! – уже спокойней добавил он и продолжил разделывать мясо.

– Ну извини, старший брат. Я не сдержался от радости... Сколько дней мы не могли добыть мясо... – виновато произнёс Толбочоон, присоединяясь к ним.

– Дух охоты, щедрый Баянча, сделал нам достойный подарок... – согласился с ним Бузагу, успокаивая Бэркэ. – Что тебя тревожит, Бэркэ? Ты сам не свой эти дни.

Бэркэ хмуро оглядел окружающий их лес и на свои руки. Стряхнув с них кровь, нехотя произнёс:

– Надо уходить отсюда. Когда-то отец запретил мне приближаться к этой речке и вообще к этим местам.

Толбочоон шмыгнул носом и заинтересованно придвинулся к Бэркэ.

– А что он говорил тебе про эти места? Что в них такого?

– Не помню, – ответил Бэркэ, стараясь скрыть свое беспокойство. – Просто запрещал. Всё, давайте поторопимся. Не сидите сложа руки, – раздраженно бросил он друзьям, – скоро стемнеет.

Братья торопливо разделявали оленя и вскоре, забыв о разговоре, опять начали весело подтрунивать друг над другом. Бузагу, схватив ногу оленя, постукивал остриём ножа по суставу, принялся выковыривать "чонкуу" – излюбленное лакомство охотников.

Вскоре, погрузив мясо на самодельные поняги, сделанные из корней березы, маленький отряд отправился в обратный путь. Вечернее солнце озаряло верхушки деревьев красным светом. Растянувшись цепочкой, друзья, спины которых согнулись под тяжелым грузом, один за другим скрылись в чаще.

Полная луна, время от времени прячась за небольшими тучками, освещала небольшую поляну, посередине которой горел яркий костёр. Весело трещали сучья, всполохи огня освещали довольные лица трёх охотников, жарящих и сразу поедающих приготовленное мясо. Оживленный разговор был в самом разгаре, неутомимый Толбочоон, как всегда, наседали на своего брата, пытаясь вывести его на спор. Бэркэ, задумавшись, отрешённо смотрел на пляшущие огоньки ко-

стра: его дневная тревога немного улеглась, но одна мысль не давала ему обрести покой. Он понимал, что почувствует себя в полной безопасности, только добравшись до родных земель. Ведь он старший в их группе и несёт ответственность за жизнь своих друзей. Хоть они с ним были из разных племен, дружба связала их крепче кровных уз. Но все же, что же тревожит его? Не зря отец запрещал ему охотиться в этих местах. Но с чем же был связан запрет? Бэркэ копался в памяти, но не мог вспомнить: отец умер, когда он был ещё совсем мальчишкой. Ничего, ещё один переход, и они покинут эти земли... После сытного ужина его стало клонить в сон, он почувствовал, как устал. Толбочоон, разгоряченный спором, толкнул его в плечо.

– Вот ты, старший брат, когда ты думаешь жениться, обзавестись семьей? Вот он, – Толбочоон указал на Бузагу, – не прожив и года со своей Илик, уже жалуется на семейную жизнь! Но сам же заставляет меня жениться!

– Дурак ты, – невозмутимо парировал Бузагу, сыто рыгнув и завалившись на спину, – всё не так понимаешь: вовсе я не плачусь... Хотя, по правде сказать, уж очень несносный характер оказался у моей Илик. Вечно она недовольна, всего ей мало. Теперь я понимаю, почему ее родичи так быстро избавились от неё, когда я пришёл к ним свататься. Отдали даже без подарков, – и Бузагу тяжело вздохнул.

По-брачному договору-тори, так как Бузагу был беден и не мог задобрить будущую родню оленями, он договорился,

что, в обмен на невесту, будет некоторое время работать на ее семью.

– Плачешься! – упрямо надел на него Толбочоон. – Только что говорил, что зря женился, бегал бы сейчас, как свободный олень! Хорошо, что эта Илик не прицепилась к тебе, Бэркэ. Я видел, как она на тебя смотрела. Этим женщинам только дай повод, враз охомутают!

Бэркэ, смутившись, вспомнил, как Илик проявляла интерес к нему, а не на заглядывавшегося на нее Бузагу. Тогда, не желая ссориться с мучимым ревностью другом, он отошёл в сторону. К взглядам Илик он был равнодушен, да и не собирался пока связывать себя узами брака.

– Не-ет... – продолжил Толбочоон. – Мы с Бэркэ будем вольными хосунами-удальцами. Зачем нам эти бабские оковы? Будем гулять, где хотим и как хотим! А ты, братец... – Толбочоон, скорчив сочувственную мину, участливо приобнял Бузагу, тяжело вздохнув, похлопал его по плечу. – Мне жаль тебя, но что поделаешь, если у тебя такие мозги. Придётся терпеть и бегать по указке жены. Такова твоя судьба... Правильно я говорю, Бэркэ?

Бузагу оттолкнул парня, и тот опрокинулся на землю. Тут же вскочив, Толбочоон подсел к задумавшемуся Бэркэ, обнял его за плечи.

– Выбирайте жён из другого племени, друзья – сказал Бузагу, не обращая внимания на брата.

– Да! Верно сказал брат! Надо выкрасть жену у тонг-бии-

сов или туматов! – воодушевился Толбочоон.

– Выкрасть! Ишь, орел! Выкрасть – это тебе не в оленя выстрелить! Да и украдешь, допустим, ты невесту... Но какой она окажется? Это ты, брат, узнаешь только, тогда когда женишься. Но будет уже поздно! Ха-ха! До замужества они все хорошие, а потом их как будто кто-то подменяет, – развеселился Бузагу.

– Бузагу, — Толбочоон вновь подсел к брату с серьезной миной, – меня тревожит одна мысль: не вздумай раньше времени отдать концы! Иначе мне по закону придётся жениться на твоей Илик, и моя свободная жизнь закончится! Думай иногда обо мне своей пустой головой, прежде чем рисковать... Ха-ха!

– Дурень! – вновь мягко оттолкнул брата Бузагу. Не обращая внимания на его выпады, привстал на локте и вопросительно посмотрел на старшего товарища.

– И вправду, Бэркэ, когда ты обзаведёшься семьей, ведь ты старше нас?

– Бэркэ, наверное, ищет писаную красавицу... – откликнулся Толбочоон. – Должно быть, ему интересны девушки из дальних родов. Зачем ему наши замухрышки?

– Отстаньте, вот нашли тему для разговоров, – устало отозвался Бэркэ. – Пора спать, умники... Завтра рано вставать.

– Бэркэ, брат, ты слишком скромн, а время идёт, – серьезно сказал Бузагу.

– Успеется ещё, – тихо буркнул Бэркэ.

В наступившей тишине слышно было лишь как трещат в костре сучья. Тучи окончательно закрыли звезды. В темноте леса вскрикнула сова. Бузагу, кряхтя, поднялся на ноги и, посмотрев на черное небо, подкинул в костёр сучьев. Сев на землю, подогнул ноги и закрыл глаза от жара костра.

– Эй, что вы загрустили, хосууны-удальцы! Бэркэ, брат! Мы возвращаемся с добычей! Сегодня был удачный день! Как я выстрелил?! – вновь затараторил Толбочоон. – Не грусти, я сам найду тебе невесту! В следующем году на праздновании Эвин я присмотрю тебе жену. Или украду! Самую красавицу! А-а... Я понял! Нашему удалцу Бэркэ нужна невеста из племени саха! Вот с такими формами! Вот с такой грудью! Толбочоон вскочил и, кривляясь, изобразил женскую походку. Бэркэ невольно улыбнулся, а Бузагу неодобрительно покачал головой.

– Дурачок, – вздохнул Бузагу, закатывая глаза. Посмотрел на Бэркэ. – Что с таким делать? Не бросить же... Брат все-таки...

– Хм... – вдруг нахмурился Бэркэ, вспомнив обиженное лицо Толбочоона, когда он днём толкнул его. Встряхнув головой, будто отгоняя невеселые мысли, Бэркэ, решив заглядить вино, поднялся на ноги. Покопавшись в складках своей парки, он повернулся к Толбочоону.

– Брат, хорош кривляться, ну-ка прими от меня лучше небольшой подарок. Держи, это амулет из кости мамонта.

– О, брат, спасибо! – обрадовался неожиданному подар-

ку Толбочоон.

– Здесь изображен медведь, пусть он хранит тебя от невзгод и помогает твоему меткому глазу в охоте! Действительно, сегодня ты сделал отличный выстрел, братишка. И не сердись на меня.

– О! Спасибо, старший брат. Благодарю тебя! Я вовсе не сержусь! – обнял товарища Толбочоон, разглядывая подарок.

– Хороший выстрел. Мы возвращаемся с добычей! – Бузагу, поднявшись, присоединился к ним.

– Мы – великие охотники из рода Иджиган! – воскликнул Толбочоон.

И все трое, обнявшись и обратив свой взор в ночное небо, испустили негромкий клич удачливого охотника.

Глава

2. В ущелье

Бэркэ, проснувшись первым в темноте, разжег огонь. Узкая красная полоска зари на горизонте постепенно светлела. Разбуженный потрескиванием костра, зевая и потягиваясь, рядом заворочался Толбочоон. Посидев с осоловелым видом некоторое время в молчании, он оглянувшись, наткнулся взглядом на похрапывающего рядом старшего брата. Его лицо оживилось, приняв хитрое выражение. Дотянувшись до растущего рядом куста, он набрал в ладонь пригоршню недоспелой брусники. Первая ягода упала в приоткрытый рот спящего, но Бузагу продолжал безмятежно похрапывать.

Толбочоон хихикнул, и ягоды одна за другой последовали за первой. Бэркэ, сидя у костра и наблюдая за младшим из братьев, недовольно покачал головой. Наконец Бузагу, поперхнувшись во сне, закашлялся и, проснувшись, сел. Спросонья, не сразу поняв шутку Толбочоона, он некоторое мгновение сидел, сплевывая ягоды. Толбочоон, не удержавшись, прыснул и, отскочив, едва увернулся от брошенной в него братом узловатой палки. Бузагу, сидя на земле и кашляя, огляделся вокруг, ища взглядом, чем ещё можно запустить в наглеца. Бэркэ не сдержал улыбки

– На, вот эту...– он подкинул Бузагу ещё ветку. Она так же пролетела мимо верткого Толбочоона.

– Ну все, все... Не сердись!– примирительно затараторил тот, безуспешно пытаясь спрятать улыбку и принять серьезный вид. Вскоре, поеживаясь от утренней прохлады, они приступили к завтраку.

—Только голову положил и глаза закрыл – а уже утро...– жуя вяленое мясо, недовольно протянул Толбочоон. Ему никто не ответил.

К полудню трое друзей вышли к небольшой горной речке. Стоя на вершине сопки, густо поросшей сосняком, Бэркэ по местности определил, что они немного отклонились влево: блуждая здесь в поисках дичи два дня назад, они проходили севернее этого места.

Толбочоон был вдохновлен удачной охотой и преисполнен решимости:

– Давайте сократим обратную дорогу, пойдём вдоль речки. Так быстрее доберемся до дома, – предложил он, оглянувшись на Бэркэ – И заодно узнаем эти места получше.

Бузагу, который больше всех устал нести тяжелую поныгу, понравилась идея, и они вдвоем с младшим братом начали уговаривать старшего товарища срезать путь. Бэркэ в нерешительности задумался. Надо было возвращаться по тому пути, каким они пришли сюда. Неизвестно, как течёт эта река, начнёт петлять – можно потерять больше времени. Но братья принялись доказывать, что так они намного сократят обратный путь. Бэркэ и самому хотелось поскорее покинуть это место – предостережение отца засело в голове тревожной занозой. В конце концов, нетерпеливый Толбочоон, прервав раздумья Бэркэ, начал спускаться с сопки вниз к речке. Бузагу поправил поныгу, приглашающе кивнул Бэркэ и пошел вслед за братом. Бэркэ, хмурясь, неодобрительно покачал головой, и, вздохнув, двинулся вниз за братьями.

Спустившись зигзагом с сопки и почти достигнув берега речки, Бэркэ вдруг резко остановился и обернулся. Неприятный холодок, пробежавший по спине, заставил его непроизвольно схватиться за висящий на поясе топорик. Он внимательно всматривался в вершину сопки, покрытую молодыми деревцами, где они только что стояли и обсуждали маршрут. Ничего не изменилось, всё так же светило солнце, а порывы несильного ветерка раскачивали ветки деревьев. Но что-то заставило его остановиться и обернуться: мо-

жет, какой-то звук или вдруг наступившая тишина, переставшие петь птицы... Бэркэ вдруг почувствовал, что за ним наблюдают. Ему стало неуютно и захотелось быстрее покинуть это место. Тревога, поселившаяся в нем со вчерашнего дня, обострилась до предела. Он стоял на месте, устремив взгляд на вершину сопки, пока до него не дотронулся вернувшийся за ним Бузагу.

– Брат, что с тобой? – тихо спросил он.

– Ничего... Пойдём, – отрешённо, словно очнувшись, ответил Бэркэ и начал быстро спускаться с сопки.

Озадаченный Бузагу посмотрел наверх, поправил понягу и поспешил за товарищем. Вскоре все они скрылись в зарослях кустарника, разросшегося вдоль берега речки. На вершине покинутой ими сопки некоторое время ничего не происходило, а затем вдруг неясная тень, качнув ветку, скрылась в густой листве.

Пройдя некоторое расстояние вдоль берега, Бэркэ вскоре увидел упавшую поперёк речки большую лиственницу и командовал друзьям перебраться по ней на противоположный берег. Балансируя, троица осторожно перешла речку по стволу дерева и продолжила путь вниз по течению. Бэркэ, перебравшись последним, осмотрел упавший ствол, подумывая спихнуть его в воду, но оставил эту затею: лиственница была массивной, и часть её корней все ещё крепко держалась за землю. Оглянувшись в очередной раз на пройденный путь, Бэркэ попросил друзей ускорить ход. Через некоторое

время скалы, густо поросшие сосняком по краям реки, начали возвышаться над ними, превращаясь впереди в узкий и изогнутый, как коровий рог, распадок. Течение речки сделалось более быстрым, вода бурлила и местами образовывала водовороты.

«Вход в нижний мир...» – всматриваясь в очередную воронку, Бэркэ вспомнил мрачное поверье о том, что водоворот – это место, откуда демоны нижнего мира выходят на поверхность, чтобы по велению Харги, духа-хозяина нижнего мира, творить свои чёрные дела в верхнем мире людей. Ему снова стало неуютно, захотелось поскорее покинуть это мрачное место. Лучи вечернего солнца не проникали сюда, вокруг было сумрачно и прохладно. Вдоль речки, над их головами, с равномерным свистом разрывая тишину, пролетел ворон. Троица в молчании проводила его взглядом.

– Плохое место... – оглядывая верхушки скал, тихо сказал Бэркэ поравнявшемуся с ним Бузагу. – Выглядит как ловушка... Зря мы сюда пошли, – он поежился и, остановившись, посмотрел назад.

«Может, пока не поздно, пойти обратно? – подумалось ему. – Вдруг русло повернёт не в ту сторону. Эх, зря я послушался, надо было идти так, как пришли...» Бэркэ чувствовал нарастающую тревогу, причин которой не понимал. Он пытался понять, что именно ему показалось там, наверху. Зря Толбочоон раскричался, Черный лес населяет множество воинственных племён. Свирепые, жаждущие крови ту-

маты, воинственные тонг-биисы. Да мало ли других, не менее враждебно настроенных? Они не на своей территории... Чужие разведчики могли слышать их крик.

Бэркэ, шедший замыкающим, подгонял уставших друзей. Время от времени он останавливался и смотрел назад и наверх, на окружающие их скалы. У него то появлялось неприятное ощущение – как от чужого взгляда, то вдалеке, меж деревьев, чудилось шевеление, которое, стоило посмотреть туда, бесследно исчезало. И через некоторое время скалы и деревья вновь казались безопасными, безлюдными. Он сослался на бессонную ночь и, склонившись над рекой, умыл лицо прохладной водой. До захода солнца надо выбраться отсюда и найти место для ночлега. Ущелье виляло зигзагом, речка местами образовывала небольшие заводи, в которых металась испуганная рыба. Толбочоон, не снимая поняги, попытался поймать несколько рыбин, но безуспешно. К вечеру ветер улегся, и здесь, внизу, стало тихо: слышалось только журчание воды и стук камней, катившихся из-под ног. Вдруг где-то наверху обеспокоенно зашумели сойки. Их стрекотанье неожиданно нарушило тишину леса и затем так же быстро стихло. «Что-то вспугнуло их...» – подумал Бэркэ, остановившись и внимательно оглядывая густо поросшие ельником скалы. И вдруг отчетливо вспомнил слова отца: «Не ходи в те места, сын. Там пропадают люди!». Бэркэ вздрогнул и ускорил ход. Какое-то темное чувство прошло сквозь него, как ветерок, и его тревога еще усилилась. Идя быстрым ша-

гом и поправляя впившиеся в плечи ремни тяжелой поняги, он непроизвольно передвинул лук ближе к боку. Идущий впереди Толбочоон неожиданно остановился. Подпрыгнув, поправил сползшую понягу. Оглянулся на друзей и заинтересованно склонился над чем-то, лежащим в воде.

– Смотрите! – воскликнул он и присел.

Троица охотников склонилась над крупным черным валуном и разглядела лежащий в воде меж двух камней небольшой костяной топорик. На пожелтевшей кости из нижней челюсти лося был искусно изображен летящий ворон. Распухшее древко украшала причудливая резьба, и без того короткое топориче оказалось сломано, но было видно, что клювообразная режущая часть все ещё остра. Толбочоон, засучив рукав, потянулся было за топором, но замер, услышав возглас Бэркэ.

– Не трогай! – властно сказал он Толбочоону. – Или не знаешь: «чужого не бери»? Мало ли что на нем...

– Но он ещё может послужить, – начал возражать Толбочоон.

– Нет! Не трогай! – прервал его Бэркэ, глядя наверх.

– Ладно, – обиженно согласился Толбочоон и выпрямился. Тяжело вздохнув, повернулся и пошёл вперёд.

Бэркэ оглядел ближайшие скалы и пошёл вслед за братьями. Нагнав Толбочоона, он примирительно сказал:

– У него может быть плохая аура... Ты же знаешь, мало ли кому он принадлежал? Беду ещё принесёт.

– Да, знаю, – тихо согласился Толбочоон.

Они прошли еще немного, и неожиданно сзади, с противоположной стороны ручья, у самого берега, где деревья росли особенно густо, раздался треск сучьев. Бэркэ, в испуге развернувшись, схватил лук и, вложив стрелу, приготовился стрелять. Братья, посмотрев на старшего товарища, схватились за ножи и топоры. Шум то исчезал, то приближался, затем качнулись ветки и через секунду на открытое место выскочил грациозный зверь.

– Рысь! – определил Бэркэ. – Стой! – крикнул он охнувшему от удивления Толбочоону, который выхватил лук и натянул стрелу...

Дзынь! Стрела пролетела мимо. Серый в пятнах зверь, увидев охотников, нелепо затормозил всеми четырьмя лапами, на секунду замер, а затем скачками бросился вверх по склону. Легко перебирая мощными лапами, в несколько прыжков он достиг вершины скалы и скрылся между деревьев. Восхищенные братья начали обсуждать увиденное: рыси издавна ценились за отличный мех и почитались как великие охотники, но их редко удавалось увидеть. Толбочоон и Бузагу с досадой начали обсуждать, какую ценную шкуру они упустили. Простояв какое-то время в задумчивости, Бэркэ приказал братьям говорить тише и продолжать путь.

Трое охотников быстрым шагом двигались по дну ущелья. Глядя на хмурое лицо Бэркэ и нависшие над ними темные

скалы, братья тоже ощутили неясную тревогу и в молчании продвигались вдоль реки. Бузагу, осматриваясь по сторонам, поравнявшись с быстро идущим Бэркэ, вопросительно посмотрел на него.

– Её кто-то испугнул... Не мы... – тихо сказал Бэркэ и, подумав, добавил: – Кто-то идёт по нашему следу...

Вскоре, выйдя из очередного поворота, молодые охотники услышали усилившийся шум воды и, пройдя несколько метров, увидели, как их тихая речка соединилась с более шумной горной рекой с сильным течением. В верховьях прошли дожди, и мутная зеленоватая вода несла кучи веток и листья. Бэркэ с огорчением увидел, что скалы все также возвышаются над речкой сплошной отвесной стеной. Он поравнялся с Толбочооном. Тронул за плечо, и перекрывая шум воды, сказал ему:

– Как только увидишь впереди выход наверх, скажи мне. Поднимемся. Надо убираться отсюда.

—Хорошо, брат, – участливо откликнулся Толбочоон, которому тоже стало неуютно среди скал.

За очередным поворотом ущелье неожиданно расширилось: внизу, вдоль речки, по обе стороны тянулись густые заросли кустарника и редких деревьев, неведомо как удерживающихся корнями за склоны. Скалы то нависали над тропой, то расходились. Братья прошли ещё несколько метров и шагающий впереди Толбочоон заметил среди скал небольшой распадок с растущими на склонах деревьями. Подъема

был крут, но, держась за деревья и кусты, здесь можно было пройти наверх. Толбочоон побежал вперёд, чтобы удостовериться, что это действительно возможно. Осмотрев проход, он повернулся к приближающимся к нему друзьям и, улыбаясь, помахал рукой.

Глава 3. Кожаная маска

«Нашёл подъем!» – обрадованно подумал Бэркэ, глядя на младшего из братьев. Толбочоон что-то радостно кричал, но из-за шума реки его слов не было слышно. Бэркэ и Бузагу, пригнувшись, на полусогнутых прошли под нависшим над тропой скальным уступом. Идя первым, Бэркэ выпрямился и, посмотрев вперёд, вдруг заметил, что улыбку на лице Толбочоона сменила гримаса ужаса: он что-то испуганно закричал им, указывая на нечто, находящееся сверху и сзади Бэркэ.

«Предчувствие сбылось! Началось!» —мелькнула молнией мысль, и сердце Бэркэ заколотилось от нахлынувшего адреналина.

Услышав за спиной шум осыпавшихся камней, он машинально схватился за нож и начал разворачиваться назад. От мощного удара, пришедшегося в ухо, его повело налево, и под тяжестью поняги он упал на гальку. Лицо больно ударилось о камни на берегу речки. В голове загудело, Бэркэ, пытаясь прийти в себя, сплюнул попавшую в рот мелкую гальку. Тяжелая поняга, сместившись вперёд, придавила затылок и лишила его обзора. Краем глаза он заметил мелькнувшие чужие ноги в темных онучах и ощутил, как кто-то навалился на него сверху. Ему заломили свободную руку за спину и начали накручивать на неё веревку. Полуоглохший, он подобрал

ногу и, опираясь на камни, попытался освободиться, но безуспешно: вес поняги и сидевшего на нем нападавшего придавили его своей неподъемной тяжестью. Сквозь шум реки он услышал гортанные возгласы чужаков и отдаленный испуганный крик Толбочоона. В ухе все ещё звенело, прижатую к гальке правую сторону лица больно саднило, перед глазами вновь оказалась нога сидящего на нем врага. Бэркэ вдруг ощутил, что он все ещё держит в прижатой к земле левой руке рукоять ножа. Выгнув спину и подобрав живот, он сумел вытянуть его из ножен и первым делом перерезал ремень сковывавшей его тело тяжелой поняги. Извернувшись и сжав крепко нож, он наугад воткнул его в ногу врага. Послышался сдавленный крик, переходящий в ругательства. Бэркэ почувствовал некоторое ослабление захвата, уперся ногами в гальку и резко скинул с себя и раненого противника, и понягу. Быстро вскочив на ноги, он увидел, что лицо напавшего скрыто кожаной маской с прорезями для глаз и рта. Противник был невысок, худощав и... молод! – непонятно каким образом догадался Бэркэ. Раненый соперник, выхватив из-за пояса топорик, попытался вскочить. Ступив на повреждённую ногу, он зашипел от боли и качнулся, пытаясь удержать равновесие. Бэркэ перехватил его руку с топориком и сильным ударом ноги в челюсть отправил в неглубокое забытие. Выхватив оружие из рук обмякшего врага, Бэркэ крутанулся на месте и быстро оценил ситуацию: Бузагу, лежа на спине, пытался скинуть с себя насевшего на него врага в такой

же кожаной маске. Толбочоону повезло меньше: его соперник, сидя у него на спине, уже связал за спиной его руки и этой же веревкой спутывал ему ноги. Бэркэ дернулся было помочь Бузагу, но, обернувшись, остановился. Две фигуры в масках неспешно приближались к нему вдоль реки, со стороны, откуда они пришли.

«Пятеро... – Бэркэ просчитывал ситуацию. – Хотят взять живьём... Место для засады идеальное... Зря, ох, зря они пошли вдоль этой реки». Остановив хаотично мечущиеся мысли, он попробовал успокоиться и действовать хладнокровно. – Не торопись... Спокойней... Перехватив поудобнее топорик и нож, он быстро огляделся, высматривая площадку для предстоящего боя. Ещё раз бросил взгляд на друзей. Ничего... Хотят взять живьём... Шанс есть! Спокойней... Он двинулся назад и к реке. Новые враги приблизились и, не стовариваясь разделились с целью окружить его.

«Дурак! Трижды дурак! Сам залез в петлю! Все знаки указывали на это, предостерегали! Дурак...» – вина себя, Бэркэ начал отступать перед приближающимися фигурами. Правая сторона лица, куда пришёлся удар, опухла, и Бэркэ тщетно пытался проморгаться – глаз уже начал заплывать. Наступающий на него первым темнолицый верзила с длинным копьём осторожно подступал ближе, обходя Бэркэ по мелкой воде и стараясь прижать его к скалам. Второй – коренастый, с широкими плечами воин, переместился по-кошачьи вбок, к пришедшему в себя и пытающемуся встать ране-

ному соплеменнику. Не спуская взгляда с Бэркэ, коренастый присел. Стараясь привести раненого в чувство, снял с того маску, обнажив бледное лицо молодого парня с причудливой татуировкой синего цвета.

«Джирикинэи? Шитолицые!» – Бэркэ по рисунку татуировки попытался определить принадлежность парня к местным племенам. Его поразили спокойствие и какая-то отстранённость и уверенность коренастого воина. Он вновь глянул на Бэркэ, склонив голову, словно оценивая его. Сидя на коленях над очнувшимся раненым и массируя его шею, шитолицый певучим голосом отдал копьеносцу приказ, смысл которого Бэркэ не разобрал. Копьеносец, резко прыгнув к Бэркэ, сделал попытку достать его копьем в голову. Увернувшись, тот отбил удар топориком и сам атаковал нападавшего, пытаясь полоснуть его ножом по горлу. Враг, отскочив, тут же крутанул копьё над головой и по широкой дуге полоснул по выставленной вперед ноге Бэркэ. Острие копья вспороло обувь, но не поранило. Противники стали кружить друг за другом. Коренастый певучим голосом раздраженно и нетерпеливо вновь что-то бросил копьеносцу, но Бэркэ опять не разобрал слов.

«Главарь! Коренастый – это главарь!» – догадался Бэркэ, продолжая удивляться его спокойствию, и сам перешёл в атаку. Острие копья отступающего верзилы зазвенело от ударов ножа и топорика Бэркэ. Совершая обманные выпады, он почти достал своего противника. Атака завершилась раной

на пропоротом плече копыеносца, из которой тут же выступила кровь. Порез был неглубокий, но раненый отступил. Сидевший главарь, мягко вскочив и быстро приблизившись к Бэркэ сбоку, заставил его отступить от своего соплеменника. Бэркэ, оказавшись между двумя противниками, занял выжидательную позицию. Одобрительно качая головой, главарь поцокал языком, оценив его действия. Крутанув пальмой в руке, он расслабленно опустил руки и начал сближаться с Бэркэ. Тот, догадавшись, что имеет дело с более опытным противником, выставил вперёд нож и топорик, начал отступать вверх по небольшой тропинке на склоне скалы. Правый глаз заплыл и почти не видел. Боясь оступиться, Бэркэ осторожно двигался назад, бросая мимолетные взгляды на скальную поверхность за спиной. Противники неспешно двигались за ним. Бэркэ, улучив момент, глянул вниз на речку. Связавший Толбочоона противник оставил его и спешил к шитолицему, который всё еще не мог одолеть сопротивлявшегося Бузагу. Бэркэ разглядел, что Бузагу свободной рукой схватил за горло сидящего на нем противника и душил его. «У него жилистые руки и крепкая хватка», – с надеждой подумал Бэркэ, вспомнив моменты, когда им в шутку доводилось бороться.

– Брось оружие, аташкан... – певучим голосом произнес приблизившийся главарь, указывая на Бэркэ пальмой. – Хватит сопротивляться. Иначе твои друзья умрут...

Бэркэ не ответил. Осторожно ступая между камнями, он

продолжал пятиться вверх по склону. Он с тревогой заметил, что копыеносец и полностью очнувшийся молодой шитолицый начинают карабкаться по камням наверх, обходя его с двух сторон. Главарь шаг за шагом следовал за Бэркэ, с интересом наблюдая за ним.

– Спротивляться бессмысленно. Это наша земля, и было ошибкой приходить сюда, дружок. Брось топорик, – почти ласково попросил главарь. Бэркэ разглядел через прорезь в маске, что тот улыбается.

– Я тебе не дружок! Прикажи освободить их, – пытаюсь унять волнение в голосе ответил Бэркэ.

– Иначе что? Что ты сделаешь? – участливо спросил шитолицый, опасно приблизившись на расстояние броска.

– Иначе умрешь! – Бэркэ, понимая, что его оружие бесполезно против боевой пальмы, все же прыгнул вперёд. Выставив вперёд руку и махнув для острастки ножом перед лицом главаря, попытался достать топориком его ногу. – На!

Мимо и далеко! Шитолицый – быстрый, как вода, ловко переместился вправо и, отбив топорик пальмой, тут же рубанул ею сверху вниз. Бэркэ инстинктивно отпрыгнул, мимолетно удивившись скорости противника, и тут же ощутил, как правый бок пронзила острая боль, заставившая его охнуть и изогнуться. Он сразу почувствовал, как распоротая на спине парка начала быстро пропитываться мокрым и горячим. Острая боль от нанесённой раны усилилась, мешая сосредоточиться. Он качнулся, но сумел выпрямиться и от-

прыгнуть в сторону.

«Достал! Не смертельно, но достал!» – с отчаянием подумал Бэркэ, простонав и сжав зубы. Сосредоточенно пытаюсь восстановить дыхание, он вновь начал отступать назад вверх по склону.

– Умру? Вот это вряд ли... – ровным голосом продолжил главарь, все также неотступно и мягко следуя за пятящимся от него Бэркэ.

Копьеносец и молодой шитолицый оказались по обе стороны от Бэркэ, и он заметил, что окончательно пришедший в себя молодой воин начинает разматывать в руках волосяной маут. Крутя головой и внимательно следя за всеми тремя противниками, Бэркэ, отступая, поскользнулся и чуть не упал. Едва успев обрести равновесие, он тут же в кувырке прыгнул в сторону копьеносца, уходя от летящей на него петли. Аркан смазал его по спине. Поняв, что промахнулся, хромящий на раненую ногу шитолицый отступил назад, сматывая маут для нового броска. Бэркэ быстро вскочил на ноги перед неловко шарахнувшимся от него копьеносцем, пригнувшись от просвистевшего по широкой дуге наконечника копья. Отбил топориком следующий тычковый удар и, поднырнув, попытался достать ногу копьеносца ножом... Не дотянулся... в прыжке ушёл в сторону. Кувыркнувшись на камнях и вскочив на ноги, он повернувшись к противникам спиной, прыжками начал взбираться наверх. Преследователи широким охватом ринулись за ним. При каждом шаге

кровотокающий бок жгло огнём, и Бэркэ с отчаянием чувствовал, что кровь стекает вниз по ноге, уже достигнув щиколотки. Преследователи начали отрезать его от леса. Оставляя на желтом скальнике бурые пятна крови, Бэркэ добежал до верха уступа и увидел перед собой небольшую площадку, за которой темнел обрыв. Из-под него доносился гул шумящей внизу реки. С двух сторон обрыва, отрезая путь к бегству, приближались копьеносец и молодой шитолицый с готовым для броска маутом. Прямо перед Бэркэ из-за камней неспешно появился их главарь. Враги не торопились, понимая, что беглецу некуда деваться нависшей над рекой площадки. В висках Бэркэ шумело, перед глазами летали светляки, он хватал ртом воздух и чувствовал легкое головокружение – давала о себе знать потеря крови. Правая штанина стала мокрой и липла к ноге, мешая движению.

– Зачем сопротивляться, ты же видишь, у тебя нет шансов... – начал было главарь, но его вдруг прервал копьеносец.

– Брат-аташкан! – хрипло крикнул он и указал рукой вниз, на реку. И Бэркэ, и его противники невольно посмотрели в том направлении. Там, внизу, у кромки реки Бузагу сумел освободиться от сидевшего на нем противника и сбросить его с себя. Оба вскочили, вновь схватились друг с другом. Бузагу, сбросив захват противника, стиснул его обеими руками, оторвал от земли и, крутанув в воздухе, с силой бросил на камни. В этот миг сзади к нему подоспел шитолицый,

связавший Толбочоона. Отчаянно махая пальмой, он заставил Бузагу отступить и вроде поранил его, но тот, увернувшись, схватился с ним вплотную. В ходе недолгой борьбы, пригнувшись, прошёл ему в ноги – и тоже, подняв в воздух, кинул за спину.

«Молодец! Настоящий борец!» – обрадовался Бэркэ.

Бузагу сильными пинками умерил пыл попытавшегося подняться шитолицего, отчего тот притих на камнях. Обернувшись, старший из братьев встретился взглядом со стоящим на краю скалы товарищем.

– Беги! Беги, Бэркэ! – донеслось снизу до слуха Бэркэ. Он увидел, что Бузагу повернулся и, хромая, побежал по краю берега к связанному младшему брату.

Бэркэ быстро огляделся: внизу шумела река, перед ним стояли три противника. Пути отступления не было. Главарь шитолицых, глядя на бегущего вдоль реки Бузагу, раздраженно бросил молодому шитолицему:

– Когда вы, безголовые, научитесь делать всё вместе?! Сообща!

Молодой шитолицый виновато потупился. Главарь, провозжая взглядом бегущего внизу Бузагу, не оборачиваясь, негромко скомандовал:

– Онгонча!

Копьеносец, быстро отступив от Бэркэ, подошёл к краю скалы. Перевернул в воздухе копьё остриём вниз, на секунду замер, прикидывая расстояние до бегущей цели. Удобнее

схватившись за древко, он отвёл руку для броска, и, сделав два быстрых шага, крикнув, с силой метнул копьё вниз.

– Бузагу-у! – отчаянно крикнул со скалы Бэркэ, но тот продолжал бежать и не оглянулся. «Нет, не попадёт! Слишком далеко! Слишком...» – с надеждой подумал Бэркэ, следя за полетом взлетевшего в небо копья. Бузагу уже почти добежал до связанного брата, и хромая, замедлился. Прилетевшая с неба чёрная тонкая тень с силой впиалась ему в спину и повалила вперёд на землю. Неловко взмахнув руками, он упал.

– Бузагу-у! – отчаянно закричал, не веря своим глазам, Бэркэ. – Нет! Бузагу!

– Ты сам виноват в этом, атас ... – раздался сзади певучий голос главаря. Бэркэ, обернувшись с перекошенным от ненависти лицом, с криком бросился на него. Шитолицый ловко отражал удары своей пальмой, уворачиваясь и совершая обманные финты. Кряхтя и одобрительно охая, словно насмехаясь над ним, он крутился вокруг Бэркэ. Силы иссякли, и атака захлебнулась. Перед глазами задыхающегося Бэркэ поплыли искорки, он почувствовал, что очень устал, движения его стали не такими быстрыми, и удары потеряли силу. С досадой он вспомнил, как в детстве отец говорил ему заниматься с оружием каждый день: «Черный лес полон опасностей, сын... Ты должен уметь постоять за себя и крепко держать оружие...» «Зачем? – думал тогда Бэркэ, – я не собираюсь ни с кем воевать...» Вот и итог: и друзей погубил, и

себя не сберег!

– Ну хватит, пожалуй... Теперь моя очередь. А то это начинает мне надоедать... – напевно произнёс шитолицый и перешёл в атаку. Пальма его казалась вездесущей – она сверкала то с одной стороны, то с другой, изумляя Бэркэ и нарушая его равновесие. Отбивая череду ударов сверкающего над ним оружия противника, Бэркэ пропустил удар по ноге: клинок скользнул вдоль дровка топорика, рассек ему бедро. Затем закровило вспоротое предплечье. Противник продолжал наседавать – шаг и удар, удар и еще шаг. Шитолицый, пританцовывая, наступал, пальма вилась вокруг головы сияющим кругом, молнией выскакивая из него. Бэркэ, как мог, отбивал топориком удары, следовавшие настолько быстро, что он понял, что вот-вот пропустит основной удар...

–Он сильнее меня... Он просто играет со мной... – мелькнула паническая мысль.

Отчаявшись, Бэркэ с криком кинулся было на противника, но следующий удар, который он попытался отбить вверх, соскользнул и пришёлся сверху вниз прямо по его лицу. Страшная боль на мгновение ослепила его, заставив вскрикнуть. Выпустив из одной руки нож, он схватился за окровавленное лицо, пытаясь разглядеть своих противников сквозь заливающий глаза красный поток. Пятясь назад, он оступись и чуть не упал, едва сумев сохранить равновесие. Снизу до него донёлся крик Толбочоона. Бэркэ, шатаясь и продолжая отступать, оказался на самом краю обрыва. Внизу шу-

мела река.

– Толбочоон! – собравшись с силами, крикнул Бэркэ и, повернувшись, неловко прыгнул вниз.

За спиной раздались запоздалые возгласы преследователей.

«Хоть бы было глубоко!» – мелькнуло в голове. Пролетев несколько метров, он с шумом упал в реку; от удара о ее поверхность вышибло дыхание, и он заглотнул воды. Изо всех сил работая руками и ногами, он потянулся вверх и, наконец вынырнув, жадно вдохнул воздух. Течение несло его дальше, он вдруг ощутил тупой удар ниже лопатки. Дернувшись от боли и неожиданности, вновь заглотнул воды. Стрела! Тупая боль в груди не дала ему полностью вдохнуть воздуха. Неловко барахтаясь, запрокидывая к небу кровоточащее лицо, он едва держался на плаву. Руки и ноги стали ватными, движения обессиленного тела замедлились. В этот момент он заметил, что течение несет его мимо лежащего на берегу связанного Толбочоона. Рядом, с копьем в спине, неподвижно лежал Бузагу. В этот миг он успел разглядеть заплаканное лицо в отчаянии смотрящего на него Толбочоона. По его шевелящимся губам, он понял, что тот зовёт его. Захлебываясь, Бэркэ попытался подгрести к другу, но тщетно – течение уносило его.

– Толбочоон! Толбочоон!... – пытался он крикнуть ему в ответ, но не смог.

Силы начали оставлять его, он понял, что тонет. Река уно-

сило его дальше, и вскоре друзья скрылись за поворотом. Бэркэ обожгла мучительная мысль: «Это я виноват! Я виноват! Они погибли из-за меня...» Его слабеющее тело на очередном пороге перевернуло на спину. «Я тону. Это конец... Ну и пусть. Я виноват. Я заслужил это».

Глава 4. В поисках земли

Отшумела весна, успокоились после таяния снегов многочисленные реки. Стоял летний месяц сосны, и полуденное солнце, то и дело выглядывая из-за немногочисленных облаков, пригревало одетую в зелёный наряд бескрайнюю тайгу. Легкий ветерок качал верхушки деревьев, под которыми по узкой лесной тропе двигался караван из навьюченных лошадей и запряженных низкорослыми быками и круторогими коровами повозок. Предводитель каравана – Октай из рода саха, спасаясь от притеснений, чинимых предводителем хангалассцев, грозным Тыгыном Дарханом, покинул обжитые места у Великой реки и двигался на запад в поисках новой земли. Его жена давно умерла, с ним странствовали его единственная дочь и немногочисленные работники со своими семьями. Дочь Октая, красивая белолицая Айыына, с большими умными глазами, нежным овалом лица, чистым, высоким лбом и слегка выдающимся вперед подбородком, ехала в запряженной быками повозке и с грустью взирала на проплывающий мимо пейзаж. На ее глаза то и дело наворачивались слезы: за недолгую жизнь ей пришлось пережить смерть матери, а теперь ещё и это бегство из обжитых мест – в никуда, в незнакомый и опасный лес, населенный враждебными племенами. Прочь от друзей детства, от сделавшего ей этой зимой предложение жениха. Октай, ехавший неподалеку, уви-

дев состояние дочери, ускорил саврасую кобылу и поравнялся с возком. Тяжело вздохнул, не зная, как начать разговор.

– Ну что ты, доченька моя... Не надо плакать. Это первое время тяжело, потом все изменится, вот увидишь. Все будет хорошо, – в очередной раз попытался успокоить любимую дочь Октай.

– Я очень скучаю по нашему дому, по прежней жизни, отец. Может, вернуться, прошу тебя... – поддавшись чувствам, с надеждой произнесла она и, поняв, что сглупила, внезапно замолчала.

Октай опустил голову и ничего не ответил. Некоторое время они ехали молча. Айыына жалела о мимолетной слабости, ей стало неловко. Умом она понимала, что обратно уже не вернуться и что этими словами она только расстроила отца, и без того переживающего за этот поход. Вот уже несколько недель они в пути, а всё ещё не могут найти новое место с пастбищами, пригодными для разведения скота. А сколько опасности представляют местные племена?

– Ничего, доченька. Я понимаю, тебе сейчас нелегко. Но ты сама знаешь: обратной дороги нам нет, – осторожно подбирая слова, начал Октай. – Глава хангалассцев Тыгын не даст нам спокойной жизни в долине. Он изведёт нас, как и многих других... Его жадность и жажда власти не знают предела. Мы не можем вернуться, дочь. Пролитое потеряно, ушедшее – ушло. Прости меня, что я обрёл тебя на эти скитания, – с грустью продолжил он.

Айыына, устыдившись своего поведения, вытерла слезы и попыталась ободряюще улыбнуться:

– Это ты прости меня, отец. Опять я расклеилась и говорю ерунду.

– Ты крепкая и умная, доченька моя. Все будет хорошо. Найдём богатые луга и заживем свободными людьми! А сейчас нам надо собраться с духом и терпеть. Помогать друг другу в пути.

– Да отец, я понимаю. Прости меня за глупые слова. Я просто очень скучаю по своим подружкам, по Долгоону. Как я буду жить без них?

Октай с грустью вспомнил Долгоона – друга детства Айыыны, упитанного и неловкого парня, который незадолго до их отъезда сделал ей предложение. Их семьи дружили давно: Октай и отец Долгоона помогали друг другу и не раз говорили о том, чтобы породниться. И даже в этот поход они собирались отправиться вместе, двумя семьями, но потом отец Долгоона передумал, опасаясь гнева жестокого повелителя долины Туймаада, грозного Тыгына Дархана. Октаю стало неловко перед дочерью: по его воле она осталась без жениха, пусть и не такого идеального, как хотелось бы ему. Долгоон был ленив, спесив и любил вкусно поесть, но они с Айыыной дружили с детства, и Октай не был против этого брака, лишь бы дочь была счастлива.

Они вновь замолчали. Октай невесело оглядел идущих рядом домочадцев. Их жизнь теперь зависела от него, от его

решений и поступков. Сомнения и тревога опять овладели им: правильно ли он поступил, покинув обжитые места? Что ждёт их впереди? Пропадут ли они все без вести в этом бескрайнем море чёрной тайги, или их ждёт успешная и богатая жизнь? Может, действительно повернуть обратно? Склонить голову перед всевластным владыкой Туймаады, пасть ему в ноги и просить милости? Ведь терпят же многие роды и племена его сильную руку... Неужели гордыня затмила его, Октай, разум, и он делает большую ошибку, не осознавая её? Может, Тыгын Дархан ниспослан им с небес, волею Айыы? И они, смертные, должны поклоняться ему как посланнику неба? От этих мыслей Октай переменившись в лице, стиснув зубы, зажмурился. Неужели он совершил ошибку? Там, у Великой реки, они с отцом Долгоона вечерами со все нарастающим интересом слушали рассказы Сюрюка Балдайы, исходившего эти места... Рассказы о том, что Богатый Виллюй, или, как его еще называют – Жирный Виллюй, полон пустых пастбищ с нетронутой нивой богатых лугов и непуганой живности. И что эта земля только и ждёт удачливых странников... И вот они в пути... Найдут ли они свое счастье или пропадут, как пущенная вдаль костяная стрела? Словно очнувшись, Октай украдкой оглядел идущих рядом домочадцев и дочь. Никто не заметил, с облегчением подумал он. Айыына, все же успевшая заметить потемневшее от раздумий лицо отца, решила переменить тему разговора.

– Будь с нами мама, было бы куда веселей, – сказала она

и улыбнулась. – Сейчас бы она прикрикнула на нас: «Эй, о чем это вы там шепчетесь, бездельники? Ну-ка за работу!»

– Да, именно так она и сказала бы, – тихо рассмеялся Октай.

– Она была такой смелой, не то, что я, плакса! – нахмурившись, сказала Айыына. Она вспомнила улыбку матери, и как та успокаивала ее в детстве. Вот была бы она сейчас здесь. Как бы она поддержала ее, улыбнулась ей. Девушке так хотелось этого – больше всего на свете. Их веселые переезды в летнее становище – сайылык – это были самые волшебные дни в ее жизни, но теперь ей казалось, что все это происходило в другом столетии. – Я выйду замуж за Долгоона, и у нас будет много детей. – Она говорила это девочкой, еще в той жизни, такая радостная и невинная в своих мечтаниях. Айыына улыбнулась, но ей стало грустно. Сейчас все было по другому.

– Это не так, дочь. Ты ошибаешься. Ты такая же смелая, вся в маму. В тебе течёт сильная кровь племени тонг-биисов... Мне не хватает её, твоей матери... Надеюсь, она сейчас смотрит на нас с небес и... Как всегда, журит нас: «О, глупые олени, куда вы подались?!»

Октай и Айыына грустно рассмеялись.

– Ты помнишь, как мы оказались в ледяной воде реки и выбрались на берег? Помнишь себя? Ты была тогда такой маленькой, а вела себя очень хладнокровно. Ты всегда была храброй, я горжусь тобой, дочь!

Айыына помнила тот случай: это было весной, повозка провалилась в воду и ее понесло по течению. Они с отцом чудом ухватились за проплывавший мимо ствол дерева и держались за него. Течение несло их по небольшой речке, впадавшей в Великую, ещё немного, и их бы выбросило на стремнину. Надо было оторваться от дерева и доплыть до берега. В ледяной, пробирающей до мозга костей воде, они продержались бы недолго. Она вспомнила слова отца: «Мы должны отпустить это дерево и доплыть до берега, дочка! Я знаю, тебе страшно. Ты просто дыши, как я. Открой широко рот, делай глубокий вдох, затем выдох. И тогда твой страх уйдёт. Повторяй за мной! Вдох-выдох... Вдох-выдох...»

Глава 5. Мертвец в воде

Аккуратно ступая по мокрым камням и потряхивая ветвистыми рогами в попытке спастись от докучливой мошкеры, по берегу горной речки двигался верховой олень. Сидящий на нем худой старик спал неглубоким сном. Он уронил на грудь голову с клоками длинных поседевших волос, и она покачивалась на худой шее в такт шагам осторожно ступающего оленя. Жидкий утренний туман клубился над поверхностью воды, обещая благоприятный день. Внезапно учаг остановился и, с шумом раздувая ноздри, принялся вытягивать в себя прохладный воздух горной реки – учуял запах чужого человека и крови. Задремавший на олене старик очнулся и, щурясь, огляделся вокруг, пытаясь понять причину остановки. Идущий на привязи второй олень был на месте и покорно ждал продолжения пути.

– Бай! Что встал? – старик несильно ударил своего учага пятками по бокам, но тот, сделав несколько шагов, опять остановился, и идущий сзади на привязи второй олень чуть не натолкнулся на него, недовольно фыркнув. – Ой-е... – старик окончательно проснулся, разглядев впереди лежащего среди камней человека, тело которого наполовину находилось в воде. – Совсем старый стал, не вижу, что под носом творится...

Придвинув поближе висевший за спиной лук, он замер и

некоторое время внимательно оглядывал нависшие над ним серые скалы. Удостоверившись, что никакая опасность ему не грозит, старик осторожно подъехал к телу. Человек без движения лежал на животе, лицом на камнях, ноги же его были полностью в воде. Быстрое течение речки прибило к телу мусор из мелких веток и листвы.

«Мертвец», – подумал старик, разглядывая торчащую в спине лежащего стрелу и длинный порез на боку. На затылке также виднелась рваная рана с запекшейся кровью, над которой закружились встревоженные мухи. Старик осторожно ткнул человека посохом, затем поняв, что сделал это недостаточно сильно, ударил покрепче – тело не шелохнулось.

«Мертвец», – ещё раз подытожил старик, выпрямился и, бодро понукая оленя, тронулся мимо лежащего в воде тела. Майат? Тонг-биис? Тумат? Разглядывая одежду, старик попытался угадать, к какому племени принадлежит убитый. У кого был такой узор?... Хотя какая разница! Эти племена воюют друг с другом с тех пор, как он помнит себя. Зачем, спрашивается? Тайга большая, места хватило бы всем. Это всё людская жадность. Человек не может жить спокойно. Всё ему мало. «Пусть хоть вовсе поубивают друг друга, это не моя забота», – зло подумал старик и хотел было ускорить шаг оленя, но вдруг устыдился. За свои годы, он успел повидать много плохих людей и мало хороших. Жизнь-учитель, не терпящий ошибок. Она научила его держаться подальше от первых и не ожидать многого от вторых.

– Вот каким я стал...– Учаг, взбодренный пятками старика, едва тронувшись, послушно замер, получив команду остановиться.

Да простят его, старого дурака, духи среднего мира – дулу... Закон тайги не писан, но нерушим. Он гласит, что мы должны помогать попавшим в беду: сильный – слабому, здоровый – больному. Нарушивших правило постигнет наказание. Духи всегда помогали старику, но вдруг, увидев его поступок, они отвернутся? Надо убедиться, что этому человеку ничем уже не помочь ... И тогда его совесть будет чиста.

Неловко, на негнущихся ногах спрыгнув с оленя, старик, крихтя и охая, разогнул затёкшую спину и, немного постояв, склонился над лежащим перед ним телом.

– Хоть бы был мертв... Возиться ещё с ним...

Опустившись на четвереньки и стараясь не угодить коленями в воду, старик приложил ухо к спине лежащего и, открыв рот, внимательно прислушался. Сердце найденного им человека медленно и гулко билось в груди.

– Эх, не было хлопот, – тяжело вздохнул старик. Надавив коленом на спину раненого и схватившись за древко торчавшей стрелы, он медленно потянул её: к его удивлению, она легко и быстро вышла. Глянув на костяной наконечник, отбросил стрелу в сторону. – Попала в ребро, поэтому вошла неглубоко. Повезло... Теперь возись с ним. Воюют друг с другом, грабят друг друга... Даже умереть по-человечески не могут...

Схватив лежащего за плечи, он осторожно перевернул его на спину. Раненый издал глухой стон, но не пришёл в себя. Старик замер. Увиденное привело его в замешательство. Опустив безвольное тело, он устало сел на камни. Некоторое время, не шевелясь, в охвативших его раздумьях рассматривал лицо лежащего перед ним молодого парня. «Молодой. Совсем молодой. И с таким ужасным лицом... Да лучше умереть, чем остаться таким. Я бы хотел жить с таким лицом? Страшная рана... Какая девушка согласится жить с таким?»

Старик с досадой оглядел окружающие его скалы и лес, словно ища подсказки, что же делать дальше. Длинный порез, оголивший красное мясо, тянулся от верхней части лба наискосок до самого подбородка. Глаз, к счастью был не задет. «Наверное, успел зажмуриться», – догадался старик. Рывком погрузив тело на второго оленя, он крепко закрепил его ремнями. Тяжело взобрался на своего учага, и маленький караван вновь тронулся в путь.

– Неудачно начался день. За что мне это? Опять надо искать место для лагеря. И первым делом зашить ему лицо... – ругаясь на себя и на этот мир, старик с оленями вскоре скрылся за скалами.

Плавно покружившись в воздухе, сверкая в лучах встающего солнца иссиня-черными крыльями, с вершины скал на каменистый берег мягко приземлился ворон. Наклонив голову и моргая умными глазами, он прыжками приблизился к красному пятну на мокрых камнях.

Глава 6. Хонгу

Через несколько дней пути караван наткнулся на небольшую долину с пригодными для скота пастбищами. Из леса показались люди, и, поговорив с ними, Октай с горечью узнал, что эта земля занята такими же, как он, переселенцами из племени хоро. Попрощавшись, грустный Октай и его домочадцы продолжили путь. Во второй половине дня набежали тучи, и полил дождь. Октай решил остановиться и подождать сухую погоду. Уставшие путники разбили лагерь и разожгли костры. На следующий день тучи начали рассеиваться, выглянуло солнце, разноцветная радуга широким коромыслом заняла полнеба. Октай со своим помощником Лючю, увидев недалеко озеро, решили поохотиться на уток. Насторожив стрелы, они шли по краю озера, густо поросшего камышами. Шумно хлопая крыльями и крикая, из зарослей вылетали потревоженные разномастные утки. Через некоторое время охотники настреляли с дюжину птиц. Догоня раздевшись, вплавь собрали упавшую в воду добычу. Когда они уже собрались было идти, прямо над ними пролетел селезень. Октай, схватив лук, выпустил стрелу и... промахнулся. Выстрелил и Лючю, но и его стрела не попала в цель. Испуганной утке уже ничего не грозило, и она, облетев озеро, начала садиться на его дальний край. Снизившись, она вдруг замертво упала в кусты, пораженная чьей-то стрелой.

Два охотника, присев, встревожено зашептались. Кто этот меткий стрелок? Враг или друг? Ясно, что он наблюдал за ними все то время, что они охотились. Некоторое время они выжидали, но невидимый стрелок, как и они сами, не спешил показываться на глаза. Октай и Лючю, посоветовавшись, осторожно выехали на лошадях на открытое место и неспешно двинулись на дальний край озера. Держа луки наготове, они проехали половину расстояния.

Вскоре из камышей верхом на олене появился незнакомый молодой охотник, судя по одеянию – из местных племён. Его татуированное лицо излучало уверенность и добродушие. Он с достоинством поклонился Октаю и поздоровался с ними на языке саха. Через несколько минут они уже ехали бок о бок, мирно беседуя. Выяснилось, что молодого охотника зовут Хонгу. Октай пригласил его на ужин в лагерь, собираясь расспросить о свободных землях. За ужином молодой охотник рассказал, что нынче много людей из народа саха бродит в поисках свободной земли. Когда-то здесь осели племена майат, но и они покинули эти места. Слушая рассказ Хонгу, Айыына с любопытством следила за ним – уверенным в себе, широким в плечах молодым охотником. Хонгу и сам периодически поглядывал на Айыыну с непонятным ей интересом. Вскоре, закончив ужинать и поблагодарив радушных хозяев, Хонгу попрощался с Октаем, отдав ему своих уток. Вскочив на оленя, он добавил:

– В двух днях пути отсюда, у большого озера, живет ста-

рик-рыбак. Может, он что подскажет... Не помню его имени, но много людей путешествуют в тех местах, где он живёт, и он может знать о свободных землях. Расспросите его.

Ловко оседлав оленя, молодой охотник обернулся и весело крикнул Айыыне:

–Удачи! Ещё увидимся, красавица!

Глава 7. Эчинэй

В тёплом и просторном холомо на огне варилась вкусная похлебка. Как и говорил Хонгу, спустя день путешествия, Октай и его люди вышли к большому озеру. Увидев дымок на его берегу, путники быстро нашли нехитрое строение с небольшим загоном, в котором при виде незнакомцев заметались несколько домашних оленей. Вскоре Октай вместе с близкими был приглашен к столу хозяином — Эчинэем. Это был довольно крепкий на вид, почти лысый старик с желто-смуглым, изрезанным морщинами лицом. Один глаз его был больше другого, что придавало ему какое-то насмешливое выражение. В его изменчивом взгляде, в улыбке, как будто напряженной, и в голосе было что-то порывистое и торопливое. Передвигался он на удивление ловко и быстро, несмотря на то, что одна нога его заканчивалась культей, насаженной на деревянный колышек. Мужчины, распивая перебродивший молочный напиток, который выставил на стол Октай, были веселы и вели оживленный разговор.

– Давно я не пил кумыс, уже и позабыл его вкус! До чего он хорош, Октай. А ведь когда-то и я жил в долине Туймаада. Давно это было... – Эчинэй, задумавшись, уставился захмелевшим взором в одну точку, а после, очнувшись, продолжил: – Я так давно оставил те земли, что сам себе не верю – а

было ли это вообще? Вы ищете свободные пастбища? Я так же, как и вы, искал их в свое время. Давно, давно это было... Есть здесь одно место. Когда-то там обитали племена майат, но они покинули их, откочевали с оленями на север. Что им? Сегодня здесь, завтра там... Куда олени, туда и они... Да, да, припоминаю я одно место... Там богатые пастбища. Ваш скот не останется голодным. Эта местность в нескольких днях пути отсюда.

– О небо, Айыы Танара, услышь мои молитвы! Я буду в неоплатном долгу перед тобой, Эчинэй, – взволнованно произнес Октай.

– Да брось, Октай! Мы, люди срединного мира, должны помогать друг другу, какого бы племени мы ни были! Эта земля сейчас свободна, я думаю. Прошлой осенью я был там проездом, но никого не видел.

– Хоть бы духи были благосклонны к нам, и эта земля была ничьей! Мои люди очень устали в пути. Лето коротко, а нам надо ещё заготовить корм для скота и обустроиться. Боюсь представить, что с нами будет, если мы не найдём пастбища до осени. Зиму мы не переживем...

– Не волнуйся, друг! Тайга большая, неужели не найдётся клочка земли для тебя и твоих людей? Не беспокойся. Я сам с вами поеду и покажу это место, – успокоил его Эчинэй, смотря осоловевшими глазами.

– Ты нас очень выручишь, Эчинэй! Я не забуду этого.

– Красивая дочка у тебя, Октай, – заметил Эчинэй. – На-

верное, нет отбоя от женихов?

– Были женихи, – не зная, как продолжить разговор, неуверенно сказал Эчинэй, покосившись на сразу погрузневшую Айыыну. – Да остались у Великой реки...

– Э-э... Не беспокойся, на такую красавицу и здесь отбоя не будет! Здесь тоже бывают хосууны-удальцы! И у обосновавшихся здесь пришлых саха женихи найдутся!

Опьянев от кумыса, старики ещё долго беседовали, вспоминая свою молодость и былую жизнь. Утром, едва рассвело, они отправились в путь. Через два дня к вечеру они достигли намеченного места, и перед уставшими путниками открылась чудная долина: в лучах заходящего солнца она светила красным, колыхавшимся под ветром лугом. Не скрывая восхищения, Октай, Айыына, Лючю и остальные домочадцы смотрели на эту красоту... Им оставалось только провести обряд ойдуо, чтобы окончательно убедиться в том, что земля свободна.

– Ойдуо! Ойдуо! Люди, мы пришли! Если вы есть, отзовитесь! Если вас нет, значит, это наша земля! Ойдуо! Ойдуо! Ойдуо! – Октай на правах старшего кричал, сложив руки рупором и поворачиваясь во все стороны. Лючю, размахивая в руках длинной сухой веткой, с силой бил ею по другому сухому дереву, отчего по округе разносились гулкие удары.

Стояла тихая безветренная погода, солнце скрылось за верхушками деревьев, и переселенцы, не шевелясь, до звона

в ушах слушали наступившую тишину. Никто не показался и не вышел из леса, никто не предъявил свои права на эту землю. Октай и его спутники весело переглянулись и крепко обнялись – теперь это была их земля. Эчинэй, отпраздновав это событие с новыми поселенцами, на следующий день отбыл к себе, обещая проведать их поздней осенью. Октай долго не отпускал его, выражая свою благодарность.

Все последующие недели переселенцы были заняты постройкой жилья, изгороди для домашнего скота и сенокосом. Дни пролетали быстро, а в конце месяца сенокоса неожиданно приехал Хонгу: он подарил Октаю выделанные олени и лосиные шкуры, Айыыне же – красивое ожерелье из кости водяного быка. Так он приезжал потом несколько раз, одаривая Октаю и домочадцев различными подношениями. Каждый раз Хонгу и Айыына переглядывались и изредка перекидывались словом. Айыына каждый раз отмечала, как пристально и внимательно смотрит на нее молодой охотник. Октай очень сблизился с Хонгу и заметил заинтересованность, возникшую между молодыми людьми. Работы было много, Октай и его люди до позднего вечера были заняты подготовкой к зиме, и у него не находилось свободного времени пообщаться с дочерью. Но он не раз замечал по лицу Айыыны, что ей все так же тягостно и скучно одной, без сверстников.

– Тебе нравится Хонгу? – однажды зимним вечером, сидя за ужином и немного перебрав с забродившим кумысом, спросил Октай Айыыну. – Я вижу, он приезжает только ради

тебя.

– Какой ты внимательный, отец, – Айыына смущенно улыбнулась. Она и сама замечала это, ей было приятно внимание молодого охотника. В то же время она замечала за ним какую-то скрытность и насторожённость, тщательно скрываемую за показной беззаботностью и легкомысленностью. Иногда она видела, как в нем проскальзывали жесткость и непримиримость, которые пугали её, но затем они сменялись добродушием и наивностью. В силу молодости и незнания повадок людей Айыына объясняла себе это особенностями характера живущих здесь племён и тем, что Хонгу не умеет общаться с противоположным полом. Ей нравились в нем скрытая сила, ловкость и уверенность, присущие скорее зрелым мужам, не свойственные молодому возрасту.

Зима прошла, а за ней и долгожданная весна. За это время никто не потревожил Октая и его людей. Жившие в первые месяцы в тревоге и в ожидании появления местных племён, поселенцы через год расслабились и успокоились. В конце лета, в один из вечеров, Октай заговорил с Айыыной:

– Хонгу приезжал. Он приглашает тебя погостить в своем стойбище. Я вижу, дочка, тебе скучно здесь без молодежи. Он сказал, что люди его племени перекочевали на летнюю стоянку поблизости, совсем недалеко от этих мест. Что скажешь? Язык их ты знаешь, мать научила тебя. Хонгу мне нравится. Познакомишься с новыми людьми, а, может быть, и с новыми родственниками? – хитро прищурившись, спро-

сил он. Айыына смущенно промолчала, но все последующие дни думала об этом предложении.

Глава 8. Бэркэ

Бэркэ, находясь в полусне, простонал, на миг открыл глаза и вновь провалился в тьму. В это мгновение его мозг ухватил увиденную картину, и Бэркэ догадался, что находится в юрте. Что-то мешало ему, дыхание было хриплым и неровным. Бэркэ ощутил, как горит его лицо. Весь правый бок болел, и грудь словно пронзало всякий раз, когда он пытался вздохнуть. Что со мной стряслось? Нападение воинов в масках представлялось ему полусном. Главарь шитолицых... воспоминание о нем пугало Бэркэ. Смех врага звучал у него в голове и от этого бросало в дрожь.

Когда Бэркэ очнулся снова, было темно. Сначала он ничего не видел, но потом вокруг возникли смутные очертания крохотной юрты. Память частично вернулась, и обрывки воспоминаний захлестнули его, как холодная вода спящего человека. Сердце заколотилось, он вспомнил не всё, что приключилось с ним, но тяжелое чувство беды, случившейся с его друзьями, охватило его душу чёрным удушливым мраком.

Бэркэ попытался вскочить, но боль охватила его, стиснув, как кулак гиганта. Дыхание оставило его, он сумел только охнуть и повалился обратно на оленьи шкуры. Еле восстановив дыхание, весь в поту, Бэркэ вновь впал в забытие.

Под утро он пришел в себя от прикосновения холодно-

го воздуха: в жилище вошел худой старик – он был незнаком Бэркэ и поначалу испугал его своим появлением. Чиркнув кресалом и не обращая внимания на парня, тот молча разжег очаг. При свете костра Бэркэ, стараясь не выдавать своего волнения, разглядел пришедшего. Старик был уже на склоне своих дней, и его седые космы местами совсем побелели. Плоский нос и рот углами вниз делали его лицо суровым. Правда, вскоре стало ясно, что он не опасен. Подогнув колени, старик сел напротив и успокоив Бэркэ жестом, тихим и сипловатым голосом попытался уговорить парня лечь обратно на шкуры. Бэркэ попытался подняться. От усилия у него помутилось в глазах, и стены юрты завертелись колесом. Он простонал и зажмурился. Из-за резкого движения рана на боку, умело зашитая стариком, воспалилась. Откинувшись, он обнаружил, что и лицо его частично обмотано тряпками и сильно саднит. Бэркэ вспомнил последние мгновения жизни Бузагу, плачущего Толбочоона и кожаные маски нападавших. Его затрясло, как в лихорадке, и он снова с криком попытался вскочить, оттолкнув старика.

– Кто ты? – В горле немилосердно саднило, и Бэркэ скрючился в приступе кашля. – Аа... – просипел он. Собственный голос показался ему слабым и хриплым, и стены юрты вновь поплыли перед глазами. Старик хотел помочь ему, но парень махнул рукой и вскоре оправился.

– Пусти! Я убью их! Я найду их, отпусти меня, старик! Нет! Нет!

– Успокойся! Ты не в себе! Ложись! – старик попытался снова уложить его на шкуры.

– Нет! Отпусти! Пожалуйста, отпусти!

– Успокойся парень, ты слишком слаб! Успокойся! О духи, вразумите его!

– Нет! Все равно! Я найду их и убью! Отпусти меня, старик!

Бэркэ, вскочив на ноги и оттолкнув старика, качаясь от слабости, направился к выходу, но сознание его помутилось, и, потеряв равновесие, он упал. Пол тордоха качался перед его глазами, но он, рыча от накатившей боли и от осознания своей слабости, упорно полз к выходу на четвереньках.

На улице его ослепил дневной свет, и он, зажмурившись, замер. Хотел встать, но упал. Рыча от боли, попытался вновь подняться. Старик, подскочив, рывком поднял его и развернул к себе, строго посмотрел ему в глаза и выпалил:

– Хочешь отомстить?! Ладно! Давай! Возьми оружие! – старик, выхватив откуда-то топорик, протянул его Бэркэ. – Держи! Ну!

Бэркэ неловко схватил протянутое ему оружие, шумно дыша и глядя на старика полными отчаяния глазами. Он почувствовал, что с лица сползла повязка, и сдернул её, обнажив уродливый шов. Его качнуло в сторону, но он удержался на ногах.

– Держи оружие крепко! – бросил ему старик, и Бэркэ вытянул перед собой топорик в дрожащей руке. Схватив при-

ткнутой к стене юрты шест, старик с силой ударил им по топорiku в руке Бэркэ. Раздался глухой удар: топорик отлетел в сторону, а Бэркэ, не удержав равновесие, неловко упал на пол, больно ударившись спиной.

– Ну? Даже меня не можешь одолеть! – громко сказал старик, осуждающе глядя на поверженного парня.

Бэркэ, стиснув зубы и зажмурившись, несколько секунд лежал, пытаясь отдышаться, затем попробовал резко перевернуться и вскочить, но тут же упал на колени, елозя лбом по земле. Застонал от боли и замер. Его стон захлебнулся и перешёл в какой-то клёкот, плечи мелко затряслись, как будто он сейчас засмеётся, а всхлипы перешли в тихое рыдание. Он обхватил своё изуродованное лицо обеими ладонями и, дрожа, лежал перед стоящим над ним стариком. Тот подхватив его и занёс обратно в тордох.

– Я должен... Как же я отомщу? Я должен отомстить... Почему? Почему я не умер тогда? Это моя вина... – эти слова Бэркэ, прерываемые плачем, тихо звучали в ставшем тесным тордохе. Он почувствовал, как руки старика опустились ему на плечи и крепко сжали их, пытаясь унять дрожь. – Как же... Как же мне отомстить им? Как мне вернуть моих друзей? Я виноват... Я... – Бэркэ поднял голову и посмотрел на старика глазами, полными страдания, боли и немой мольбы, будто старик мог обратить время вспять и вернуть ему друзей. Слезы текли по его изуродованному лицу, искажившемуся от душевных переживаний. Не выдержав взгляда Бэр-

кэ, старик отвернулся, не зная, какими словами можно утешить человека в таком состоянии. Некоторое время они так и стояли, не говоря ни слова: смотрящий куда-то невидящим взглядом, задумавшийся о своем старик и опустивший голову Бэркэ.

– Ты отомстишь им, – произнес старик мягко, словно не желая вторгаться в мрачные думы парня. – Тебе только надо набраться сил, сынок. И ты обязательно отомстишь.

Глава 9. В гости к Хонгу

Заканчивались месяцвил и сенокосная страда, отшумели летние грозы, и в один из приездов Хонгу Айыына, переговорив с отцом, согласилась съездить погостить в стойбище парня. Оседлав ездовых оленей, молодые люди под напутственные слова Октая тронулись в путь и вскоре покинули долину.

Осенний лес местами принарядился в золотое одеяние, тропа была усыпана первыми опавшими листьями. Стояла тихая солнечная погода. С непривычки Айыына, с детства приученная отцом к верховым лошадям, испытывала некоторое неудобство при езде на рогатом помощнике. Необычная посадка и управление были ей в диковинку, но вскоре, приноровившись, она привыкла к размеренному шагу оленя. Ее мать была из племени тонг-биисов, и кровь давала о себе знать. Они ехали в основном молча, изредка перебрасываясь словами. Время от времени Хонгу напевал какую-то тихую мелодию.

– Что это за песня? – спросила Айыына.

– Ее мне пела мать. Она – о детях, пожелание им счастья.

– Ой, смотри! – испуганно воскликнула Айыына, заметив что-то в траве. Недалёко от тропы лежали сгнившие кости оленя с остатками шерсти и обрывками истлевших ремней.

Рядом валялись обломки отполированного дерева, бывшего когда-то нартами.

Хонгу, сучающе оглядев останки, ускорил ход оленя.

«Куда мы едем?» – впервые серьезно задумалась Айыына, объезжая скелет животного. Если бы она посмотрела немного в сторону, то заметила бы белеющий в траве человеческий череп. Тропа петляла из стороны в сторону и местами, как ей казалось, вела в обратную сторону. Малоезженная, местами густо поросшая травой, она пересекала один и тот же ручей, поворачивала то на восток, то на запад, то пропадала в лесу совсем. После этого они некоторое время ехали молча по извилистой звериной тропе, ведущей между двумя холмами, по склонам которой росли хилые сосны. Хонгу объяснил девушке, что он временами срезает путь, они не заблудятся и волноваться нет причины.

Вскоре, проехав под скалами по дну пересохшего ручья, они поднялись в густой еловый лес. Плотный ковер из опавших иголок укрывал землю, и копыта оленей глухо постукивали по нему. Неожиданно они въехали в небольшое стойбище, состоящее из десятка тордохов и укрытое от чужих глаз густым ельником. Айыына удивилась выбору места стойбища, но вскоре позабыла об этом, объясняя себе это особенностью жизни местных племён, враждующих и опасующихся друг друга. Тишину леса разорвал лай выбежавших им навстречу разномастных собак. Из всех закоулков стойбища появились встречающие. К ним навстречу вышли несколько

мужчин, женщин и детей. Айыына с интересом разглядывала лица, украшенные, как и у Хонгу, причудливыми татуировками. Ее спутник, спешившись, обнял подбежавшую к нему невысокую молодую девушку.

– Айыына, познакомься. Это... моя сестра, Ичин.

Встретившая их девушка была среднего роста, стройна и быстра в движениях. На ее скулах проступал густой румянец, черные жесткие волосы были собраны в длинную узкую косу, спадающей до спины. Смуглая кожа с рисунком узора на ее лице в свете солнца казалась еще темнее, а белые зубы с чистым блеском придавали лицу необыкновенную свежесть. Она держалась свободно, бойко поддразнивая пришедших.

– Вот, значит, какие девушки нравятся моему брату! – Ичин, улыбаясь, обняла Айыыну и, оглядев ее с ног до головы, рассмеялась: – Неплоха, совсем неплоха!

– Не слушай ее, Айыына, Ичин обучена манерам, – сказал Хонгу, улыбаясь.

– Манерам? Что ты вообще говоришь, великий охотник? Какие ещё манеры?! В лесу ты совсем одичал, – ответила Ичин, несильно толкнув Хонгу.

Вскоре, рассевшись вокруг расстеленного замшевого полотнища, Хонгу, Айыына, Ичин и несколько домочадцев в предвкушении застолья весело рассказывали друг другу новости и смешные истории. Перед каждым сидящим появился берестяной чуман, наполненный аппетитно пахнущим горячим оленьим мясом. Началось пиршество. Тут бы-

ла оленья голова, хрящи, жирные щеки, мозги, маслянистый язык и оленьи губы. Ловко работая ножами, отсекая мясо прямо у рта и аппетитно причмокивая, окружающие, загадочно улыбаясь друг другу, поглядывали на скромно притихшую девушку. Айыына поначалу испытывала неудобство, замечая, что все украдкой посматривают на нее, но вскоре привыкла к этому.

– Красивые девушки у народа саха! Мой брат знает толк в этом деле, – сказала Ичин, бросая многозначительные взгляды на Хонгу и Айыыну.

– Мать Айыыны из племени тонг-биисов, – вставил Хонгу, оглядывая всех, – она понимает наш язык, так что не ляпните какую-нибудь глупость. А то потом краснеть за вас, родня.

Сидящие вокруг домочадцы с непонятным для неё интересом разглядывали Айыыну, и когда она смотрела на них в ответ, прятали взгляд и, как ни в чем не бывало, продолжали принимать пищу. Неторопливый певуче-грустный говор ласкал слух. Айыына заметила пристальный взгляд сидящего в углу худого, высокого охотника, лицо которого украшали многочисленные татуировки, он один принял её взгляд без ответной улыбки, и она, почувствовав неловкость, отвернулась. Верзилу звали Онгонча: быстро закончив есть, он отсел и принялся затачивать лезвие своего черного копья, искусно украшенного причудливой резьбой. Айыына заметила у домочадцев различные украшения: мастерски вышитые бисером наряды, костяные кулоны со вставками из малахита,

украшения с литьем из золота. Ей всё казалось в диковинку. Хоть её мать и была уроженкой из племени тонг-биисов, сама Айыына, родившаяся в долине Великой бабушки Илин, помнила только детство в племени уранхаев-саха с их тёплыми балаганами и уютным камельком.

– Тебе здесь понравится, Айыына. Мои родственники просты, но искренни. Ты привыкнешь, – склонившись к Айыыне, прошептал ей на ухо Хонгу.

Девушка понемногу начала отходить от скованности и неловкости, да и домочадцы вскоре перестали обращать на неё внимание, ведя оживленный разговор о насущных проблемах. Но двое все же продолжали наблюдать за ней: высокий Онгонча, с темным, не улыбочивым лицом, и нахмурившаяся Ичин, вдруг утратившая любезность и разговорчивость. Темные глаза ее вновь скользнули по лицу гостью, но Айыына не заметила, что в этом взгляде не было и следа дружеского расположения, как утром.

После сытного ужина Хонгу затеял возню с двумя детьми. Он изображал медведя, рычал, шумно принюхивался, ползал на четвереньках, смешно чесал себе живот, показывая, что ловит блох, а дети, визжа от восторга, кружились вокруг него. Айыына, наблюдая за домочадцами, поняла, что все – от мала до велика – любят Хонгу и стараются ему угодить.

Глава

10. Долгоон

Октай, проводив дочь и Хонгу в дорогу, занялся со свои-

ми людьми укреплением изгороди вокруг собранных стогов сена. К полудню два работника, ушедшие в ближайший лесок заготавливать жерди, прибежали к нему с встревоженными криками. Ими в лесу были замечены неизвестные всадники. Собравшиеся в тревоге люди и Октай вскоре увидели на краю леса три конные фигуры. Незваные гости, неуверенно потоптавшись на месте, стали неспешно приближаться к ним.

– Хайя! Один из них похож на Долгоона! – вдруг воскликнул Лючю, приложив руку козырьком к глазам.

– Как?! Не может быть... – возразил неуверенно Октай. Каково же было его удивление, когда он действительно признал в одном из седоков, Долгоона – несостоявшегося жениха Айыны, и двух работников его отца.

– Он! Он! Действительно он! – взволнованно подтвердили несколько его домочадцев. Вооруженные луками и пальмами всадники, очевидно, тоже признали своих знакомых, заметно осмелев и расслабившись, ускорили ход коней. Долгоон, чье располневшее красное лицо приняло важное выражение при виде Октая, кряхтя и охая, неловко слез с гнедого жеребца.

– Приветствую тебя, Октай! Долго же мы искали тебя! Поди, не ожидал увидеть нас?!

– Тыый! Долгоон! Как ты здесь оказался?! Вот так встреча!

За ужином Долгоон рассказал, что после прошедшего в

прошлом году сильного наводнения, затопившего долину с их угодьями, его род во главе с отцом, вдохновившись примером Октая, решил покинуть обжитые места. Прodelав долгий путь по следам Октая и не найдя его, в середине лета они с отцом обосновались у небольшой речки с неплохим лугом в трёх днях пути отсюда. За лето они обустроились, и отец послал Долгоона найти семью Октая. В конце разговора парень, приняв ещё более важный вид, сообщил ещё одну цель своего визита: он приехал свататься, чтобы жениться на Айыыне.

– А ее... сейчас нет, – подбирая слова, ответил обескураженный Октай, – Она... в гостях...

Самодовольное лицо Долгоона после услышанной новости утратило свою важность и приобрело кислое выражение. Смущенный Октай в общих чертах рассказал, куда отправилась Айыына. Лицо Долгоона омрачилось и сделалось обиженным. Он, поджав свои тонкие, влажные губы под редкими усиками, покраснел и замолчал. Услышанное не сразу дошло до него. Наконец поняв, что невеста ускользнула от него всего лишь утром, он вскочил на ноги. В смятении он начал ходить туда и обратно, не зная, что сказать. Мысли его заметались в поисках решения. Октай и сам замолк, не зная как продолжить разговор. Наконец, остановившись и сердито глядя на Октая, Долгоон собрался было что-то сказать, но, промолчав, пошёл к выходу.

– Что такое, Долгоон? Куда ты? – испуганно спросил Ок-

тай.

– Это нехорошие вести, – остановившись на пороге, ответил ему Долгоон. – Не так, я думал, вы меня встретите... – обиженно промолвил он и вышел вон.

– Постой, Долгоон! Да подожди ты! Не торопись обижаться! – побежал за ним Октай, но не догнал: Долгоон, вскочив на жеребца, помчался в лес. Его работники, в недоумении переглянувшись, запрыгнули на коней и поскакали следом. Октай в смятении смотрел им вслед, пока они не скрылись в лесу.

«Вот ведь какой обидчивый! – подумал Октай. – И вправду, как-то неудобно получилось. Но кто же знал, что так всё обернётся? Покинув благословенную Туймааду, я был уверен, что наши семьи никогда не встретятся. Но ошибся...»

Следующим утром его разбудил Лючю:

– Октай, Долгоон вернулся...

– Кто? Где он? – не понял спросонья Октай.

– Ждет на улице. Злой.

– Где она, где становище этого Хонгу? – хмуро спросил Долгоон, недовольное лицо которого осунулось после бессонной ночи. – Я найду и верну её! Если они покинули лагерь только вчера, я догоню их! Я верну её!

– В двух днях пути отсюда, Долгоон. Но точное место... я не знаю! Подожди, подожди... Она погостит несколько дней и вернётся. Не надо принимать поспешных решений. И вообще, это опасно, ты можешь заплутать! Я сам не знаю до-

роги... – быстро заговорил Октай.

– Нет! Я сам найду её ... И верну! – чуть не сорвавшись на крик, воскликнул Долгоон.

– Говорю тебе, это опасно! Они уже отделились на приличное расстояние. Ты не догонишь их! Не стоит так делать. Лес полон опасностей! Враждебные племена поджидают по дороге одиноких путников, чтобы убить и ограбить их...

Октай пытался переубедить упрямого Долгоона, но тот был неумолим: отправив своих работников обратно к отцу, он взял у обескураженного Октая немного продовольствия в дорогу, и, погоняя жеребца, скрылся в лесу.

«Пропадёт парень... Что делать? Ох, уж эта юношеская горячность! – огорчённо подумал в отчаянии Октай. Он помнил, что Долгоон рос домашним, немного трусливым парнем, любящим вкусно поесть, поспать, и был совершенно далек от походов и воинских дел. – Может, одумается и вернётся? – попытался он успокоить себя.

Глава 11. Детский разговор

Айыына гуляла по осеннему лесу. Стойбище Хонгу находилось недалёко, и было слышно, как изредка там лают собаки. Лес переполняли мелодичные звуки перекликающихся птиц и шум ветра, раскачивающего верхушки деревьев. В задумчивости бродя по лесной тропе, девушка с наслаждением чувствовала, как ветер треплет ее распущенные волосы. Увидев посреди поляны высоченную сосну с раскидистыми ветвями и извилистым стволом, Айыына решила забраться на неё и осмотреть окрестности. Обойдя вокруг дерева по земле, усыпанной шишками, она примерившись, схватилась за нижний сук. Подтянувшись, аккуратно полезла наверх. Взобравшись выше середины и удобно устроившись на ветке, она с интересом принялась разглядывать окрестности и синее небо с плывущими в вышине барашками облаков. Посидев некоторое время, она решила спуститься, но неожиданно услышала внизу детские голоса. Мальчик и девочка, которых она видела в стойбище, устроились у подножия дерева, не замечая притаившуюся в ветвях девушку. Густо растущие ветви скрывали её, да и сама она едва видела детей. Мальчик, стараясь удержать равновесие, раскинул в стороны руки и ходил туда-сюда по лежащему на земле стволу упавшего дерева. Девочка, желая уронить его, пыталась раскачать ствол, но мальчик умудрялся сохранять равновесие.

– А вот и не упаду! Ты не сможешь меня скинуть. Я такой же ловкий, как Хонгу, – воскликнул он

– Тебе далеко до него. Ты упадешь, – резонно заметила девочка.

– Вот и не упаду! Вот и не упаду! Когда я вырасту, я буду великим охотником. Мы никогда не будем голодать! Я добуду много дичи и накормлю всех!

Айыына с улыбкой наблюдала за ничего не подозревающими детьми и решила подшутить над ними. Она осторожно сорвала висящую рядом узловатую шишку и кинула сверху в балансирующего на бревне мальчика, но промахнулась. Шишка упала у него за спиной: ни он, ни девочка не заметили её. Айыына потянулась за второй шишкой и, сорвав её, тщательно прицелилась для второго броска.

– Как мне надоела оленина, – сказала девочка.

– И мне надоела оленина! – подхватил мальчик.

– Когда же мы будем есть настоящее мясо?

– До зимы ещё далеко, терпи. И ты не заслужила есть настоящее мясо, – ответил важно мальчик.

Айыына уже замахнулась для броска, но разговор детей заставил её остановиться.

– Это ты не заслужил! Я попрошу, чтобы мне дали самую нежную часть этой девушки! – гневно сказала девочка, перестав раскачивать ствол дерева и сжав кулачки.

– Ха! Тебе не дадут. Самые вкусные куски достанутся нам, мужчинам, – воспротивился мальчик и спрыгнул вниз, на

землю.

– А вот и нет! Хонгу всегда делится с нами самым вкусным. Печень этой девушки достанется нам, женщинам, – продолжила девочка.

Айыына первые секунды не понимала, о чем идёт речь, и когда до неё дошёл смысл сказанного, помертвела от страха. Часть её сознания не могла поверить услышанному, и отказывалась принимать смысл сказанных слов. Всё ещё думая о том, что это какая-то непонятная игра или розыгрыш, она в панике начала сопоставлять все странное, что видела в эти дни. Айыына с ужасом слушала спор детей, боясь пошевелиться. Позабыв обо всем и сделав неловкое движение рукой, она вдруг уронила шишку. Ударяясь о ветки, та полетела вниз. Спор внизу внезапно прекратился, и по наступившей тишине Айыына поняла, что взоры детей обращены наверх. Она замерла и продолжительное время не двигалась, пока не почувствовала, как её конечности окончательно затекли. Разговор больше не возобновлялся, она осторожно, раздвинув ветки, посмотрела вниз: там никого не оказалось. Быстро спустившись с дерева, Айыына в замешательстве опустилась без сил на землю. Мысли лихорадочно метались. Людоеды! Она попала в племя людоедов?! «Дырикинэи?» – вспомнила она название племени, которое, по рассказам отца, занималось ужасным промыслом – ловлей и поеданием людей. – Охотники на людей? Хонгу?! Но как же это? Похож ли он на людоеда?! Нет! Не может этого быть! ... Но он

странный! Есть в нем, что-то! Они все странные? О духи, или это все ей снится? Все, что она видела ранее, прямо или косвенно подтверждало её догадки: запутанная тропа к стойбищу, странное поведение Хонгу и его домочадцев, отсутствие оленей... Ужас, который испытала Айыына, перешел в панику. О, духи! Она совершила глупейшую ошибку! Что же делать? Бежать сейчас?! Нет! Надо успокоиться! Надо успокоиться и рассуждать здраво!

Глава 12. Пещера страха

Айыына была в смятении и некоторое время шла по лесу словно во сне, не понимая, куда идёт. Приблизившись к стойбищу, она пыталась унять биение сердца и вести себя как можно более непринужденно, но ей с трудом удавалось сделать это. Если бы ей на пути кто-то встретился, то по ее лицу он без труда распознал бы, что она находится на грани паники. Но, к счастью, ее никто не потревожил, она беспрепятственно проскользнула в свой тордох и еле перевела дух. Она провела в нем все время до самого вечера и отказалась от ужина, сославшись на нехорошее самочувствие. На следующий день она, взяв себя в руки, как и прежде, улыбалась, украдкой наблюдая за окружающими. Дети, мальчик с девочкой, вели себя как раньше, и Айыына, с трудом натянув на своё лицо улыбку, вскоре успокоила себя тем, что они не заметили её на дереве. Бежать надо этой ночью – раздобыть в дорогу еды и какое-то оружие, хотя бы нож. Во время обеда, незаметно от всех, она прихватила несколько кусков оленины. С все нараставшим волнением еле дождалась наступившей темноты.

Открыв полог входа, Айыына выскользнула в ночь. Некоторое время, пытаясь унять бешеный стук сердца, она стояла в неподвижности, прислушиваясь к ночным звукам. Яркий полумесяц освещал окрестности стойбища, конусооб-

разные жилища отбрасывали длинные чёрные тени. Лагерь спал. Айыына, перекинув через плечо сумку с провизией, мягко ступая по земле, начала тихо продвигаться между белеющими в темноте тордохами. Проходя мимо одного из них, она услышала приглушённые голоса и узнала по ним Хонгу и Ичин. Прислонившись к стенке жилища, она прислушалась.

– Ты мне не ответил... Повернись ко мне! – настойчиво произнесла Ичин. – Я прошу тебя, поговори со мной.

– Ну что ты привязалась? – устало ответил Хонгу.

– Она тебе нравится?

– Нет, конечно! О чем ты говоришь?

– Не лги мне... Думаешь, я слепая?! Я вижу, как ты смотришь на неё!

– О, Ичин, ну что за ерунду ты несёшь? – засмеялся Хонгу. – Мне нравишься только ты, успокойся...

– Ты лжешь! Повернись ко мне! Почему ты отворачиваешься?

Замершая у стенки тордоха Айыына услышала возню, сердитое дыхание Ичин и смех Хонгу.

– Посмотри на меня! И не смей скалиться! Если я узнаю... Если я только узнаю, что ты обманываешь меня, вот этим ножом вспорю брюхо вам обоим! Ты слышишь меня?

Опять послышалась возня и прерывистый смех Хонгу:

– Ну ладно, ладно! Убери нож, ты поцарапала меня... Су-масшедшая дикая кошка! Иди ко мне...

– Я не шучу, Хонгу! Я выпотрошу сама эту твою невесту!

– Успокойся, моя ревнивая рысь... Иди ко мне... Мне нужна только ты. Убери нож... Ну? Сумасшедшая...

– Избавься от неё, завтра же!

– Нет. Ты же знаешь его правило...

– Его нет сейчас, и когда будет неизвестно! Я не стану ждать и сама убью ее!

– Остынь, женщина! Завтра мы уходим на охоту. Потом и решим.

Лицо Айыны побелело от страха. Но она поняла: сейчас бежать нельзя. В темноте она далеко не уйдёт. Ей надо дождаться завтрашнего дня и момента, когда мужчины уйдут на охоту. В темноте тордоха успокоившаяся Ичин положила голову на грудь лежащего на спине Хонгу и тяжело вздохнула. Нахмурившись и глядя куда-то вдаль, она с тревогой тихо произнесла:

– Плохое предчувствие у меня, Хонгу... Когда-то в детстве одна шаманка сказала мне: бойся трех вещей. Человека со шрамом на лице, девушки из другого племени и майатского ножа.

– Перестань... Сказки все это... – проворчал Хонгу.

– Иногда он снится мне... Человек со шрамом на лице.

– И что? Он ранил тебя майатским ножом?

– Нет... – нахмурившись, задумчиво произнесла Ичин и вздохнула – Не он...

Айына стояла не шевелясь у стенки тордоха. Надо было

возвращаться. Пытаясь унять охватившую её дрожь, она начала пятиться назад и в темноте наступила на сучок. Раздался предательский хруст.

– Там кто-то есть! – раздался встревоженный голос Ичин.
– Да собаки, наверное, – сонно отозвался Хонгу.

Ичин, быстро поднявшись и схватив пальму Хонгу, бесшумно выскользнула наружу. Осторожно обойдя вокруг тордоха, она застыла на месте, прислушиваясь к ночным звукам. Небольшие тучки то и дело закрывали молодой месяц, ярко освещающий стойбище. Вот и сейчас одна из них закрыла собой ночное светило, и всё погрузилось в темноту. Айыына лежала, вжавшись в небольшое углубление в земле, которое, на ее счастье, оказалось рядом с тордохом. Яма скрыла её от стоящей в нескольких метрах Ичин. Внимательно оглядев спящее стойбище и немного успокоившись, Ичин вернулась в жилище. Айыына добежала до своего тордоха и, задыхаясь от нахлынувших чувств, повалилась на оленьи шкуры. Да, сейчас бежать нельзя. Завтра. Все решится завтра, когда мужчины уйдут на охоту. Она не заметила, как уснула беспокойным сном.

Утро она встретила с молитвой и обращением к высшим духам Айыы. Невзирая на старания сохранить спокойствие, сердце каждый раз трепетало в ее груди, когда кто-нибудь из соплеменников Хонгу заговаривал с ней. Ближе к полудню Хонгу, разыскав Айыыну, сказал ей, что они отправляются на охоту и вернутся к завтрашнему вечеру. Она

умудрилась улыбнуться ему и пожелать удачи в охоте. Когда он, повернувшись, покинул ее, она едва перевела дыхание. В становище остались одни женщины, и после обеда, сказав домашним, что пособирает в ближайшем лесу ягоды, Айыына отлучилась. Заготовленную для побега снедь и незаметно украденный за столом небольшой нож она уложила на дно берестяного туеска и неспешно пошла в лес.

С трудом сохраняя спокойствие, она убедилась, что никто за ней не следит, скрылась в лесу и бросилась бежать. Обратную дорогу она помнила смутно, но примерно представляла, в каком направлении ей надо двигаться. Она побежала по утоптанной извилистой тропинке, которая вскоре привела её к пересохшему руслу небольшого ручья. Вокруг располагались причудливые нагромождения скал, торчавших местами прямо из земли. Тропинка виляла между ними такими немыслимыми зигзагами, что Айыыне пришлось перейти с бега на быстрый шаг.

Оглядываясь вокруг, она вдруг чуть не наткнулась на идущую навстречу старуху, виденную ею в стойбище. Высохшая, похожая на куклу, практически без зубов, та была полуслепа и глуха и не заметила быстро спрятавшуюся за камни девушку: шаркая полусогнутыми ногами, она проковыляла мимо. Испугавшаяся Айыына заметила, что старуха тащит в заплечном мешке какую-то поклажу. Дождавшись, когда она скроется, девушка встала и задумалась: куда ведёт эта тропинка, откуда идёт эта старая шитолица? Любопытство

взяло верх, и осторожным шагом, каждый раз выглядывая из-за поворота, Айыына двинулась дальше по тропинке.

Прошла она немного и оказалась на небольшой ровной площадке между сопок с отвесными склонами. В боку одной из них зияла черная дыра – вход в пещеру. Приблизившись, девушка, всматриваясь в темноту, прислушалась и некоторое время размышляла, войти ли внутрь. Из пещеры тянуло сыростью и прохладой. Все же решившись, она вошла и, остановившись, подождала, пока её глаза привыкнут к темноте. Пол пещеры уходил вниз, и Айыына начала осторожно спускаться. Тропа петляла, опускаясь все ниже, вглубь пещеры. Проходя очередной поворот уже практически в темноте, Айыына хотела было повернуть обратно, но вдруг услышала впереди глухой звук. Она замерла в испуге, её охватило нестерпимое желание броситься назад, на свет. Звук вновь раздался и опять пропал. Застыв на месте, Айыына слышала только свое дыхание. Звук опять повторился: он напоминал ритмичные глухие удары. Осторожно пройдя несколько шагов вперёд, Айыына вдруг увидела далеко впереди слабый, мерцающий на стенах пещеры отсвет. «Факел!» – догадалась она. Несколько минут она стояла и слушала повторяющиеся звуки. Свет, не перемещаясь, горел в том же месте, и, немного осмелев, она крадучись начала продвигаться вперёд. Ощупывая руками холодные стены пещеры, она прошла ещё немного. Стены узкого проема расширились, и она оказалась в просторной зале, усеянной обломками скал. Свет от

факела впереди то пропадал, то появлялся, то и дело погружая Айыыну в темноту. Ритмичные глухие удары, звучавшие все громче, исходили откуда-то справа, и Айыына, выглянув за очередной поворот, увидела ещё одну просторную залу. Свет факела вдруг пропал, все стихло. Айыына застыла на месте и некоторое время стояла, не шевелясь. Вдруг свет факела замерцал вновь – откуда-то снизу, всё больше освещая пещеру. Айыына, метнувшись в сторону, спряталась за выступом в стене и успела заметить, как в углу пещеры появилась сгорбленная фигура человека с факелом в руке. Другой рукой он волочил какую-то тяжелую ношу в темном мешке. Закрепив факел в стене, старик – Айыына вспомнила его испещрённую татуировками голову с абсолютно лысой макушкой и белесые подслеповатые глаза – высыпал содержимое мешка на небольшое деревянное возвышение перед собой. С глухим звуком на деревянную поверхность упали какие-то куски. В руке старика появился небольшой топор, и он начал неторопливо рубить их. Снова раздались монотонные глухие удары. Айыына в волнении начала осторожно отступать назад. Её внимание привлек ворох какой-то одежды, лежавший в одном из многочисленных углублений. В полумраке она успела разглядеть замшевые парки, зимние кухлянки, потрепанные онучи и ремни. Ещё дальше она увидела сложенные вместе луки, колчаны со стрелами, пальмы и топоры. Осматривая стены пещеры, она подняла голову и вдруг, чуть не вскрикнув от ужаса от увиденного, зажала себе рот. Попя-

тившись назад, она споткнулась о камень и неловко упала на спину. Прямо над ней, на неровной стене пещеры, висели отрубленные и засушенные человеческие головы: мужские, женские и несколько детских – с застывшими в немом крике открытыми ртами. Услышавший шум старик застыл с занесённой для удара рукой с топором. Не оборачиваясь, он повернул склоненную голову и прислушался к наступившей тишине. Слышно было только, как тихо капает вода из висящих на своде пещеры продолговатых сталактитов. Айыына, лежавшая на спине с зажатым ладонями ртом, зажмурилась, чтобы не видеть глядящие на неё головы мертвецов. Её сердце выпрыгивало из груди, стук его был слышен, как ей казалось, на всю пещеру. Через некоторое время, показавшееся ей вечностью, стук топора возобновился, и она с трудом перевела дыхание. Привстав, на четвереньках попятилась назад и, скрывшись за поворотом, пригнулась и заскользила к выходу. Умудрившись не споткнуться и не упасть, она достигла выхода и выскочила наружу. Схватив оставленный у входа туесок, бросилась бежать по тропинке. Свернув через некоторое время в лес, она бежала через густой кустарник и перепрыгивала через стволы упавших деревьев, не разбирая дороги. Ветки елей царапали её лицо и руки, но она не замечала этого. Перебежав ручей и поднявшись на небольшую возвышенность, она без сил упала на мягкий мох. Какое-то время девушка лежала в беспамятстве, восстанавливая силы после бега. Было тихо, лишь отдаленные дробь дятлов нару-

шали тишину леса. Придя в себя, Айыына села и оглядела себя. Платье местами порвалось, исцарапанные руки покрылись запекшейся кровью. Справа по стволу шустро скользнула белка – сверху вниз, мотая пушистым хвостом.

«Хорошо тебе... Никаких забот...» – с грустью подумала Айыына. Она вытащила со дна туеска ножик и проверила его остроту.

– Надо идти, – она заставила себя подняться. День был ясный, и девушка стараясь идти в одном направлении, долгое время шла быстрым шагом, почти не делая остановок. Солнце уже клонилось к закату, становилось прохладнее. Изрядно вымотавшись за день, она тем не менее заставляла себя идти и не останавливалась до тех пор, пока не наступила темнота.

Бессильно упав на траву, Айыына без аппетита подкрепилась заготовленной едой. Выбрав небольшое углубление под старой березой, она, свернувшись, устроилась среди ее корней. Девушка приказала себе уснуть, но не вышло.

Набежавшие тучи закрыли звездное небо, и лишь месяц, пробивая своим светом тонкий слой облаков, освещал темный лес. Айыына с непонятным чувством присела и огляделась, она все ещё не могла поверить – с ней ли это происходит? Может, это плохой сон, и надо лишь проснуться? Как там отец? Что бы он сказал, увидев ее сейчас? Она вспомнила своё детство, заботливые руки матери, игры со сверстниками, вкус еды и то, как мать звала её на ужин... Ей вдруг стало жаль себя, и она тихо заплакала. Наступившая ночь

была тёплой и безветренной. Темнее и резче стали тени в посветлевшем лесу. Айыына, мучимая переживаниями, заснула лишь глубоко за полночь.

Под утро беглянка пробудилась, дрожа и ёжась от утренней прохлады. Она прикинула пройденное вчера расстояние и посмотрела на небо – оно было сплошь затянуто серым, но дождя до сих пор не пролилось ни капли. Ноги болели от вчерашнего бега, Айыына, поморщившись поочередно вытянула их, пытаясь размять. Наскоро перекусив сушеным мясом, она встала и скрылась в чащобе.

Раздвигая мохнатые лапы елей, Айыына, порядком подустав, брела по притихшему лесу. Небо было затянуто свинцовыми тучами, из которых временами лил мелкий моросящий дождь, до последней нитки вымочивший ее платье. Солнца не было видно через плотный слой облаков, и через некоторое время она осознала, что не понимает, куда идти. Скоро впереди показался просвет, и услышав шум, она вышла к небольшой горной речке с отвесными скалами. Пройдя вдоль неё, она наткнулась на густо разросшиеся кусты красной смородины. Понимая, что захваченной снеди надолго не хватит, девушка заставила себя есть ягоды, пока у неё не стало сводить скулы.

Пройдя немного вдоль берега, она вскоре углубилась в лес и потеряла речку из виду. До вечера она брела между деревьями и вскоре опять вышла, как ей показалось, к той же речке. Пройдя немного вдоль её берега, она с тихим ужасом

обнаружила кусты смородины, свои следы и поняла, что заблудилась. Она сделала большой крюк и вернулась к тому месту, где проходила после полудня. Вечернее небо очистилось от туч, западный край его озарился багрянцем, но выше стояла густая синева, на которой начали зажигаться звёзды.

Уставшая и огорченная, она без сил упала между камней, и, съев остатки еды, уснула.

На следующее утро, проснувшись, когда только заалела заря, Айыына двинулась вдоль речки с намерением не отходить от нее. День обещал быть солнечным, легкий ветерок шумел в кронах деревьев. Речка делала плавный поворот и, пройдя некоторое время вдоль её изгиба, Айыына оказалась на мысу и решила сделать короткий привал. Устало опустившись на пригретые солнцем камни, она закрыла глаза и погрузилась в краткий беспокойный сон, а проснулась от того, что ей приснились родители и ее детство. Сев на камни, она с грустью оглядела окружающий лес и речку. Как она попала сюда? Что здесь делает?

Ах, если бы все это было сном! Как было бы чудесно проснуться в долине и увидеть, что мать и отец живы и вместе. Что они садятся ужинать вкусным супом из потрохов. При одной мысли об этом в пустом желудке Айыыны заурчало.

Полежав немного на уступе скалы, нависшем над речкой, она попыталась определить по солнцу, куда ей следует идти. Она собралась уже спуститься, как вдруг в тишине леса

ей послышался далёкий собачий лай, который тут же пропал. Застыв в неподвижности, она некоторое время вслушивалась в тишину, но лай не повторился. «Может, мне показалось?» – с нарастающей тревогой подумала Айыына. «Это нервы... Я просто устала». – попыталась она себя успокоить.

Опустившись на камни и распластавшись на выступе скалы, она всматривалась в широкий изгиб речки и тот далёкий мыс на его конце, где она недавно проходила, пока у неё не появилась резь в глазах. Некоторое время там никого не было видно, но вдруг среди листвы мелькнуло и опять появилось чёрное пятнышко. Собака! В подтверждение её догадки издалека отчетливо послышался короткий лай, переходящий в скулёж. За собакой, которая оказалась на привязи, среди деревьев мелькнул человеческий силуэт... За ним показался второй, третий... И – восемь человеческих фигур! Волчьей цепочкой, след в след – фигуры быстрым шагом следовали за чутким зверем, неутомимым помощником человека. Собака вела точно по следам, лавируя между деревьями, повторяя путь, где ступала Айыына. Страх липким ознобом охватил её тело, сердце вновь забилося в бешеном ритме. Не поднимаясь во весь рост, чтобы её не заметили, Айыына сползла с уступа вниз и бросилась бежать вдоль речки. Погоня началась.

– Она была здесь, – уверенно произнёс Онгонча, вставая с колен. Он дернул за поводок, притягивая к себе поскуливающую от нетерпения чёрную суку, которая, дрожа от воз-

буждения, тщательно обнюхивала уступ скалы.

Хонгу и его отряд стояли на вершине утеса, вздымающегося над берегом речки, и изучали место, где отдыхала Айыына. Хонгу, присев возле собаки, погладил ее: его любимица точно вела по следу беглянки.

– До этого места она шла спокойно, – продолжил Онгонча, попыхивая своей трубкой, и, разглядывая скалу уверенно подытожил: – Здесь она отдыхала, затем увидела нас и побежала... Она близко, где-то в этом лесу.

Преследователи невольно посмотрели в том направлении, куда указал Онгонча, словно хотели увидеть беглянку.

– Скоро мы догоним её, и я сама вскрою ей горло! – зло произнесла Ичин, с вызовом глядя на невозмутимого Хонгу.

Тот, сидя на корточках, проигнорировав вопрошающий взгляд, промолчал и сплюнул на землю. Поднявшись, махнул рукой, давая всем сигнал двигаться дальше. Преследователи быстрым шагом, то и дело переходящим в бег, двинулись вперёд.

Айыыну охватила паника, она сломя голову неслась через кусты и деревья, растущие вдоль речки. Её дыхание начало сбиваться, и она остановилась, чтобы отдышаться. Опустившись на четвереньки, она опустила голову. Её разум лихорадочно искал выход: она понимала, что просто бегом не спастись, надо что-то придумать... Но что? Надо запутать след! Собака идёт по нему! Но как? Идти по воде? Но речка глубока, и её усеянное камнями дно только поранит ноги... В

лес? На тот берег? Айыына прикусила губу в порыве надежды, оглядывая такой близкий, но недостижимый противоположный берег. Будь у нее крылья, она бы мигом оказалась на той стороне. Оглядевшись вокруг, решила пока не покидать речку и продолжила бег вдоль неё. На её пути начали попадаться неглубокие распадки, движение замедлилось; ей то и дело приходилось спускаться и подниматься по их склонам. Вскоре девушка заметила, что скалистые берега речки по обе ее стороны становятся выше. Она несколько раз слышала лай за спиной, отмечая, что он приближается. Силы начали её оставлять, страха проник в ее сознание и парализовал ее волю, она почувствовала как подкашиваются у неё колени. Конец близок – обречённо подумала девушка. Временами она стала переходить на быстрый шаг и, оглядываясь назад, ждала, что совсем скоро, вот уже за очередным поворотом, она увидит своих преследователей.

Сжав в руке украденный нож, Айыына без сил остановилась у группы старых лиственниц, умудрившихся вырасти на самом краю скалы, повисшей над быстрым течением безымянной речки. Берега ее почти сомкнулись, образовав в этом месте узкую горловину, на дне которой течение ускорялось мощным потоком. Немного постояв, она пробежала несколько метров дальше, но вдруг остановившись, оглянулась. Вернулась бегом к лиственницам и посмотрела наверх. Её внимание привлекла густая крона одного из деревьев. – Будь что будет! Сил бежать уже нет. Она решила взобраться на лист-

венницу и попытаться укрыться среди веток.

Глава 13. Бег в лесу

Взобравшись по сучьям наверх, Айыына прижалась к шершавому, пахнущему хвоей стволу, крепко обхватив его руками. Ее руки и одежда измазались в смоле, но она, не замечая этого, смотрела вниз. Густые ветки скрыли её из виду, и Айыына замерла в надежде, что преследователи не заметят её и пробегут мимо.

– О, Аан-Алахчын Хотун, и дети твои Эрэкэ-Дьэрэкэ, укройте меня, и пусть они пройдут мимо!– зажмурившись и приткнувшись лбом в шероховатый ствол дерева, яростно зашептала она слова молитвы, обращённые к духам-хозяйевам земли, трав и деревьев. Прошло некоторое время, и внизу сквозь шум воды слышались шаги и тихий скулёж.

Первым на уступ, придерживая на привязи собаку, взбежал Онгонча, за ним, прыгая по камням, следовали остальные. Отряд, не останавливаясь, ведомый чуткой собакой, проследовал дальше по берегу. Айыына в волнении прикусила губу. Она разглядела сверху, из ветвей, промелькнувшие внизу, одна за другой, темные спины преследователей.

Пробежав несколько метров, отряд остановился. След беглянки обрывался, и, хотя Онгонча, по инерции пробежав вперёд, потянул поводок к себе, желая продолжить движение вдоль реки – чёрная сука, потеряв след, скуля, закрутилась на месте. Вскоре она повернула назад и увлекла за собой

озадаченного Онгончу. Хонгу и остальные остались стоять на месте, сохраняя спокойствие и выжидая. Они были уверены: никогда не подводившая их любимица возьмёт след, надо только подождать. Ичин, подойдя к обрыву, заглянула вниз, на речку, и знаком показала Хонгу, что спуск здесь невозможен. Псина, увлекая за собой Онгончу, добежав до деревьев и покружив вокруг них, выбрала нужное и, глядя наверх, начала лаять.

– Она наверху! – обрадованно крикнула Ичин, снимая со спины лук и стрелы. Преследователи, вернувшись к деревьям и задрав головы, начали внимательно осматривать густые кроны. В предчувствии, что охота близка к завершению, они довольно улыбались. Добыча почти в их руках.

– Эй! Айыына! – раздался веселый голос Хонгу. – Ты слышишь, меня?! Спускайся, мы знаем, что ты там!

Не дождавшись ответа, Ичин подняла лук и, наложив стрелу, со злостью крикнула:

– Ты слышишь, птичка?! Спускайся, пока я не скинула тебя!

Айыына задрожав, зажмурился глаза и прижавшись лбом к шершавому стволу дерева, тихо молилась духам, прося защитить её.

– Ну! – с нетерпением выкрикнула Ичин, прерывая лай собаки. Натянув лук, она пустила стрелу в крону дерева. Стрела пролетела рядом с девушкой, не задев ее.

– Ты так убьёшь её... – сказал раздосадованно Хонгу, при-

близившись к Ичин.

– И что? Я хочу убить её!

– Эй, остановись! – Хонгу схватил руку Ичин, пригибая вниз её лук.

– Почему ты её защищаешь?! – приблизив своё лицо и гневно глядя на Хонгу, прошипела Ичин.

– Умерь свой пыл, женщина! – рассердился Хонгу. – Она должна живой вернуться в стойбище! Ты знаешь правило! Ты же помнишь, что сказал отец...

Ичин со злостью вырвала свою руку, но все же отступила.

– Все равно я убью её... Не сейчас, так потом! – с ненавистью глядя вверх, Ичин убрала лук и отошла в сторону.

– Кому-то надо лезть наверх и снять её, – сказал Онгонча, подойдя к Хонгу.

– Айыына! Не хочешь спускаться, тогда мы снимем тебя сами! – весело крикнул Хонгу и дал молодому шитолице-му знак лезть наверх.

Тот, сложив своё снаряжение на землю, поплевал на ладони и, ухватившись за нижний сук, начал ловко взбираться на дерево. Айыына с ужасом почувствовала, как дрожит дерево, и сквозь ветки увидела взбирающегося к ней преследователя. Она быстро взглянула наверх и, дрожа от страха, начала подниматься выше. Увидевшие ее преследователи обрадованно загомонили. Поднявшись почти до верхушки, девушка заметила вблизи ветки соседнего дерева. Ухватившись крепко за одну из них и боясь посмотреть вниз, Айыы-

на оторвалась от ствола своей лиственницы и перескочила на соседнюю, верхушка которого закачалась под её тяжестью.

– Бай! О-о! – раздались удивленные и веселые крики стоящих внизу шитолицых.

– Мы гонимся не за девушкой, а за белкой! – развеселил своих соплеменников Хонгу.

– Твоя невеста, оказывается, может превращаться в белку! – засмеялся Онгонча.

– Я сейчас пощекочу хвост этой белке! – зло крикнула Ичин, и, вытащив лук, пустила стрелу. Та просвистела между лезущим на дерево молодым воином и Айыной.

Вздрогнув, шитолицый испуганно и зло выругался. Стоявшие внизу рассмеялись.

– Лезь, лезь... Не бойся! – подбодрил его Онгонча.

Молодчик, почти поравнявшись с беглянкой на соседнем дереве, попробовал дотянуться и схватить её. Айына с охватившим ее отчаянием отодвинулась, насколько позволяла ветка, на которой она стояла. С криком перепрыгнула на последнее, почти голое, полузасохшее дерево, стоящее на самом краю обрыва. Сухие ветки, за которые она ухватилась, с треском обломились, и она, вскрикнув от страха, чуть не полетела вниз. Чудом успев ухватиться за ствол дерева, она крепко обняла его, дрожа от страха.

Под тяжестью девушки дерево вдруг наклонилось и вниз, у его основания, раздался треск. Под возгласы ошеломлённых преследователей дерево вдруг начало крениться и па-

дать. Айыына, зажмурившись, крепко вцепилась в его ствол и почувствовала, как летит вниз. К счастью, дерево падало в сторону реки, и его верхушка с вцепившейся в неё девушкой оказалась на другом берегу. Крона с треском застряла в маленьких деревцах, растущих на краю, и Айыына, отцепившись от ветки, провалилась в заросли густого кустарника. Они смягчили падение, и она, отделавшись только мелкими царапинами, выкатилась по мягкому стланику.

Мгновение девушка, не шевелясь, лежала на мху, не веря в случившееся. Крики преследователей на другом берегу заставили её вскочить, и она, шатаясь, как пьяная, кинулась вглубь леса.

Хонгу и остальные, подхватив псину за живот, один за другим, осторожно перебрались через речку по стволу упавшего дерева. Онгонча подбодрил чёрную суку, и дождавшись, когда собака возьмёт след, последовал за нею. Погоня после короткой заминки продолжилась с новой силой. Расчетливо переходя с бега на размашистый шаг, давая спутникам передышку, Хонгу вел отряд, не сомневаясь в исходе: беглянка никуда от них не денется. Конец близок.

Айыына некоторое время бежала сквозь кусты и деревья, не разбирая дороги, но вскоре остановилась и прислушалась – в тишине леса отчетливо раздавался собачий лай. Она вновь побежала, ускорив темп, но вскоре опять перешла на шаг: силы были на исходе, в легких ощутимо покалывали горячие иголки, она заглатывала воздух полной грудью, но

не могла отдышаться. Через некоторое время она уже скорее брела, чем шла, и, оглянувшись назад, вновь увидела мелькающие среди деревьев силуэты преследователей.

Глава 14. Три охотника

Погоня подходила к концу, отряд преследователей неумолимо настигал беглянку. Айыына уже слышала их голоса за спиной и призывы остановиться. От бега ее платье пришло в беспорядок, местами порвалось и расползлось по швам. Неожиданно лес перед ней поредел, и она выбежала на раскинувшуюся перед ней длинную долину, после пожара усеянную почерневшими обрубками мертвых деревьев. Посередине зеленело болото, на ближнем краю которого она заметила три человеческие фигуры. Три охотника из племени сартыал, вооруженные длинными шестами, которыми они проверяли глубину топкого зыбуна, только что закончили переход из противоположного леса, и, вступив на твёрдую землю, собирались высушить промокшую обувь. Айыына, обезумевшая от страха, устремилась к ним с криками о помощи.

Троица пришла в замешательство, увидев невесть откуда взявшуюся девушку. Охотники, в спешке побросав шесты, схватилась за оружие. Возглавлявший сартыалов крупный мужчина с заплетенными в косы седыми волосами, приказав двум своим спутникам быть настороже, пошел ей навстречу. Айыына, теряя силы и спотыкаясь о многочисленные кочки, усеивающие берег болота, падая и вновь поднимаясь, приблизилась к вышедшему навстречу охотнику и

свалилась ему в ноги.

– Помогите! Помогите... – задыхаясь, закричала Айыына, схватив за руки седого охотника. – За мной гонятся. Они убьют меня!

– Кто?! Кто за тобой гонится? Откуда ты? – ошеломлённо спросил седой, с опаской оглядывая окружающий лес.

– Они бегут за мной! Шитолицые! Защищайтесь! Они и вас убьют! Пожалуйста! Защитите, спасите меня! – с мольбой глядя в глаза охотнику и пытаясь отдышаться, заголосила Айыына, то и дело оглядываясь на лесок, откуда только что выбежала.

– Кто ты? Кто гонится за тобой? – недоуменно, но опасливо спросил седой и, оглянувшись на своих спутников, дал им знак быть наготове. Двое молодых охотников с взволнованными лицами, сжимая в руках оружие, прочесывали взглядами окружающий лес.

Из кустов появился Хонгу и неспешной походкой направился к Айыыне и её новым спутникам. В его руках не было оружия, а на лице – кожаной маски. Он шёл вперёд расслабленной походкой и, увидев, что его заметили, улыбнулся и поднял в приветствии руку.

– Да сопутствует вам дух охоты Дагачан, друзья! – как ни в чем не бывало воскликнул он, приближаясь.

Айыына, схватившись за седого, спряталась за его спину и в отчаянии закричала:

– Не слушайте его! Он убийца! Это людоеды! Он не один!

В лесу прячутся его люди!

– Оставайся-ка ты на месте, друг! – грозно воскликнул седой, взяв свой лук со стрелой наизготовку. – Стой, или я всажу в тебя стрелу. Кто ты такой?

Хонгу с удивленным лицом остановился и, примирительно подняв руки, сказал:

– Эй, спокойнее, друг. Я не причиню вам вреда. Я пришёл с миром. Кто я? Я муж этой женщины... Она – моя жена.

Седой, не опуская лука, и не спуская взгляда с Хонгу, бросил быстрый взгляд на изумленную Айыыну. Она немного опешив от услышанной лжи, воскликнула:

– Он врёт! Он не муж! Не слушайте его! Он убьёт нас всех! Там в лесу их много! Они прячутся!

– Эй, Айыына, успокойся, опять ты начинаешь ссору из-за пустяков... – перебил её Хонгу миролюбивым и уставшим голосом. – Друг, она всё время придумывает сказки... Она всегда, как поссорится со мной, так начинает с ума сходить, как будто черти из нижнего мира вселяются в неё. Ну, ты же понимаешь этих женщин, брататашкан...

Хонгу приблизился ещё на несколько шагов.

– Стой на месте, я сказал! – крикнул седой, вновь мельком взглянув на Айыыну, и нерешительно спросив ее: – Это правда твой муж?

– Нет, он лжёт! Не верьте ему! Не подпускайте его, они убьют вас!

– Кто? Кто вас убьёт? Не слушайте ее, друзья. Я один. Ай-

ына, хватит! Пойдём домой, – Хонгу сделал ещё один шаг и опустил руки. – Ну, брат... Отдай её мне и не слушай ее небылицы...

– Нет! Прошу! Пожалуйста! Не отдавайте... Умоляю вас... – заплакала Айыына, крепко ухватившись за седого.

– Слушай, муж... – подумав, сказал сартыал, с недоверием глядя на улыбающегося Хонгу. – Отойди назад. Не верю я тебе... Не похож ты на мужа...

– В самом деле, какой из меня муж? – тихо пробормотал Хонгу и, сузив глаза, ухмыльнулся. Он убедился, что охотников только трое. Пора заканчивать этот затянувшийся спектакль. Его улыбка исчезла, лицо стало жестким и суровым.

– Онгонча! – выдохнул он, глядя в небо.

Садившееся за деревья вечернее солнце слепило стоявших перед ним охотников. Из-за спины Хонгу, серой черточкой промелькнув на фоне розового неба, прилетело копьё. Молодой сартыал, дёрнувшись, запоздало вскрикнул, но старик не успел среагировать. Просвистев над макушкой Хонгу, копьё с силой вонзилось под рукой седого, пробив и сердце, и легкие. Его отбросило назад на землю, вместе с вцепившейся в него Айыыной. Он умер на месте. Его спутники, вскрикнув, увидели, как широким охватом, преграждая им путь к бегству, из леса высыпали люди в масках. Увидев, что их старший товарищ упал, один из молодых с горестным воплем, натянув лук, выстрелил в приближающегося к

нему Хонгу. Тот, выхватив из-за спины топорик, неуловимым движением отклонился вправо и отбил стрелу. Обиженно звякнув, она улетела в сторону. Хонгу, выпрямившись, улыбаясь и неодобрительно цокая языком, вновь пошёл на стрелка. Айыына, которую придавило телом упавшего седого, с плачем отпихнув его, вскочила и бросилась к болоту. Третий охотник, ошеломлённый смертью соплеменника, увидев бегущих к нему из леса новых врагов, в спешке выпустил в них пару стрел, но промахнулся. Услышав крик напарника – спастись, он отбросив лук, бросился бежать вдоль болота. За ним вдогонку устремились двое молодых шитолицы. Хонгу сблизился со вторым сартыалом, отбросившим свой лук и выхватившим топорик.

– Нет! Он мой!– поспешно выкрикнул Хонгу одному из своих, натянувшему свой лук для выстрела.

Противники сблизились и закружились в хороводе боя. В воздухе зазвенел перестук топориков. Молодой сартыал оказался храбрым, но неопытным: Хонгу, проделав обманный финт и уйдя в сторону, ударом обуха оглушил его, и парень упал на землю. Отпихнув его оружие в сторону, шитолицы встал над поверженным и огляделся.

Ичин, бросившаяся вдогонку за Айыыной, настигла ее на середине болота и, схватив за волосы, тащила обратно. Двое молодых шитолицы, так же догнав третьего беглеца, ранили его и волокли обратно к месту нападения. Вскоре пленников связали ремнями и бросили на землю. Напавшие, с ле-

нивым интересом осмотрев оружие и скарб сартыалов, отобрали наиболее ценные вещи и начали связывать их в узлы. Хонгу, приблизившись к связанным пленникам, присел над тихо плачущей Айыыной. Приподняв за подбородок её лицо, молча посмотрел ей в глаза. Она вся в слезах, подняла голову и встретилась с ним взглядом, тихо прошептала:

– Пожалуйста, отпусти меня...

Взгляд Хонгу обдал ее холодом. Под пристальным взором напрягшейся рядом Ичин он ничего не ответил Айыыне и, отвернувшись, поднялся и отошёл.

– Хорошо связали? – спросил он, осматривая пленников.

Один из них подняв голову и, не отводя взгляд, смело посмотрел ему в лицо. Второй, помоложе, лёжа со связанными руками на боку, глядел на лежащего неподалеку мертвого старшего товарища, и по его лицу катились слезы.

– Не убегут... – неуверенно отозвался Онгонча и добавил: – Только вот с этим что делать? Подойдя к плачущему пленнику, он перевернул его ногой на живот и указал на его ногу. Резаная рана с тыльной стороны колена сильно кровоточила. Увидев её, Хонгу переменялся в лице и досадливо выругался.

– Глупые олени! Кто его ранил в ногу?! Как он теперь пойдёт?!

Молодые воины, догнавшие и ранившие молодого сартыала, потупили головы.

– Сколько раз, глупцы, я вам говорил! Как он пойдёт те-

перь? Сами его на себе потащите?! – Хонгу, высказавшись, замолчал, оглядывая лежащих перед ним пленников и решая, как быть с раненым.

Возвращаться назад надо было тихо и быстро, мало ли кто им встретится по дороге. Жестокий промысел племени зависел от его малозаметности в Чёрной тайге. Раненый пленный был бы им досадной помехой в пути. Хонгу и Онгонча обменялись взглядами, не ускользнувшими от внимания пленника. Он побледнел. Хонгу присел перед ним на корточки. Встретившись взглядом с главарем шитолицых, сартыал догадался, что его ожидает. Он шумно задышал, и все же собрался с духом. Отползая от Хонгу, гордо вскинул голову и, крутясь на земле, оглядел всех стоящих вокруг:

– Я не боюсь вас, собаки! – вдруг, подобравшись, он смачно плюнул в Хонгу, стараясь попасть ему в лицо.

Плевков не долетев, попал тому на ворот. Шитолицые разразились бранью и угрозами. Сам Хонгу, улыбнувшись, тихо рассмеялся, спокойный, как вода, с пальмой в руке. Его смех поддержали остальные. Ичин, изменившись в лице и выругавшись, подскочила к пленнику и взмахом ножа отсекла ему ухо. Сартыал заскрежетал зубами и замотал головой, разбрызгивая веером хлынувшую кровь. Схватив отрезанное ухо, Ичин сунула его себе в рот. Прожевав пару раз, она выплюнула его в лицо пленнику и выругалась. Смех усилился. Связанный сартыал, извиваясь на земле, попытался оплевать всех стоящих.

– Я не боюсь вас ! Вы все трусы! Я не боюсь вас, и не страшусь смерти! Я не боюсь умирать! – в отчаянии быстро заговорил раненый.

Хонгу, смеясь, склонился над ним и схватил одной рукой за косу. Притянув сартыала к себе, второй рукой приложил острие пальмы к его груди. Остальные также достали свое оружие.

– Молодец... Молодец... – перестав смеяться, одобрительно и тихо произнес Хонгу, глядя в глаза пленника, – Умереть легко, храбрый сартыал... Жить трудно...

Он вонзил острие клинка в сердце пленника. Тот захрипел, дернулся в руках шитолицего и со стоном выдохнул. Хонгу выдернул пальму и, поднявшись с колена, отступил назад. Стоящие кругом воины обрушили град ударов на умирающего. Кровь брызнула на лежащую рядом Айыыну. Она в ужасе завывала сквозь перетянутый через рот ремень и попыталась отползти подальше от забившегося в агонии пленника. Вскоре он затих, и его тело вместе с трупом седого соплеменника оттащили в болото. Собрав пожитки убитых и связав их в узлы, шитолицые разделили их, погрузили на себя и на спины двух пленников. Оглядев готовых к выступлению воинов, Хонгу дал знак, и отряд, растянувшись цепочкой, растворился в лесу. Болотная марь опустела, только кровавые пятна на желтой осенней траве напоминали о разыгравшейся здесь трагедии.

К вечеру отряд достиг горной речки, где ещё утром Айы-

ына пряталась на деревьях. Переночевав на ее берегу, с рассветом двинулись дальше, другим путём, к своему стойбищу.

Айыыну вели в связке с молодым сартыалом, и он то и дело поддерживал обессиленную девушку, находившуюся в состоянии ступора. Онгонча, видя, что она задерживает отряд, распорядился, чтобы с неё сняли часть поклажи и распределили между остальными. Невидящим взглядом смотря себе под ноги, Айыына молча шла по тропе. Покорно останавливалась на привалах и, не поднимая шума, послушно замирала, когда идущий впереди дозором Онгонча, почуяв опасность, давал сигнал прекратить движение. Её охватила апатия, появилась какая-то отрешенность. Осеннее солнце ласково пригрело ее, и она шла как во сне. Ей казалось, будто все, что случилось, происходило не с ней, а с кем-то другим.

Поросший соснами лес был тих. Тропа в этом месте сильно сузилась, и приходилось идти гуськом. Онгонча, шедший впереди, определял путь, Хонгу замыкал шествие. Он то и дело встречался взглядом с Айыыной, но она как будто не видела его. Они остановились только для того, чтобы наскоро поесть, а потом вновь тронулись с места. Хонгу безжалостно гнал их вперед.

Ближе к полудню они достигли большого озера, на середине которого плавало множество уток. Огибая его по берегу, шедший впереди Онгонча вдруг дал знак остановиться и замереть: что-то встревожило его, и некоторое время они,

застыв изваяниями, стояли на тропе возле большого раскидистого дерева. Хонгу и Онгонча с опаской изучали небольшое кострище у подножия дерева и след человеческой ноги.

– Маленький человек?.. Ребёнок?.. След совсем свежий... И медвежий след... – услышала Айыына обрывки тихого разговора шитолицых.

Насторожившийся отряд приник к земле, некоторое время, не двигаясь, воины прислушивались к лесу, тишину которого нарушали лишь мелкие птицы. Они уже находились на своей земле, и свежий след чужаков озадачил их. Этот ребёнок не один... Где-то рядом должны быть и взрослые... Кто эти люди? Встревоженный Хонгу ткнул пальцем в Онгончу. Указал на верхушку ближайшей сопки, приложил ладони к ушам, повертел головой. Тот, молча кивнув, бесшумно исчез в кустах. Прошло некоторое время, и они по знаку Хонгу так же тихо покинули это место.

Вечерело, уходящее солнце коснулось верхушек деревьев. Вскоре, остановившись на привале, Хонгу, переговорив со своими, разделил отряд, и Ичин вместе с собакой и двумя соплеменниками углубившись в лес, покинули их. Оставшийся отряд из пяти шитолицых и двух пленников, вернувшись к речке, продолжил путь вдоль берега. В сумерках они достигли места, где нависавшие над рекой скалы расходились в стороны, а сама река становилась мелководной, и её можно было перейти вброд. Остановив отряд, Хонгу приказал одному из подручных охранять пленников, а сам с Онгончей и двумя

соплеменниками, взвалив на себя поклажу, начал осторожно переходить реку. Течение здесь было сильным и норовило сбить с ног. Переправлявшимся с взваленной на плечи поклажей приходилось соблюдать осторожность и удерживать равновесие, чтобы не упасть в воду.

Айыына, приткнувшись на камнях рядом со вторым пленником, безучастно смотрела на бурлящий перед ней поток. Оставшийся охранять их шитолицый, присев у воды, начал набирать воду в кожаную емкость. Вдруг Айына почувствовала, как молодой сартыал осторожно коснулся её ноги коленом. Медленно повернув голову, она увидела, как он, изогнувшись, дотянулся связанными руками до своей щиколотки и вытянул из-под штанины небольшой нож. Сверкнув глазами, он вопросительно посмотрел на девушку и незаметно кивнул. Айыына осторожно покосилась на сидящего к ним спиной шитолицего, все ещё набирающего воду. Бросив беглый взгляд на реку, увидела: Хонгу почти добрался до противоположного берега, трое же его спутников все ещё находились на её середине. Она судорожно кивнула сартыалу, её вновь бросило в дрожь. Пленник, достав нож, быстро перерезал ремни, которыми были связаны его руки, и, свернувшись, принял прежний вид. Их охранник, набрав воду, повернулся к ним и, подойдя ближе, знаком предложил пленникам утолить жажду. Напоив сначала Айыыну, он присел к сартыалу и поднёс флягу к его рту. В этот момент тот, издав боевой клич своего племени, одной рукой схватил ошелом-

лётного шитолицего за ворот парка, а другой с силой вонзил нож в его живот.

Шитолицый, охнув, осел на землю, уронив флягу на камни. Сартыал быстро вскочил и, оказавшись над Айыной, перерезал ремни на её руках. Оглянувшись, вновь бросил взгляд на реку. Стоящий на том берегу Хонгу первым увидел, что пленники освободились. На бегу что-то закричал Онгонча и схватил лежащий на поклаже саадак с луком. Приложив стрелу, прицелился в освободившегося сартыала. Остальные, немного замешкавшись, все же выбежали на тот берег, побросали тюки на камни и кинулись обратно.

Расстояние между берегами было невелико, но сартыал сумел увернуться от первой стрелы. Склонившись, он выхватив у раненого шитолицего топорик и выкрикнул ругательство, высмеивая меткость Хонгу. Он взглянул на замешкавшуюся Айыну и что-то крикнул ей на своём языке. «Беги!» – догадалась она и растерянно оглянулась: Онгонча и молодой шитолицый, высоко поднимая ноги и вздымая тучи брызг, преодолевая потоки воды, приближались к их берегу.

Она ещё раз взглянула на молодого сартыала, повернулась и начала карабкаться по камням вверх, на скалы. Сартыал, сжимая топорик в руке, глядя на приближающихся по реке шитолицых, понял, что одному ему с ними не справиться, и, выкрикнув ещё раз боевой клич своего племени, бросился бежать вдоль реки. Хонгу успел второпях выстрелить в него, но вновь промахнулся. Глубоко вздохнув и успокаивая

себя, он вложил в лук очередную стрелу и тщательно прицелился. Убегающий отдалился на значительное расстояние и через мгновение должен был скрыться в густом кустарнике. Медленно выдохнув, Хонгу пустил стрелу. Она попала в верх спины, и сартыал, споткнувшись, упал на четвереньки. С трудом поднявшись, вновь пошёл неровным шагом. Опустился на колени и, пытаясь достать стрелу, завалился набок. Хонгу, бросив лук, кинулся к реке и начал быстро переходить её. Он крикнул молодому шитолицему лезть наверх за Айыыной, а Онгонче – добить раненого сартыала.

Айыына, успевшая подняться до середины скалы, отчаянно карабкалась вверх, то и дело сползая обратно в местах, где мелкий скальник образовывал насыпи. Глянув вниз, она заметила, что по её следам, быстро перескакивая с камня на камень, карабкается молодой преследователь.

Онгонча, добежав до ползущего от него раненого сартыала, сильным ударом копья пронзил его спину, и тот затих. Прихватив его топорик, Онгонча побежал назад. Хонгу, добравшись до берега, склонился над раненым в живот соплеменником, под которым уже набежала приличная лужа крови. Уже будучи на руках Хонгу, умирающий что-то хотел сказать ему, но изо рта потекла кровь и, судорожно вытянувшись, он умер. Хонгу с потемневшим лицом поднял голову и с горящими ненавистью глазами посмотрел наверх.

Взбирающийся наверх за девушкой шитолицей настигал ее: ему оставались считанные метры. Айыына все же успела

первой добраться до верхнего края скалы, где силы покинули ее, и она остановилась на четвереньках. Глотая воздух и не имея сил подняться на ноги, девушка попыталась справиться с головокружением.

Из-за смерти молодого соплеменника ненависть помутила разум Хонгу. Увидев, что через мгновение девушка скроется, он заскрежетал зубами, и найдя бешеным взглядом приближающегося к нему Онгончу, крикнул ему:

– Убей её!

Тот, взглянув на мертвого соплеменника, затем на потемневшего от гнева Хонгу, хотел что-то сказать ему, но промолчал. Перехватив своё копьё, посмотрел наверх. Айыына была на вершине скалы. Примерившись и отойдя назад, Онгонча с откинутым в руке копьём сделал два быстрых шага вперёд и сделал мощный бросок.

Айыына, задыхаясь от усталости, шатаясь, встала с колен, выпрямилась и обернулась назад, чтобы посмотреть вниз, на преследователей. Она не слышала крик Хонгу и не видела летящую к ней, вращающуюся вокруг своей оси темную смерть. Остро наточенный железный наконечник, дрожа в воздухе, застыл в воздухе прямо перед глазами не успевшей испугаться Айыыны. Она рассмотрела лезвие до мельчайших подробностей: мелкие зазубрины, пятна засохшей крови и небольшие впадины, оставшиеся от ударов кузнеца, что ковал это орудие смерти. Затем она с запоздалым испугом заметила руку, крепко держащую копьё за черное древко.

Темная фигура мужчины, рука которого на лету перехватила погибель, возникла рядом с ней неожиданно, словно из воздуха. Незнакомец был невысок, одет в темную оленью парку с капюшоном, почти скрывающем лицо. Нижняя часть его лица была дополнительно скрыта темной повязкой, над которой сверкали настороженные темные глаза. Ноги Айыыны от неожиданности подкосились, и она неловко плюхнулась на листву. Незнакомец, перехватив пойманное копьё остриём вниз, отвернулся от неё и быстро подошёл к обрыву.

Хонгу и Онгонча, вначале опешившие от эффектного появления незнакомца, спохватившись, закричали карабкающемуся наверх соплеменнику о новой опасности. Молодой шитолицый почти достиг верха, ему оставалось только подтянуться и вскочить на последний уступ. Шум реки заглушил крики, и повернувшийся к соплеменникам воин не сразу понял, о чем ему кричат: он испуганно взглянул наверх, но было поздно. Темная фигура, нависшая над ним с копьём в руках, с силой опустила оружие вниз именно в тот момент, когда противники встретились взглядами. Наконечник копья с хрустом вошёл в основание шеи под кадыком. Шитолицый, всхлипнув, невольно схватился обеими руками за древко. Его парка на груди мгновенно пропиталась красным. Через мгновение незнакомец отпустил копьё, и его враг, не разгибая ног, полетел вниз на скалы.

Хонгу испустил крик отчаяния и в гневе запустил в нового врага топорик: бешено вращаясь в воздухе, смертельный

снаряд пролетел рядом с головой стоявшего, но тот даже не отклонился, обратив все свое внимание вниз.

Айыына, с изумлением наблюдавшая за этой сценой, вдруг заметила, что её спаситель снял повязку, скрывавшую его лицо, и, откинув капюшон, подошёл к самому краю скалы. Бэркэ, а это был он, с ненавистью смотрел на стоящего внизу Хонгу. Их взгляды встретились, и враги узнали друг друга. Затем, отступив от края скалы, Бэркэ повернулся к девушке. Айыыну неприятно поразил страшный шрам незнакомца, протянувшийся от верха лба до подбородка. Она невольно отшатнулась. Увидев в глазах девушки испуг, взволнованный Бэркэ, вспомнив о своём лице, в замешательстве опустил голову и натянул повязку обратно. Затем сделал шаг, протянул девушке руку и взволнованно произнёс:

– Айыына, нам надо бежать!

Глава 15. В ловчей яме

Бэркэ провёл всю осень в тордохе Килтыроя, который нашёл его у реки. Он почти поправился от полученных ран – и всё благодаря уходу и заботе молчаливого, как и он сам, сухощавого и быстрого в движениях старика. Во взгляде этого пожилого человека читалась житейская мудрость, а его руки умело обрабатывали раны.

Шрамы от ударов пальмы и ранения стрелой почти затянулись. Через всё лицо – сверху вниз и чуть наискосок – теперь тянулся длинный аккуратно зашитый шрам. Бэркэ временами, задумавшись, непроизвольно ощупывал своё лицо, водя пальцами по шву. В эти минуты в его глазах отражались мучительные воспоминания. В первые дни, пробуждаясь от беспокойных снов, в которых ему являлся предводитель шитолицы, он часто не мог сообразить где находится. Перед его внутренним взором всплывало лицо Хонгу – не мужчины, а злого духа, прячущегося в тени. Бэркэ помнил яркую серебристую вспышку перед глазами и последовавшую за ней боль. С того дня, как он очнулся, они с Килтыроем ни разу не говорили о тех событиях. Старик, догадываясь о душевных муках спасённого им парня, старался не напоминать о них, занимаясь лечением ран физических. Ухаживая за Бэркэ, Килтырой даже получал какое-то удовольствие, словно вспоминая былые дни. Эти двое подружи-

лись и понимали друг друга с полуслова. Бэркэ, окрепнув, все чаще выбирался из тордоха на свежий воздух и часами метал нож и топорик в цель.

В вышине стаи гусей, расклинивая небесную синеву, беззвучно проносились на юг. Однажды утром Бэркэ, выбравшись из тёплого жилища наружу, зажмурился от непривычной картины. Окружающий лес весь стал белым от выпавшего снега. Солнце было закрыто серыми облаками, и снежинки, кружась, беззвучно падали на землю. Подставив своё лицо небу и закрыв глаза, Бэркэ поймал несколько снежинок ртом. Пройдя несколько шагов, по оглушительно хрустящему насту, он, присев, скатал снежок. Воспоминания заставили его улыбнуться.

– Кидайте, олени! Все равно не попадёте! – крикнул хвастливо Толбочоон, ухая и подпрыгивая по первому снегу. Бэркэ и Бузагу одновременно начали бросать в него снежки. Первые снаряды не попали в цель, но вскоре один из снежков Бэркэ впечатался Толбочоону прямо в глаз. Синяк красовался долго, и им каждый раз при взгляде на лицо Толбочоона приходилось прилагать немалые усилия, что бы спрятать улыбку...

Слепленный снежок, так и не устремившись к какой-либо цели, выпал из рук Бэркэ. Пришла пора Великой Добдурги – осенней поры, когда замерзают реки и страждущие путники отправляются в путь-дорогу. Пришла пора расставания. Бэркэ хотел подарить старику единственную оставшуюся

ся у него ценную вещь – охотничий нож, но тот отказался.

– Вряд ли ты меня послушаешь, Бэркэ, но все же прими мой совет, – тщательно подбирая слова, тихим и тонким, немного сиплым голосом проговорил старик. – Забудь об этом. Попробуй начать жить заново, заведи семью. Мечь и мысли о ней не дадут тебе покоя и не сделают тебя счастливее. Плохое поселится у тебя внутри и съест тебя.

Бэркэ, внутренне не согласившись со сказанным, нахмурился, но все же кивнул, и после короткого прощания они расстались. Старик, не оборачиваясь, подошел к оленям, поправил уложенные тяжелые потки и ловко вскочил в седло. Бэркэ с хмурым выражением на своем простом, честном лице посмотрел ему вслед. Рогатые помощники, подчиняясь своему хозяину с безнадежной покорностью, бодро зашагали и вскоре скрылись в лесу.

Бэркэ, добравшись до своего урочища, занялся подготовкой к длинной и суровой зиме. По первой пороше он добыл молодого лося и заготовил впрок мяса. Всю зиму он не покидал своего жилища. Лишь один раз навестил людей, приходившихся ему дальними родичами. Ежедневно занимаясь с оружием и не жалея себя, он тренировал ослабленное ранами тело. Его новый лук с каждым днём бил все точнее, и вскоре Бэркэ ощутил, что к нему вернулись сила и ловкость. Пришла весна, но он решил не ехать на празднование наступившего нового года – на встречу, которая раз в году собирала все роды его племени.

Прошёл почти год с тех пор, как он потерял своих друзей. Пролетело жаркое лето, и в один из первых осенних дней Бэркэ отправился проверять свои ловчие ямы. Отмахиваясь от надоедливой мошкары, он осторожно пробирался сквозь лес. Тихо приближаясь к одной из ям, он вдруг услышал из неё чьи-то крики. Осторожно заглянув внутрь, он обнаружил сидящего на дне молодого человека. По перепачканной землёй одежде было видно, что он из рода саха. Увидев Бэркэ, он неуклюже вскочил, но тут же, поскользнувшись, упал. Телом он был грузен, из разорванной дохи выглядывало выпуклое пузо. Он испуганно посмотрел на Бэркэ, но вскоре понял, что тот не причинит ему вреда.

– Кто ты? – спросил его Бэркэ, немного коверкая слова на языке саха.

– О! Догор! – обрадованно отозвался незнакомец. – Я Долгоон! Я провалился в эту яму, будь она неладна!

– Зачем? Что ты тут делаешь?

– Я заблудился. Потерял коня в темноте, пошёл его искать и упал. Помоги мне, атас! Вытащи меня отсюда!

– Ты один? – настороженно спросил Бэркэ.

– Да, да, я один! Совсем один.

– Что ты здесь делаешь один? – немного удивившись, спросил Бэркэ.

– Я... – неуверенно начал парень. – Я ищу свою невесту.

– Невесту? – ещё более удивленно спросил Бэркэ, окинув его придирчивым взглядом. Он огляделся и, попросив про-

щения, срубил небольшую березку, скинул её в яму и после нескольких попыток с трудом вытянул оттуда тяжелого парня. Вскоре они сидели у костра, и Бэркэ угощал незадачливого жениха остатками своей провизии.

– Ты хороший человек, догор! Помоги мне. Люди должны помогать друг другу.

Долгоон, уплетая мясо, без устали благодарил своего спасителя, попутно рассказывая о своих злоключениях. Выслушав его рассказ, Бэркэ подивился наивности парня и его глупости: отправиться на поиски пускай и невесты, но одному, не зная дороги... В места с враждебно настроенными племенами... Не сумасшедший ли он?

– Ну и вот. Я обещал на ней жениться. Теперь мне надо найти ее, – Долгоон, вытерев рот от сала, принялся за следующий кусок мяса с костью.

– Одному там, куда ты направляешься, делать нечего. Это плохие места, – тихо сказал Бэркэ.

– Так помоги мне, Бэркэ! Я заплачу тебе. Мы богаты, отец выделит тебе лошадей и коров. О цене договоримся!

– Зачем мне они?

– Как зачем?

– Что с ними мне делать? Нет. Я не пойду. И ты не ходи.

– Я не могу вернуться без неё! Помоги мне, догор.

– Нет... – Бэркэ категорично мотнул головой. – Возвращайся домой. Твоя невеста, по твоим словам, похоже, уже нашла свое счастье, – отрезал Бэркэ, не желая продолжать

разговор. – И ещё раз говорю, это – опасно.

– Не хочешь помочь... Ладно, я сам найду ее, – обиделся Долгоон.

– Пропадешь... Это плохие места, – отрешённо глядя на костёр, произнес Бэркэ. Разговор не клеился, они сидели в тишине – только медленно угасал костер да изредка вздыхал ветер. За один лесистый холм закатывалось солнце, над другим вставала луна.

– Пора спать... – Бэркэ наскоро нарубил елового лапника для лежанки и улёгся.

Проснувшись утром, Долгоон с надеждой посматривал на хмурого парня, но тот словно не замечал его. В молчании они сели завтракать.

– Возвращайся назад, не совершай глупость, – наконец вымолвил Бэркэ, не выдержав вопросительных взглядов, которые бросал на него Долгоон.

– Нет. Я буду искать её. Прошу тебя, помоги мне. Я отплачу тебе. После нашей женитьбы я стану ещё богаче и отплачу тебе!

– Нет. Мой тебе совет – возвращайся – отрезал Бэркэ.

Они в молчании доели завтрак.

– Ну что ж, прощай. Спасибо тебе за еду, – кисло произнёс Долгоон, принимая остаток провизии от Бэркэ.

Немного потоптавшись, он ушёл. Бэркэ некоторое время неподвижно сидел у костра, доедая остатки пищи. Затем, повернув голову, он с досадой посмотрел вслед уходяще-

му Долгоону: неуклюже переступая через поваленные стволы деревьев, крихтя и охая, тот вскоре скрылся в лесу.

– Вот дурак, – Бэркэ тяжело вздохнул, заметив, что Долгоон пошел не в том направлении. – И что с таким делать? Точно пропадёт... Лес полон опасностей.

Воспоминание о том, как главарь шитолицы вместе со своими людьми вырос из пелены тумана, заставило его на мгновение оцепенеть. Решительно поднявшись, он потушил остатки костра, и, собрав вещи, последовал за скрывшимся в лесу парнем.

К полудню облака рассеялись, и переливающееся солнце затопило ярким светом осенний лес. Бэркэ и Долгоон, преодолев значительное расстояние, остановились на привал в березняке, земля которого местами пожелтела от начавших опадать листьев. Долгоон, уже заметно уставший от непрерывной ходьбы, с облегчением завалился на листву. Путники, сняв распаренную одежду, повесили её сушиться у костра. Долгоон, рот которого не закрывался с самого утра, развлекал молчаливого Бэркэ своими рассказами.

– Мы с Айыной выросли вместе. Наши отцы очень давно дружат. Если бы не этот властолюбивый Тыгын, мы так и жили бы возле Великой реки. О, наша славная долина... О, Туймаада... Богатые пастбища, озера, полные рыбы... Ну ничего, обустроимся и здесь, заживем не хуже. Пастбища здесь хорошие, а скот наш умножится, я думаю... Вот Айыну только найду.

– Сколько у вас голов скота? Эти лошади и коровы, трудно ли их содержать? – заинтересованно спросил Бэркэ. Он много слышал о животных, которых разводил народ саха, но вживую видеть их ему не приходилось.

– Хватает. Мы не бедные, – хвастливо продолжил Долгоон. – Любая невеста пойдет за меня. Я могу выплатить за нее много приданного.

– Что, ваши девушки смотрят только на тех, кто богат?

– Конечно! А на что им еще смотреть? Лишь бы ты был богат, и любая – твоя! Хэ-хэ...

– Повезло твоей невесте, – подумав, сказал Бэркэ, – ты богат и смел, раз решил отправиться за ней один.

– Да... Семья Айыыны тоже не бедная... А заживем вместе – так и вдвое богаче будем... Иначе зачем бы я так рисковал? – засмеялся Долгоон. – А ты, догор? Чем ты богат? Какое ты держишь хозяйство? Сколько у тебя оленей?

– Нет хозяйства. Я живу охотой, – пожал плечами Бэркэ.

– Э-э, одной охотой не проживешь... Ничего. Помоги мне, и я тебя, уж так и быть, отблагодарю. Заведёшь свой скот, разбогатеешь... Наймешь работников...

Прошагав до вечера по лесу, они расположились на ночлег у небольшого ручья. На следующий день путники вышли к небольшой пади, посередине которой располагалось болото. Увидев на тропе старый человеческий след и уложенную поверх него палочку, Бэркэ, опустившись на колени, внимательно осмотрелся вокруг.

– Что такое, аташкан? – спросил его Долгоон.

– Это знак. Он означает, что туда идти нельзя... Но он старый... – задумчиво проговорил Бэркэ, обошел след и двинулся по краю пади.

– Ну и вот, коровам нужно много сена на зиму, почти все лето мы занимаемся заготовкой... – продолжил свой рассказ Долгоон.

– А лошади? – спросил Бэркэ, которому был интересен быт умелых саха уранхаев.

– А лошади сами добывают корм, из-под снега. Надо просто приглядывать за ними, оберегать от диких животных, от болезней. Вот у нас...

– Тсс! – Бэркэ, вдруг замерев на месте, схватил Долгоона за руку. – Ты слышал?!

– Что? – испуганно отозвался тот.

– Крик... —тревожно отозвался Бэркэ, прислушиваясь к лесу.

– Чей крик? – Долгоон огляделся, с недоумением глядя на своего спутника. Некоторое время они стояли не шевелясь, прислушиваясь к шуму ветра, раскачивающего верхушки деревьев.

– Вот, опять! – шепнул, нахмурившись, Бэркэ, – Женщина... Женский крик...

Вывхватив топорик и пригнувшись, Бэркэ заскользил по краю пади, прячась за деревьями. Прислушиваясь и стара-

ясь не выходить на открытое место, они продвинулись на несколько метров вперёд. Долгоон, следовавший за молодым охотником, через некоторое время услышал в отдалении голоса и кивнул Бэркэ. Осторожно пробираясь среди деревьев и стараясь не производить шума, спутники подобрались к краю леса, и, раздвинув кусты, выглянули на открывшуюся им небольшую долину.

Возле топкой зыби зеленеющего болота они разглядели человеческие фигуры. Воины с расписанными лицами вступили в схватку с тремя охотниками из племени сартыал. Бэркэ, приглядевшись, вздрогнул: шитолицы! Их вожак был без маски, но Бэркэ узнал его по коренастой фигуре и движениям. Его затрясло от нахлынувших чувств, он невольно сжал древко своего топорика. Стоявший рядом Долгоон взволнованно воскликнул:

– Айыына?! Это Айыына!

Бэркэ, стараясь подавить охватившее его возбуждение, схватил Долгоона за руку и, притянув вниз, присел.

– Айыына? Твоя невеста?

– Да, да, это она! – возбужденно зашептал Долгоон.

Они вновь осторожно выглянули из-за кустов и увидели, как шитолицы расправились с лежащим перед ними раненым пленником. До их слуха донесся крик девушки, и молодые люди застыли в оцепенении. Бэркэ был напряжен, как тетива лука. Взволнованно дыша, он сжал в руках топорик и с решительным лицом повернулся к своему спутнику. Дол-

гоон в страхе смотрел на шитолицых и людей, которых они только что убили. Бэркэ потянул его к себе, и толстяк с побелевшим лицом опустился на землю.

– Мы должны напасть на них. Ты готов? – тихо произнёс Бэркэ, четко проговаривая каждое слово и сверля взглядом своего спутника.

Взволнованный Долгоон вдруг часто заморгал и отвёл взгляд. Вновь посмотрев на Бэркэ, отрицательно затряс головой.

– Твоя невеста. Отобьем её! – решительно прошептал Бэркэ, глядя на Долгоона. – Возьми свою пальму!

Долгоон отшатнулся от него, мотая головой.

– Я, я не смогу, – испуганно прошептал он, – я не умею...

– Но ведь это – твоя невеста. Нападем неожиданно! Я знаю их! У меня с ними свои счёты! Решайся! – воскликнул Бэркэ, покоряясь пробудившемуся гневу.

– Нет! Нет! – быстро зашептал Долгоон, вытянув к Бэркэ руку и как бы отстраняясь от него. – Их много! Мы не сможем... Я не смогу...

Долгоон, отвернувшись от Бэркэ, отполз от него. Бэркэ, не веря услышанному, с отчаянием взглянул на него, осторожно приподнялся и, раздвинув кусты, продолжил наблюдение. Шитолицы, собрав вещи убитых и подняв пленников, собирались уходить. Бэркэ, охваченный жадной мщениия, наблюдал за их главарем, отдающим приказы коренастым воином с пальмой в руке. Справившись с охватившим

его возбуждением, он все же трезво оценил положение и сожалением понял, что силы слишком неравные. Его спутник, с момента их встречи показавшийся ему не таким, каким он старался выглядеть, подтвердил его сомнения. Бэркэ присел рядом с Долгооном и с удивлением заметил, что тот отодвинулся от него, пряча глаза. «Он и меня боится, – с досадой догадался он. – Что с таким делать?»

Подбирая слова, Бэркэ заговорил с ним:

– Они уходят. Твою невесту и пленника собираются куда-то увести. Их не убили сразу – это наш шанс. Мы пойдём за ними... Нападём ночью, когда они уснут.

Долгоон все же решился посмотреть на Бэркэ, но потом снова отвел глаза.

– Нет... Я не смогу...

– Но это же твоя невеста! Что же ты, бросишь её?! – возмущённо прошептал Бэркэ.

– Я не умею сражаться... Никогда не дрался... Я не смогу. Лучше уйдём. Позовём людей на помощь.

– Уйдём? – изумился Бэркэ. – Если мы уйдём, будет поздно! Они скроются, где ты их найдёшь в лесу?! Вставай! Это твоя невеста! Идём!

– Нет. Нет, – Долгоон в испуге начал отползать от него. – Я, я... Мне не надо. Я... Передумал... – Он отодвинувшись, старался не встречаться взглядом с Бэркэ.

Тот с отвращением отвернулся, ища выход из положения. Через некоторое время, приняв решение, он оглянулся

на Долгоона.

– Хорошо! Я один пойду за ними.

– А. А я? – от волнения Долгоон начал заикаться.

– Ты должен найти её отца и людей.

– Хорошо! Хорошо! Я найду их!

– Я буду оставлять знаки, метки... И по ним вы найдёте нас.

– Хорошо! Знаки!

– Ты помнишь обратный путь?

– Да! Да! Хорошо! Я помню! – обрадованно затараторил Долгоон.

Бэркэ с сомнением взглянул на него. Ещё раз обговорив весь план, они расстались. Бэркэ взглядом проводил скрывшегося в кустах парня и, покачав головой, двинулся за похитителями.

Перевалило за полдень, стояла ясная солнечная погода. Шум деревьев от небольшого ветерка заглушал звуки. Бэркэ осторожно шёл по следу шитолицы, держась в отдалении, опасаясь, что чёрная псина учует его запах. Ветерок был встречный, но он молил духов, чтобы идущий впереди верзила не отпустил собаку с привязи, и тот, по-видимому, не собирался этого делать. Отряд продвигался вперед бесшумно, со звериной осторожностью, не выходя на открытые места, каждый раз замирая при малейшей опасности. Бэркэ понимал, что шитолицы надо спешно покинуть эти земли с захваченными пленниками. Вскоре он заметил, что от-

ряд, достигнув горной речушки, разделился: половина воинов, возглавляемая молодой особой женского пола, покинула основной отряд. Бэркэ обрадованно заметил, что ушедшие прихватили с собой собаку. Собравшись, он попытался подойти поближе, чтобы услышать разговоры врагов. Горная речка, вдоль которой они шли, показалась Бэркэ знакомой – где-то в её верховьях он и его два друга подверглись нападению. Сердце пронзила глухая боль. «Где-то здесь погибли мои друзья. Теперь мы поменялись ролями, я иду по вашему следу. И не отступлю, пока не убью вас», – мстительно подумал он.

Отряд спустился к берегу, собираясь двигаться по дну ущелья, но Бэркэ решил идти по верху, наблюдая с нависающих скал. Вскоре он увидел, что враги остановились у переката, и один из них пытается определить глубину с помощью шеста. «Похоже, они хотят переправиться на другую сторону», – догадался Бэркэ и занял позицию на скалах. Улёгшись на камни под тенью покосившихся кустов тальника, он замер в ожидании. Воинственный крик освободившегося сартыала застал его врасплох, и Бэркэ в замешательстве вскочил, решая, не вступить ли ему в бой. Случай был удобный: половина отряда была занята переходом через реку, часть бросилась за освободившимся сартыалом! В смятении наблюдая за происходящим, но все же не решаясь атаковать, Бэркэ вдруг замер. Он с волнением увидел, что девушка, сбросив путы, бросилась к скале и карабкается наверх. Прямо к нему.

Глава 16. Бегущие вдвоём

Бэркэ бежал первым и, держа девушку за руку, тащил её за собой. Что помнила Айыына потом – так это бешеный бег меж деревьев с краткими мгновениями отдыха, во время которых они молча украдкой изучали друг друга. Привалившись к деревьям, они жадно хватали ртом воздух, вытирая со лба струйки пота и прилипшую паутину, раздражавшую глаза. В эти короткие мгновения Бэркэ корректировал маршрут и прислушивался к погоне. Так они бежали, пока не стало темнеть.

– Не могу... Подожди, – задыхаясь, крикнула Айыына и, пытаясь отдышаться, повисла на молодой березке, а затем бессильно сползла вниз. Откинувшись на спину, попыталась отдышаться. Бэркэ, взглянув на нее, молча опустился рядом.

– Кажется, оторвались, – устало выдохнул он.

Убедившись, что прямой опасности нет и что преследователи решили повременить с погоней, он лихорадочно прикидывал: на ночь глядя они решили не бросаться за ними, но завтра погоня точно возобновится. Так просто их не отпустят. Вряд ли второй отряд с собакой успел далеко уйти. Собака... Собака... Как оторваться от нее? Попробовать идти по болотам и ручьям. Есть шанс, что на воде животное потеряет след. Пока надо оторваться, уйти как можно дальше, лишь бы не заплутать и не сбиться с пути, потеряв вре-

мя. Это их земля, шитолицых, их территория, которую они знают, как свои пять пальцев.

Они брели по лесу, пока не стало темно. Было ясно, и закат озарил горизонт лиловым светом. На темном небе появились первые звёзды. Бэркэ выбрал место для ночлега под выворотнем огромной ели, лежащей на земле: одряхлевшее дерево прогнило и рухнуло от порывов ветра. Образовавшаяся огромная яма с одной стороны была прикрыта устремившимися в небо корнями. Нарубив елового лапника, Бэркэ растелил его на дне ямы. Разжег костерок, подкидывая в него небольшие веточки. Достав из сумы остатки вяленого мяса, он протянул кусок откинувшейся на песчаный скос ямы Айыыне. Бэркэ, немного поколебавшись, все же снял повязку, закрывавшую нижнюю половину его лица. Затем, отвернувшись, молча начал жевать свой кусок мяса. Айыына, украдкой бросая взгляды на уродливый шрам на лице спасшего ее парня, тоже принялась за еду. В просвет между высокоствольными лиственницами выглянула луна, разливая по поляне холодный голубоватый свет. К ночи воздух посвежел, и Айыына зябко поёжилась. Бэркэ сидел, скрестив ноги, на земле, с прямой как копье спиной. Невольно скрывая свой шрам от девушки, он старался не смотреть на нее. Огонь обрисовывал его скулы. Украдкой обернувшись, он ободряюще улыбнулся Айыыне. Она все ещё находилась в некоторой прострации от дневных событий, но вдруг вспомнив, задала молчаливому спасителю мучивший её вопрос.

– Откуда ты знаешь моё имя?

– Долгоон. Твой жених мне сказал, – неопределенно пожав плечами, произнёс Бэркэ.

Айыына от изумления потеряла дар речи.

– Долгоон?! Как? Ты его знаешь?

Бэркэ кратко рассказал о своей встрече с Долгооном. Айыына, всё ещё не веря, расспрашивала Бэркэ о своём друге детства.

– Ну надо же! Все-таки и они решили покинуть Великую реку. Долгоон, какой молодец. Я и не думала, что он такой... храбрый. Он всегда казался мне домашним... Один решился искать меня, надо же!

«Решился, а потом струсил», – подумал Бэркэ, но промолчал.

Некоторое время они сидели в молчании, затем, спохватившись, Айыына спросила:

– Прости, я не спросила твоё имя...

– Бэркэ, – тихо ответил он, и, заметив, что девушка смотрит на его шрам, отвернулся.

– Это копьё должно было убить меня... – задумчиво произнесла девушка. – Ты меня спас.

– Да, он хорошо метает копьё... – вдруг напрягся Бэркэ.

– Что с тобой? Ты прямо в лицо поменялся...

– Так, воспоминания... – буркнул Бэркэ, хмурясь и чувствуя, что его лицо застыло, словно маска. Он вспомнил бегущего Бузагу и его крик.

– Этот шрам, – тихо спросила Айыына, осторожно подбирая слова. – Откуда он?

– Его нанёс тот, от кого мы бежим, – медленно ответил Бэркэ. Он вспомнил лицо Хонгу, его голос, смеющиеся глаза и улыбку, резавшую словно нож. – Он убил моих друзей. – Еще недавно Бэркэ отправился с ними на охоту. Теперь они мертвы, все, кроме него, и он тоже все равно что умер. Мысль о них повергла его в скорбь.

Бэркэ поведал Айыыне о прошлогодних событиях, и, в свою очередь, с интересом выслушал рассказ девушки о ее знакомстве с Хонгу и его родичами.

– Они не оставят нас, – сказал Бэркэ после минутного молчания. – Теперь мы для них опасны. Мы угроза всему их роду. Ты теперь знаешь, где они прячутся, и они будут преследовать нас, пока не убьют.

– Что же нам делать? – тихо спросила Айыына.

– Надо оторваться от них, – подумав, ответил Бэркэ. – Завтра будет трудный день. Но ты не бойся. Я сделаю все, чтобы отвести тебя к твоему отцу... А с ними... С ними у меня свои счёты. Когда-нибудь я рассчитаюсь за своих друзей. Хонгу ответит за все, – тихо произнёс Бэркэ с потемневшим лицом. Айыына кивнула, пытаясь скрыть страх.

Ночная мгла окутала лес, и только яркие звёзды мерцали в вышине.

– Пора спать, – сказал Бэркэ, взглянув на Айыыну, – завтра трудный день. Тебе надо отдохнуть.

– Бэркэ, спасибо тебе... – волнуясь, произнесла Айыына.

Бэркэ, молча кивнув ей и отвернувшись, свернулся на углу расстеленного лапника. Айыына легла на спину и некоторое время смотрела на звёзды. Из мрака ночи донесся звук, слабый, далекий, но легко узнаваемый: волчий вой. От этой жуткой унылой песни у Айыыны встали дыбом волосы на затылке. Ее проняло холодом. Вой плыл в черноте ночи. Бэркэ приподнялся на локте, нашарив топорик, заметил напрягшуюся фигуру Айыыны.

– Они далеко – успокоил он ее.

Вскоре вой затих, и лес вновь погрузился в тишину. Айыына закрыла глаза: у неё в мозгу замелькали картинки пережитого за день, и через мгновение она провалилась в сон.

В темноте ночи она неожиданно проснулась и обнаружила, что Бэркэ рядом нет. Девушка медленно поднялась и выбралась из ямы. В лесу было тихо, мягкий лунный свет освещал деревья. Оглядевшись вокруг, Айыына тихо позвала:

– Бэркэ!

И, не дождавшись ответа, пошла через лес к видневшейся вдали открытой поляне. Она повторно позвала Бэркэ, но он не отозвался. Неожиданно она услышала, что кто-то тихо позвал её по имени.

– Айыына...

Она остановилась и попыталась определить, откуда донесся этот тихий возглас.

– Айыына! – опять еле слышно прозвучало в лесу.

Ей показалось, что голос прозвучал сзади, и она обернулась. Деревья, залитые лунным светом, казались неподвижными. Она опять услышала тот же возглас. В волнении повернула голову налево, назад, направо. Из ночной темноты, сверкая в свете луны, со свистом вращаясь, прилетел топорик и с глухим звуком воткнулся ей в лицо. Айыына в ужасе вскрикнув, проснулась и села на лапнике. «Сон! Это был всего лишь сон!» – с облегчением подумала она, приходя в себя и дрожа в ознобе. Было холодно, изо рта шёл пар.

– Плохой сон? – тихо спросил повернувшийся к ней Бэркэ. Он проснулся от её возгласа.

– Да... Это был сон, – пробормотала Айыына, переводя дыхание. Она сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться.

– Поспи еще, тебе надо расслабиться, – участливо произнёс Бэркэ.

Они вновь, свернувшись калачиком, улеглись каждый в своём углу лапника и постарались уснуть.

Ночью перед рассветом, когда утренний холод проник через легкую одежду, они обнаружили, что спят, прижавшись спиной друг к другу. Озноб все ещё заставлял дрожать их тела, но сон, хоть и краткий, вернулся. Неожиданно часть небосклона озарилась красным, темнота начала отступать и чёрные стволы деревьев обозначились контурами. Бэркэ, тихо встав, сбегал в предрассветной темноте к ручью, и, набрав в берестяную чуманку воды, принёс ее проснувшейся девушке. Молодые люди переглянулись, и Айыына, сидя на

лапнике, стала пить мелкими глотками холодную воду.

– Холодно, – стуча зубами, произнесла она и, выпустив из рта пар горячего дыхания, улыбнулась.

– Да, холодно, – поежился присевший рядом Бэркэ и в ответ улыбнулся ей уголками рта. – Ну, ничего, сейчас будем идти и согреемся.

Прогоняя темноту, в замершем лесу начали робко переговариваться мелкие пичужки. Собравшись, беглецы покинули ставшую им приютом упавшую ель. Лишь нарубленный еловый лапник остался лежать на дне ямы. Быстрым шагом Бэркэ и Айыына скрылись в утреннем лесу.

Глава 17. Ночной костёр

Онгонча, схватив копьё, бросил вопросительный взгляд на Хонгу, предлагая броситься в погоню за беглецами, но тот отрешённо и медленно мотнул головой. Хонгу все ещё не мог смириться с неожиданной потерей двух своих людей. Он ходил кругами возле лежащих у его ног тел соплеменников. Те были молоды: они погибли по своей неопытности, но и по его вине. Он не предусмотрел. Он не проверил. Едва сдерживая обуревающую его злость, Хонгу побрел по берегу речки с пальмой в руке. Дойдя до лежащего на берегу сартыала, он вдруг с яростным криком обрушил град ударов на мертвое тело. Вернувшись к телам трупам соплеменников, он отбросил окровавленную пальму на камни и устало сел. Встретившись взглядом со стоящим над ним Онгончой, мрачно произнёс:

– Надо дожждаться Ичин. Никуда они не денутся.

На речку опустились сумерки. Вскоре невдалеке раздался условный свист, подражающий лесным птицам. Онгонча ответил, и из леса на вершину скалы вышла Ичин. Второй отряд в наступивших сумерках спустился со скал и присоединился к соплеменникам.

– Я же говорила тебе! – с перекошенным от ярости лицом выкрикнула Ичин, приблизив своё лицо к Хонгу. – Надо было убить её сразу! Почему ты не послушался меня? Это ты

виноват! Ты! Ты все время...

Собравшийся вместе отряд шитолицы стоял над мертвыми соплеменниками. Рука Хонгу вдруг вцепилась в горло Ичин, и та на полуслове захрипела, забившись. Безуспешно пытаясь освободиться, Ичин, лицо которой побагровело, с ужасом смотрела на Хонгу. Его побледневшее лицо исказила судорога, а невидящие глаза смотрели сквозь Ичин. Второй рукой он медленно вытащил из-за спины пальму. Стоявшие вокруг спутники с опаской отступили на шаг назад. Хонгу обвёл их бешеным взглядом, и наконец, словно очнувшись, разжал руку: Ичин, хватая воздух ртом, упала на землю.

– Не время нам затевать ссоры... – сквозь зубы прошипел Хонгу, приходя в себя. – Проводим наших братьев в последний путь.

Стемнело и взошла луна. Собравшиеся в кучу сучья занялись огнём, и вскоре огромный костёр запылал, озаряя яркими отблесками окружающий лес. Треск горящих сучьев эхом отдавался по округе. Уложенные в середину костра тела погибших, превратившись в дым, отправились в другой мир. Люди племени Хонгу не хоронили умерших в земле, как это делали уранхай саха, не хоронили их на арангасах, на верхушках деревьев, как некоторые соседние племена. Они сжигали их в пламени. Шесть неподвижных фигур черными контурами выделялись на фоне яркого огня. Пляшущее пламя вырываясь из-под толстых сучьев, всполохами осве-

щало бронзовые застывшие лица. И темные деревья стояли вокруг как свидетели. Вскоре после того, как огонь погас, отряд покинул это место, и, немного переместившись вниз по реке, устроился на ночлег. Когда на востоке забрезжил рассвет, Хонгу поднял своих людей.

– Они направятся по долине, до озёр. Другого пути нет, – произнёс Онгонча, глядя на Хонгу. – Нам не обязательно сейчас идти по их следу.

– Что ты предлагаешь?

– Пойдём пешком – устанем. Спустимся на лодках до слияния рек. Дойдём до больших озер и там пустим собаку. Она возьмёт след. Другого пути у них нет. Там и перехватим.

– Верно. Так и сделаем, – подумав, властно произнёс Хонгу.

Глава 18. В капкане

К полудню беглецы, спустившись по откосу небольшой пади, поднялись по её склону на противоположную сторону, и вдруг внимание Айыны что-то привлекло. На стоявшей на возвышении скалы старой одинокой сосне с обломанной верхушкой, она заметила затёс и воткнутую в него стрелу с перьями на хвосте. Метка была видна издалека и удивила девушку.

– Что это? – спросила она Бэркэ.

– Это метка... Хойгуо, – ответил Бэркэ, остановившись.

– Что она означает?

– Что означает? Её оставил какой-то хосуун-удалец, – подумав, ответил Бэркэ, – она означает, что он не боится битвы. И те, кто хотят отомстить ему, могут найти его по этим меткам.

– И кто он, интересно, этот человек? – заинтересованно спросила Айына, – И что сделал?

– Это неизвестно, – пожал плечами Бэркэ, прикоснувшись рукой к стволу дерева и разглядывая потемневший от времени затёс – стрела старая. Давно это было.

Солнце пригревало их на скале, а под ними, сколько видел глаз, тянулись леса и холмы. Высоко вверху кружил коршун, темный на голубом небе. Ещё раз взглянув на метку, они в молчании покинули это место.

К вечеру, пересекая небольшой ручей, они наткнулись на густые заросли поспевшей смородины: не удержались от соблазна, забрались в пахучие заросли, рвали горстями тяжелые кисти, с наслаждением поедая спелые ягоды. Вскоре оба невольно улыбнулись, глядя на перепачканные ягодой лица друг друга. В одном из распадков, из ближних кустов, громко хлопая крыльями, неожиданно взлетела птица. Вздогнув от неожиданности, беглецы в испуге присели, но Бэркэ тут же, выхватив лук, дал Айыыне знак не шуметь и ободряюще моргнув двумя глазами. Натянув тетиву и бесшумно ступая, он начал двигаться к тому месту, откуда донесся звук. «Фр-р!», – взлетела следующая птица и тут же упала, пронзённая стрелой. Иссиня-чёрный, с белыми крыльями и хвостом, самец тетерева забился на земле, громко хлопая крыльями. Бэркэ, намеренно пропустив взлетевшую следом самку, ещё одним выстрелом добыл очередного самца. Складывая добычу в суму, он скромно улыбнулся Айыыне:

– Это на ужин...

– Хорошо стреляешь! С тобой не пропадёшь, – восторженно произнесла Айыына, улыбнувшись добытчику.

Поздним вечером они достигли длинного озера, над которым, словно жалуясь, шумно кричали чайки. Бэркэ выбрал на его берегу скрытое от глаз, укромное место. Насобирав хвороста, он высек кремнем искру, и над костром заструился дымок. Язычки пламени вспыхнули с хвастливым треском над сухой хвоей. Насадив тетерева на ветку, Бэркэ

поджарил его. Вскоре проголодавшиеся беглецы в молчании принялись за ароматно пахнущее мясо добытой птицы. Бэркэ щедро подложил дров в костер, горячее пламя весело затрепетало в воздухе, а он вдруг спросил сидевшую напротив Айыыну:

– Долгоон, он... Он говорил, что богат и зажиточен...

– Да, его семья – не бедняки.

– Тебе повезло с женихом... – произнёс Бэркэ.

Он вспомнил, как струсил Долгоон, но решил не расстраивать девушку. Какое его дело?

Некоторое время они сидели в тишине, глядя на взлетающие к небу искорки от костра. Айыына заметила, что задумавшийся о чем-то Бэркэ поморщился, касаясь пальцами своего шрама на лице.

– Тебе больно?

– Нет... Просто... Воспоминания. – словно очнувшись, ответил Бэркэ. – Все в порядке.

Его шрам все ещё отдавал тупой болью, когда он хмурился, и иногда, при плохой погоде, ныла рана от стрелы. Но он верил в то, что эта боль нужна ему. Что она твердит, чтобы он ничего не забыл. Заметив, что девушка погрузилась в грусть, Бэркэ, чтобы развлечь ее, сам того не желая, вдруг рассказал о том, как он познакомился с Бузагу и Толбочооном. Удивившись самому себе – ведь он никогда и никому не рассказывал этого, он предался воспоминаниям. Все это казалось происшедшим тысячу лет назад. Айыына с интересом слушала его

нескладный рассказ.

В мутной сумеречной дымке терялись лохматые холмы, тускнели мари, и вскоре всё слилось с синими вечерними сумерками. Смолкли в темноте чайки, наступила ночь. Бэркэ нарубил лапника, и Айыына, едва уронив на него голову, уснула. Молодой охотник ещё некоторое время сидел у костра, время от времени подкладывая в него сучья. Бэркэ посмотрел на спящую девушку и не смог отвести взгляд. Айыына лежала свернувшись, подобрав одну ножку, и вытянув другую. Ее волосы сбились в беспорядке, на открытой шее пульсировала синяя жилка, лицо выражало умиротворенность и доверчивую безмятежность. Бэркэ понял, что девушка слепо верит ему, и вдруг ощутил странное волнение, непреодолимое желание не обмануть этого доверия, уберечь ее любой ценой. Ты должен ее спасти – сказал он себе. Только ты, Бэркэ, можешь помочь ей. Спасти во что бы то ни стало. Он осторожно укрыл спящую девушку сползшей дохой.

Желна громким криком растревожила запоздавший рассвет. Какая-то птичка, запинаясь, затянула свою однообразную песню. В лесу посветлело. Бэркэ проснулся первым и разжег огонь. Айыыну он решил не будить, чтобы дать ей выспаться. Он сидел, скрестив ноги, возле костра, шлифуя край своего топорика точильным камнем. Шелестящий звук вселял в душу Бэркэ странную уверенность. Он не заметил что девушка проснулась и наблюдает за ним. Айыына, потянувшись, жалобно вздохнула. Их взгляды встретились, и они

улыбнулись друг другу. Распущенные волосы девушки разметались по лицу и плечам. Вид Айыыны вновь наполнил душу Бэркэ странным волнением.

На востоке громоздились тучи, пронзённые местами солнечными лучами.

Расправившись с остатками тетерева, Бэркэ и Айыына продолжили путь. Некоторое время они шли по берегу растянувшегося в длину озера и, дойдя до его края, Бэркэ заметил за ним ещё одно, такое же длинное, но изогнутое, конца, которому не было видно. Между озерами пролегал узкий перешеек, поросший мелким кустарником. Жестом приказав Айыыне оставаться на месте, он, пригибаясь к земле, осторожно двинулся вперед и, добравшись до кустов у перешейка, остановился. Дальше было чистое поле, просматриваемое со всех сторон. Бэркэ какое-то время до рези в глазах напрягал зрение и прислушивался к звукам, но ничего тревожного не уловил. Растревоженные им чайки, шумно крича, перелетали на другое озеро. Медля от нерешительности, надеясь неизвестно на что, он оттягивал момент принятия решения. Какое-то шестое чувство удерживало его на месте, он понимал, что тело не хочет идти туда... Но все же, преодолев сомнения, он крадучись двинулся вперед по краю озера и вскоре добрался до находившегося напротив леса. Ежесекундно прислушиваясь, он с осторожностью обследовал его. Неожиданно в дневной тишине прямо над головой Бэркэ тревожно прокричала кукушка, и где-то

ритмично заскрежетала сова. Он, вздрогнув, мысленно проклял птиц и, пятясь, поспешил обратно. Перебежав перешеек между озёрами, и дойдя до места, где он оставил девушку, он позвал её – но никто не откликнулся.

Бэркэ с нарастающей тревогой осторожно вытащил из-за спины лук и тихо позвал девушку ещё раз. Притихший лес застыл в ожидании. В небе ярко светило солнце, и день для осени был приятно тёплым, но Бэркэ проняло холодом. Напрягая все обострившиеся чувства, он начал тихо отступать назад. Куда-то пропали все птицы, стояла оглушающая тишина. Слева между стволами деревьев мелькнула чья-то тень и скрылась. Справа раздался приглушённый шум, и качнулась ветка. Натянув лук, Бэркэ лихорадочно закрутился на месте. Со всех сторон, отрезая ему путь к бегству, из-за деревьев осторожно выступили люди с татуированными лицами, с натянутыми луками в руках. Раздался приглушённый крик Айыны. Слева из-за старой сосны показался молодой шитолицый, лицо которого было сплошь усыпано веснушками: одной рукой он держал Айыну за волосы, другой прижимал к ее шее острую пальму. Справа, из-за скрюченной сосны, выступил Хонгу. За ним стоял Онгонча – жилистый, с черным копьём наизготовку. Бэркэ в отчаянии смотрел на заплаканное лицо Айыны, из носа которой текла кровь, испачкавшая ворот платья. Он направил лук на Хонгу и замер.

– Ну что, аташкан, опять мы встретились, – мелодично

произнёс Хонгу.

Веснушчатый, стараясь удержать пытающуюся вырваться Айыыну, дернул ее за волосы, и она вскрикнула

– Держи ее крепко, Туктуни, – раздраженно произнёс Хонгу.

Бэркэ отчаянно искал выход из ситуации, но с ужасом понимал, что кошмар, произошедший в прошлом, опять настигает его. От этой мысли его бросило в дрожь, по коже побежали мурашки, следом мелькнула мысль, что это сон, мо-рок...

– Бросай лук, – приказал Хонгу, – или ей сейчас вспорют горло. Прямо здесь, при тебе. Туктуни!

– Стой!

– Давай прикончим их здесь! – зло выкрикнула Ичин, подойдя вплотную к Бэркэ и целясь из лука ему в лицо. Ее глаза пылали ненавистью. Краем глаза Бэркэ заметил, что с другой стороны, заходя за спину, к нему приблизился Онгонча.

– Ну! – нетерпеливо произнёс Хонгу. По шее Айыыны потекла струйка крови. Дрогнув, Бэркэ медленно отпустил лук. Приблизившийся сзади Онгонча, размахнувшись, ударил его древком копья. Пришедшийся по затылку удар оглушил Бэркэ, и он упал на четвереньки. Последовавшие следом многочисленные удары отправили его в беспамятство.

Он очнулся при свете дня, в берестяной лодке, на дне которой лежал, связанный по рукам и ногам. Голова раскалывалась от тупой боли: он с трудом попытался восстановить

в памяти прошедшие события. Урывками перед ним появлялись картины: ночь, горит костёр, он лежит на земле, его бьют... Крики Айыыны о том, чтобы остановить это избиение. Он теряет сознание. Вновь приходит в себя. Его опять бьют. Ичин пытается сделать на нем надрезы, чтобы вытянуть жилы, но её останавливает Хонгу... Опять небытие... Он лёжа, осторожно пошевелил конечностями: все тело ныло от нанесённых побоев, но руки и ноги целы, с облегчением понял он. Каждый вздох отдавался тупой болью в рёбрах. Голова гудела, лицо с одной стороны опухло, мелкие порезы саднили. «Могло быть и хуже», – успокоил он себя. Осторожно оглядевшись, вместе с собой в лодке он насчитал троих шитолицых, однако Айыыны рядом не было. По двигающимся мимо деревьям и кустам он определил, что они плывут по небольшой речушке. Двое в лодке неспешно гребли, третий внимательно осматривал лес на берегу. По доносившимся до его слуха звукам и переговорам врагов Бэркэ определил, что ещё одна лодка движется неподалёку, перед ними. Увидев, что пленник очнулся, сидевший рядом Хонгу склонился над ним, схватил за голову, мрачно оглядел его и тихо произнёс:

– Сразу ты не умрешь, это я тебе обещаю...

К вечеру они наконец пристали к берегу, и, когда его вытащили и бросили на прибрежный песок, он увидел Айыыну. Она так же, как и он, была связана, но Бэркэ, внутренне расслабившись, заметил, что ей не причинили вреда. Развя-

зав веревки на его щиколотках, Онгонча рывком поднял его, но Бэркэ не удержался на непослушных ногах, повалился на камни. Ему дали время размяться и прийти в себя. Он с усилием поднялся и его, шатающегося, связали одним ремнём с девушкой. Бэркэ с трудом держался на ногах: затёкшее и избитое тело ныло и не слушалось его. Правая сторона лица покраснела от крови, рана в бедре заставила его прихрамывать. Ушибленное плечо давало о себе знать при каждом шаге. Айыына, бросившись к нему, всеми силами поддерживала его. Они встретились взглядом, и Бэркэ, чтобы приободрить девушку, криво улыбнулся ей. Подталкивая пленников, Онгонча отдал команду трогаться, и отряд покинул речку. Айыына, держась рядом с Бэркэ, поддерживала его, чтобы он не упал. Страхи свои она скрывала за внешним спокойствием и строгостью, однако они не оставляли ее и лишь возрастали с каждым пройденным километром.

До наступления сумерек они тихо шли по лесу вдоль речки. Вскоре остановившись, устроили короткий ночлег под деревьями. Бэркэ, лежа на земле со связанными за спиной руками, впал в короткое забытие, но вскоре проснулся. Как он ни старался, сон больше не вернулся к нему. Он оглядел лес и речку. На том берегу, на небольшом песчаном пляже, темным пятном носился, нарезаая круги, заяц. Вот озорник – улыбнулся невольно Бэркэ, невольно позавидовав зверьку. – Ни забот, ни хлопот.

Он оглядел небо, где горело столько звезд, что человеку

не счесть их, проживи он хоть сто лет. Закрыв глаза, он помолился духам, прося дать ему сил умереть достойно, когда его час придет.

Хонгу поднял их затемно. Поднявшись в предрассветной мгле, отряд вновь продолжил путь. К злополучной пещере они вышли на рассвете. На востоке над деревьями уже появилась золотисто-розовая полоска, но над тайгой там и сям еще висели мутновато-сизые полосы тумана. В тишине они достигли входа в пещеру. Пройдя темные коридоры и освещая путь факелами, шитолицы ввели пленников в обширную залу и привязали к двум вкопанным в землю столбам. Проверив, крепки ли ремни, удерживающие пленников, Онгонча и двое шитолицы покинули пещеру. Бэркэ и Айыына остались вдвоем. В наступившей темноте слышно было только, как падают капли со свисающих с потолка пещеры сталактитов.

Глава 19. Неожиданное освобождение

– Айыына... – тихо позвал Бэркэ.

– Бэркэ? – отозвалась девушка.

– Тебя не тронули?

– Нет, – едва не плача, произнесла Айыына, – били только тебя. Я все видела.

– Ничего... Мы все ещё живы.

– Тебе больно? – участливо спросила Айыына.

– Ничего, терпимо, – пытаюсь вдохнуть полной грудью, отозвался Бэркэ.

– Что они с нами сделают?

– Не знаю. Не бойся... – Бэркэ пытался подобрать слова, чтобы не напугать девушку. – О чем ещё они говорили?

– Эта Ичин... Она хотела сразу с нами покончить, – вспомнила Айыына подслушанный ею разговор шитолицы, – но я поняла, что они кого-то ждут. Чьего-то отца...

– Надо попробовать освободиться, – со стоном прошептал Бэркэ. Не теряя надежды, они некоторое время пытались расслабить и растянуть ремни, но тщетно: узлы были стянуты накрепко. Бросив наконец попытки освободиться, пленники какое-то время сидели в тишине и молчании.

– Ваши животные, круглокопытые, легко ли на них ез-

дить? Сложно ли это? – спросил вдруг Бэркэ.

– Наши лошади? – опешив, спросила в темноте Айыына.

– Да, лошади... С такими волосами длинными...

– Нет, несложно. Я с детства езжу на них... – не понимая, куда клонит Бэркэ, ответила она.

– Твой жених, Долгоон. Он пообещал мне, что подарит коня... А я ни разу вблизи не видел их... – тихо сказал Бэркэ, тут же мысленно укорив себя за то, какую глупую тему для разговора выбрал в сложившейся ситуации.

– Они умные, – отозвалась с грустью Айыына, вспомнив свою гнедую кобылицу, – ничего сложного...

– Да? Они сильные. И свирепые, как мне кажется.

– Ты будь просто уверен и покажи, что не боишься, когда садишься на неё, – ответила Айыына и вдруг спохватилась: – Если тебе придётся... Если нам придётся... Если мы выберемся отсюда...

Они опять замолчали на некоторое время.

– Как вы познакомились? С Долгооном? – тихо спросил Бэркэ.

– Мы дружим с детства. Наши отцы давно знакомы.

– Он нравится тебе? Он не беден, много скота.

– Не беден, – подумав, отозвалась Айыына, – скота хватает. И лошадей, и коров... Почему ты спрашиваешь об этом?

– Тебе повезло с ним...

– Да, наш брак... был бы выгоден обеим семьям, – подумав, согласилась Айыына, – но я... Я еще не дала ему согла-

сия. Почему ты спрашиваешь?

– Просто так, – смутился Бэркэ, – интересно, как живут люди других племён. Везде по-разному, верно?

– Верно...

– Я мало видел людей. Привык быть один.

– Да, я понимаю. А ты? Ты женат?

– Нет, – тихо ответил Бэркэ, – как-то все откладывал. Вот и дождался...

– Ничего... – ответила Айыына, не зная, что сказать.

– Мне жаль, что так вышло, – подбирая слова, произнёс Бэркэ. – Прости, что не смог помочь. Я бы посмотрел на вашу свадьбу. Долгоон рассказывал мне по дороге, что это интересный обряд.

– Да? Обряд интересный, соглашусь, – смутившись, произнесла Айыына, – но я ещё не давала ему согласия...

– А... – произнёс Бэркэ. – А что, разве ты не согласна?

– Нет. То есть я не против, конечно, но... это всё ещё... Сейчас об этом нет смысла говорить.

– Да, прости, – смутился Бэркэ, – если бы не эти убийцы, всё было бы по другому. Ты вышла бы за богатого жениха, и вы бы зажили богато и счастливо.

– Погоди. Я ещё не давала согласия. И его богатство здесь не при чём. Ты думаешь, что люди женятся из-за богатства?

– Не знаю... А из-за чего?

– Не в этом дело.

– А в чём?

– Богатство здесь ни при чём. Люди сближаются не только ради выгоды.

– А ради чего?

– Они должны... Нравиться друг другу, уважать, любить друг друга. Богатство – это не главное.

Бэркэ залился краской. Вот дурак! Что она обо мне подумает? Все его слова казались ему неуклюжими и вялыми. Уж лучше помолчать, чтобы не опозориться еще раз. Затянувшееся молчание вывело его из себя. Надо что-то сказать ей, приободрить!

– Нравиться друг другу? – опять спросил Бэркэ, но ответа не дождался. Он в отчаянии стал думать, какую бы умную и приятную вещь ей сказать, но в голову, как назло, ничего не приходило. Он чуть было не заговорил о лошадях, но вспомнил, что уже говорил это. Он хотел бы ударить себя за неуклюжесть и непонятливость. Нужные слова не находились, и он, промолчав немного, промолвил: – Прости меня Айыына. Я подвёл тебя, не спас.

– Ты пытался, – ответила она и по её щеке скатилась слеза.

Время тянулось, и пленники то и дело впадали в забытьё. Айыыну бросало в дрожь. Страх поселился у нее в животе и с каждым часом мучил ее все сильнее. Казалось, что прошло очень много времени, прежде чем они услышали какой-то звук. Скоро в тишине раздались отдалённый шум шагов и чьи-то голоса. Кто-то спускался по коридору. Отсвет далекого факела заплясал по стенам пещеры: Айыына и Бэр-

кэ тревожно застыли в ожидании.

– Не бойся... – выговорил Бэркэ в темноту, внутренне напрягшись. Его злила собственная беспомощность и страшила мысль, что он ничем не сможет помочь девушке, не защитит ее. За себя он не боялся.

Вскоре, освещая себе путь трепещущим огнём факела, из темноты перед ними возникла Ичин. За её спиной, что-то недовольно бормоча, показался лысый старик. «Мясник!» – вспомнила Айыына. Было видно, что пожилой шитолицый не очень-то доволен приходом Ичин.

– Развяжи её! – приказала ему Ичин, указывая на Айыыну.

Тот, мотая головой, что-то замычал, упоминая имя Хонгу. Ковыляя, он обошёл ее, и встав перед ней, преградил путь. Видя, что он отказывается, Ичин не выдержала, оттолкнула его в сторону. Старик едва удержался на ногах, ухватившись за стену пещеры. Ичин подскочила к Айыыне и, склонившись, схватила её за волосы.

– Думаешь, как обмануть всех, чтобы вымолить себе пощаду?! Думаешь, что прикинешься милой, и тебя пожалеют? Нет! Сейчас ты умрешь! – прошипела она ей в ухо. Старик, подскочив сзади, схватил её и, произнося имя Хонгу, попытался оттащить от пленницы. Ичин, вновь с силой оттолкнув его, выхватила нож и перерезала ремни на столбе. Айыына, вскрикнув, упала лицом вниз.

– Отпусти ее! – выкрикнул Бэркэ и попытался вырваться

из пут, но тщетно.

Ичин, схватив закричавшую от боли Айыыну за волосы, потащила её к выходу. Старик, не прекращая что-то мычать, преградил им путь, между ним и Ичин опять завязалась схватка. Вдруг, не удержав равновесие, все трое повалились на пол. Старик, оказавшись сверху над пришедшей в бешенство Ичин, попытался удержать ее. Перед лицом упавшей Айыыны вдруг оказался бок старика, на поясе которого она увидела небольшой нож. Схватив его, она полоснула по держащей ее за волосы руке Ичин, и та с криком разжала кулак. Освободившись и вскочив, Айыына бросилась назад к Бэркэ. Увидев это, мясник в растерянности ослабил хватку, и Ичин, выругавшись, сбросила его с себя. Старик неуклюже упал на спину. Айыына, успевшая добежать до Бэркэ, ножом перерезала удерживающие его ремни. Не сразу и не быстро, но Бэркэ поднялся. Растирая онемевшие руки, он взял из рук Айыыны нож. Все четверо противников оказались на ногах и замерли в нерешительности. Ичин, пожалевшая, что пришла без оружия, бросила быстрый взгляд на лежащие за спиной Бэркэ топоры, пальмы и копья. Бэркэ, заметив её взгляд, опередил её. Осторожно пятясь, дошёл до сваленного в кучу оружия и, не сводя взгляда с шитолицы, медленно поднял с пола два топорика. Старик, испуганно бормоча, начал подталкивать напрягшуюся Ичин к выходу. Та, со злостью глянув на пленников, крикнула им:

– Всё равно вы умрете!

Развернувшись, она бросилась к выходу, по пути с силой оттолкнув мясника в сторону. Тот упал, но быстро вскочил и, испуганно озираясь, бросился бежать вслед за ней. Оба они быстро скрылись в темноте.

– Бежим! Скорей! – взволнованно воскликнула Айыына и, схватив со стены факел, бросила взгляд на Бэркэ. Он, кивнув ей, медленно двинулся за ней к выходу. Тело его ещё ныло от побоев, каждый вздох отдавался болью в рёбрах.

– Скорей! Пока они не позвали на помощь! – торопила его Айыына, освещая путь факелом. Медленно продвигаясь вслед за ней по тропе, Бэркэ вдруг зацепился взглядом за одну из многочисленных вещей, висевших на стене, и замер на месте.

– Подожди! – воскликнул он и взял факел из рук приблизившейся к нему девушки. Осветив поближе стену, он с волнением приблизился к ней, и оглядел висящий на тонком шнурке костяной амулет. Взяв его в руки, он разглядел на нем выточенный им самим силуэт медведя. Амулет, подаренный им Толбочоону. Медленно сняв его со стены, он сжал его в руке. С отрешенным лицом он вспомнил плачущего друга.

– Скорей, Бэркэ... – испуганно позвала его Айыына, но он, погружившись в свои мысли, словно не услышал её.

– Бэркэ! Ну же! – с отчаянием повторила Айыына.

Словно очнувшись, Бэркэ кивнув, двинулся за девушкой. Они, крадучись, добрались до выхода из пещеры. Наступи-

ло утро, но было сумрачно. Серый густой туман скрывал очертания ближайших деревьев и скал. «Эти двое уже добрались до стойбища и наверняка оповестили своих. С минуты на минуту они появятся здесь...», – подумал Бэркэ. Они выскользнули из пещеры и бросились в лес. Едва они успели укрыться за ближайшими деревьями, как послышался шум, и в ключьях тумана, зависшего над тропой, показались торопливо крадущиеся человеческие фигуры. Выглянув из укрытия, Бэркэ насчитал четверых шитолицых. На его удивление, Хонгу, Онгончи и Ичин среди них не было. В шедшем последним шитолицем он опознал мясника. Бесшумно проследовав мимо прижавшихся к земле беглецов, четверка приблизилась ко входу в пещеру и, недолго посоветовавшись, исчезла в ее недрах. Бэркэ дал знак Айыыне, и они, тихо поднявшись, бросились в лес. Пробежав несколько метров, Бэркэ вдруг остановился. Айыына, на бегу обернувшись, с испугом заметила, что его лицо приняло выражение мрачной решимости. В руке он продолжал сжимать талисман.

– Беги к реке. Укройся и жди меня там, – твёрдым голосом произнёс он.

– Нет! Зачем? Бежим вместе! – воскликнула она и, вернувшись к нему, схватила его за руку. Испуганными глазами она взглянула ему в лицо, стараясь понять, что он задумал. В порыве волнения Бэркэ сжал её руку и прижал к своей груди.

– Нет. Беги. Я должен остаться.

– Зачем?!

– Я должен рассчитаться с ними, – твёрдо произнёс Бэркэ.

– Нет! Прошу тебя! Пожалуйста, бежим вместе!

– Нет...

– Они убьют тебя!

– Не беспокойся за меня. Жди у реки. – Бэркэ попятился, –

Я догоню. Обещаю!

Айыына еще некоторое время пыталась уговорить его, но Бэркэ, мотнув головой, отступил назад. Поняв по выражению его лица, что он не изменит своего решения, Айыына с тревогой в сердце сдалась. Улыбнувшись краем рта и взглянув напоследок ей в лицо, Бэркэ отвернулся и, пригибаясь к земле, двинулся обратно к пещере. Айыына бросилась прочь с тропы и, несколько раз обернувшись, исчезла в сером сумраке.

Бэркэ быстро обследовал окрестности и, заметив возвышавшуюся над тропой горбатую скалу, взобрался наверх и укрылся среди камней. Вход в пещеру с этого места хорошо просматривался. Время застыло, рука Бэркэ коснулась рукояти топориков, словно проверяя, на месте ли они. Стояла жуткая тишина, и лишь изредка, в невидимом с этого места, укрытым серым туманом лесу, переговаривались пичужки.

Он услышал их задолго до того, как увидел. Прислушиваясь к тишине, они быстро продвигались по тропе между скал. Вооруженная пальмами и копьями четверка вдруг остановилась. Бэркэ услышал тихий спор, но слов не разо-

брал из-за расстояния. Процессия, немного растянувшись по тропе, продолжила движение, приближаясь к нависшей над тропой скале. Бэркэ приготовился. Все они должны были пройти прямо под ним. Он замер в ожидании, прижавшись спиной к промерзшей за ночь холодной скале.

«За моих друзей... Духи, дайте мне силы...» – прошептал он в волнении.

Пропустив троих и дождавшись, когда замыкающий, оказавшийся мясником, поравняется с ним, Бэркэ, сжав оружие, прыгнул. Подмяв под себя старика, он рубанул его под основание затылка топориком. Тройка, в испуге присев, обернулась на шум. Жертва, коротко вскрикнув, медленно вытянулась на земле. Перехватив второй топорик, Бэркэ тут же запустил его в ближайшего шитолицего, замершего в испуге с открытым ртом, в котором отсутствовала добрая половина зубов. Тот с похвальной проворностью, изогнувшись, увернулся от летящего в него топорика, но стоящий следом соплеменник не успел среагировать: бешено вращаясь, смертельный снаряд с глухим звуком воткнулся ему в лицо. Он, хрякнув, выпустил из рук оружие и, изогнувшись, завалился назад. Бэркэ присел, вырвал котокон из ослабевших рук лежавшего перед ним противника. Схватив его обеими руками за рукоятку и выставив вперёд, он заскользил по тропе навстречу увернувшемуся от топорика беззубому бойцу. Тот, что-то испуганно выкрикнув, растерянно ткнул в него выставленной вперёд пальмой. Отбив её скользящим ударом

и уйдя вправо, Бэркэ без замаха на развороте полоснул врага по бедру. Тот, охнув, схватился одной рукой за потемневшую штанину и качнулся, пытаясь сохранить равновесие. Бэркэ, не оборачиваясь, пустился дальше по тропе – навстречу последнему, четвёртому противнику. Тощий и сутулый, с остатками поседевших волос вокруг лысины, мужчина в потрепанной лосиной дохе атаковал его выставленным вперёд копьём, но Бэркэ отскочил назад. Противники закружили, пытаясь достать друг друга. Шитолицый, чьё изукрашенное татуировками лицо исказила гримаса ненависти и страха, попытался тычковыми ударами достать ловко уворачивающегося Бэркэ. Зазвенел металл встречающегося в воздухе оружия. Бэркэ, оскалив зубы, перешёл в атаку, увенчавшуюся успехом: рука шитолицего окровавилась в локте и бессильно повисла. Он попытался отражать удары, держа копьё одной рукой, но не преуспел в этом. Бэркэ с яростью обрушил на него каскад ударов котоконом, и вскоре красное от крови оружие замерло в воздухе над поверженным телом. Перед смертью шитолицый что-то надрывно крикнул, зовя на помощь. Через мгновение свет угас в его глазах. Бэркэ, шумно дыша, с отрешённым лицом застыл над испутившим дух врагом. Оглянувшись и найдя взглядом оставшегося, раненого в бедро беззубого, Бэркэ зашагал к нему с неумолимостью смерти. Капли крови, забрызгавшие его мрачное лицо со шрамом, превратили то в подобие маски. Неожиданно в лесу раздались крики, и Бэркэ, обернувшись, увидел,

что по тропе из тумана к ним быстро приближаются два новых противника. Он разглядел, что они оба совсем молоды, – его ровесники. По веснушчатому лицу он узнал одного из них, – Туктуни, вспомнил он имя. Склонившись над мертвым телом, Бэркэ вытер об него меч, и перехватив его, двинулся навстречу новым противникам.

Увиденное шокировало их: соплеменники, которые были живы минуты назад, лежали без движения. Их раненый сородич, держась за бедро, что-то надрывно крикнул им. Они, выставив оружие перед собой, начали обходить с разных сторон возникшую перед ними из обрывков серой мглы тёмную фигуру. Приблизившийся первым шитолицый в белой, полинявшей дохе, перехватив копьё, с криком бросился на Бэркэ. Тот устремился ему навстречу, ускорился, увидев впереди на земле большой пень, с разбега оттолкнулся от него и взмыл вверх. Отбив в воздухе выставленное копьё, он обрушился на врага, и они оба, упав на землю, покатались по ней. Бэркэ почувствовал, что при падении разодрал губу, но тут же вскочил, в прыжке ушёл от кинувшегося к нему Туктуни. И чудом избежал удара: пальма противника срезала прядь волос с его головы. Извернувшись, Бэркэ рубанул врага по оказавшейся рядом пятке и отпрыгнул в кувырке в сторону. Раздался вопль, и раненый, не удержав равновесие, завалился на бок, впечатавшись в корень стоящей рядом сосны. Упав, он неловко забарахтался, пытаясь одновременно встать и зажать в руке кровоточащую лодыжку. Бэр-

кэ успел отбить копьё воина в белой дохе и вскользь достал кончиком котокона его запястье. Противники на некоторое время замерли на месте. Туктуни, шипя от боли и злости, сумел подняться, но едва удерживал равновесие, чтобы не упасть. Попробовал ступить на ногу, – и, охнув от боли, зашатался. Бэркэ, сделав два быстрых шага назад, сильным ударом выбил из его рук пальму, сделал оборот на месте и описал клинком быструю смертоносную дугу. Из горла противника пробились красные капли, затем кровь хлынула струей. Туктуни с вытаращенными глазами схватился за шею, его ноги подкосились, и он завалился на спину.

Бэркэ с выставленным вперёд котоконом начал сближаться с противником в белой дохе. Тот с испуганным выражением лица, не выпуская копьё, пытался остановить фонтанирующую из задетой на запястье аорты темную кровь. Его лицо побледнело. Он попятился от подступающего Бэркэ; в отчаянии здоровой рукой метнул в него копьё и, повернувшись, бросился бежать. Бэркэ небрежно отбил копьё, в нерешительности остановился. Противник, на бегу придерживая раненую руку, вскоре скрылся среди деревьев. Оглядевшись, Бэркэ обнаружил, что он остался один. Кругом лежали бездыханные тела врагов. Они заслужили смерть, сказал он себе, вспоминая мертвые головы в пещере, Бузагу и Толбобоона. Он вытер окровавленный рот и сплюнул. Раненого в бедро воина на тропе не оказалось. Бэркэ, присев, снял с ближайшего тела лук со стрелами.

«Айыына! Надо найти ее!» – тревога о девушке охватила его, и он, оглядевшись напоследок, скрылся в сумрачном лесу.

Глава 20. Призрак в тумане

По туманному лесу мчался не человек, а настоящий лесной дух, и ярость в его сердце была так велика, что он не страшился ни усталости, ни тягот. Лавируя между деревьями и стараясь не издавать шума, Бэркэ тёмным, вооружённым до зубов призраком скользил по лесу. Лицо его побурело от засохшей крови убитых им людей и напоминало какую-то жуткую маску. Временами он останавливался, на секунду замерев, и прислушивался к тишине. Небо было все так же скрыто туманом, в воздухе ощущалась сырость. Густая дымка скрыла от глаз все, что было на расстоянии броска камнем. Бэркэ утешил себя мыслью, что такой же туман затрудняет путь и шитолицым.

Приступ ярости, требующей немедленной мести, безраздельно овладевшей им в пещере, прошёл. Он понимал, что частично расправился с убийцами своих друзей, но есть ещё та, которую он должен уберечь – во что бы то ни стало! Он вспомнил прикосновение горячих рук девушки, её лицо, представшее перед ним в немой мольбе. Ему нестерпимо захотелось увидеть Айыыну, сказать ей слова утешения, успокоить. Вскоре, добежав до речки, он внимательно осмотрел берег и обнаружил на песке следы. Они были совсем свежие. Одна часть их, направившись к мелководу, прерывалась у реки, другая шла вдоль берега. Бэркэ с нарастающей трево-

гой пытался понять: переходила ли Айыына речку или двинулась по этому берегу? Время торопило – ему надо было разыскать девушку до того, как её найдут Хонгу и Онгонча.

Все же решившись, он пересёк речку, перейдя по мелководу на другой берег. Осмотрев следы там, он обнаружил нечеткий отпечаток ноги, но больше ничего не увидел. Берег был скалистый и усыпанный камнями. Бэркэ поднялся по обрыву и, укрываясь за стволами растущих на высоком берегу деревьев, крадучись двинулся вверх по течению. Местами он видел примятую траву и загнутые ветки кустарника: кто-то проходил здесь, но кто – было непонятно. Пройдя некоторое расстояние, он вдруг замер на месте. Было ли неясное движение впереди, у того большого пня?! Или ему показалось? Нервы на пределе, может, померещилось? Не отрывая взгляда от того места и держа наготове лук, Бэркэ осторожно продвинулся на несколько шагов вперёд.

– Айыына? – негромко позвал он.

Никто не отозвался, и Бэркэ тронулся было дальше, но тут же замер. Слева, со стороны густо поросшего молодого ельника он услышал едва различимый шум, как будто что-то шаркнуло по коре дерева. Некоторое время он стоял, не шевелясь и прислушиваясь. Справа доносился шум речки, где-то перекликались птички. Теперь впереди раздался отчетливый треск сучка! Бэркэ, натянув лук, бросился вперёд. Лавируя между деревьев и оглядывая взглядом окружающий лес, он успел заметить мелькнувший между стволами сосен

силуэт человека. Враг! Не останавливаясь, он ускорил бег, пытаясь сократить расстояние. Вдруг на бегу он отчетливо услышал, как слева, в том злополучном ельнике, щелкнула костяная пластина, и в кувырке ушёл вниз. Стрела прогудела над ухом и с дребезжанием воткнулась в ствол стоящего рядом дерева. Тут же вскочив, краем глаза Бэркэ заметил закачавшиеся слева верхушки молодых елей. Пустил туда наугад стрелу. Мимо! Чуть левее пущенной стрелы на просвет выскочила девушка. «Ичин!» – вспомнил Бэркэ имя шитолицей. Быстро натянув лук, она пустила следующую стрелу, но Бэркэ успел укрыться за стволом дерева, и смерть пролетела мимо. Бэркэ кинулся было к Ичин, но теперь спереди щелкнула пластина! Бэркэ, за мгновение до этого успевший увидеть нового стрелка, неловко попытался увернуться от стрелы – но нет! Тупой удар в спину заставил его покачнуться, однако боли он не почувствовал. «Попала в колчан!» – успел обрадоваться Бэркэ и, обернувшись, бросил своё тело в направлении второго стрелка. Он был ближе, чем девушка, и сначала следовало разобраться с ним! Большими скачками через поваленные деревья и кочки Бэркэ быстро сокращал расстояние. Пока он видел двух противников, и разделаться надо было быстро с каждым по отдельности. Краем глаза он заметил, что мелькающая среди деревьев фигура Ичин движется параллельно его пути. Совершая обманные финты, он на бегу лихорадочно просматривал окружающее пространство, но никого, кроме этих двоих, не заметил. Рассто-

ание между ним и вторым противником сократилось, и Бэркэ опознал в нем Онгончу.

– Не стой! Не стой! – услышал он крик Ичин, предупреждающей Онгончу.

На бегу, краем глаза он успел заметить как девушка в прыжке взмыла над кустами и, повиснув в воздухе, пустила стрелу. Он едва успел на бегу затормозить и откинуться назад. Стрела прогудела перед его носом, обдав потоком воздуха. Он тут же рванул вперёд. Вскоре бегущий Бэркэ и выступивший из-за дерева Онгонча оказались друг перед другом на расстоянии двадцати шагов, и оба натянули луки. Таш! Звуки защитных пластин слились в один хлопок. Мимо! Оба противника увернулись от просвистевших стрел. На бегу отбросив лук и ускорившись, Бэркэ выдернул из-за спины оба топорика. Онгонча, также отбросив лук, схватился за воткнутое рядом в землю чёрное копьё! «Ну да, куда без него! – мелькнула у Бэркэ мысль. – То-то он стоял на месте!». Противники сблизились. Бэркэ, на бегу кинувшись вправо, обманным движением ушёл влево и, в прыжке отбив выставленное копьё одним из топориков, вторым попытался достать противника по руке. Опытный Онгонча увернулся и сам перешёл в атаку. Оба бойца закрутились, ища брешь в обороне противника – проворство юности против убийственного опыта. В укрытой туманом лесной тишине раздался звонкий перестук топориков и копья. «Надо быстро с ним покончить! Скорее! Пока он один!» – лихорадочно ду-

мал Бэркэ, пытаясь достать противника.

– Окко! Окко! – с каждым ударом подбадривая себя возгласами, Онгонча всё внимательнее следил за крутившимся вокруг него Бэркэ широко раскрытыми, словно удивленными глазами. Пытаясь, в основном, защищаться, Онгонча в один из моментов пропустил ближе поднырнувшего под копье молодого воина. Топорик Бэркэ глубоко вонзился в мох, срубив Онгонче пальцы левой ноги. Вскочив на ноги, Бэркэ готов был нанести вторым топориком удар по голове, но отпрянул в прыжке назад. Перед его лицом просвистела стрела, пущенная оказавшейся рядом Ичин.

– Вставай! Вставай! – отчаянно крикнула она Онгонче, который, зарывав от боли, все же не выпустил копья и, пытаясь отползти, выставил его в сторону Бэркэ. Лицо его исказила гримаса страдания, он ерзал по земле, сдерживая глухой стон. Ичин в отчаянии пустила ещё одну стрелу, но Бэркэ, извернувшись, отбил её топориком!

– Вставай! – гневно крикнула девушка соплеменнику, отступая от приближающегося к ней Бэркэ.

В её колчане осталась последняя стрела, и, натянув лук, она кружила по поляне, стараясь, чтобы между ней и Бэркэ находился лежащий Онгонча. Бэркэ, внимательно глядя на натянутый лук и боясь пропустить момент выстрела, осторожно следовал за ней по кругу, не приближаясь к крутящемуся на месте Онгонче. Наконец, совершив несколько обманных финтов, Бэркэ сблизился с поднявшимся на одно ко-

лено раненым врагом. Отбив в сторону копье, он замахнулся топориком. Не выдержав, Ичин, ругая неловкого Онгончу, пустила стрелу. Ожидавший выстрела Бэркэ увернулся, но стрела все же задела его вскользь – оцарапала бок и улетела в сторону, выдрав кусок кожи. Охнув от боли, он невольно согнулся, но тут же, кинувшись вперед, рубанул сверху открывшееся плечо Онгончи. Отпрыгнув от вскрикнувшего противника, Бэркэ добавил ещё один удар ему по рёбрам. Выдернув топорик из скрючившегося тела Онгончи, он бросился к оказавшейся без оружия Ичин. Отбросив бесполезный лук, та, в ярости вскрикнув от бессилия, бросилась в лес. Бэркэ на бегу подхватил с земли лук и кинулся через кусты за ней вдогонку. Резко затормозив, присел на одно колено и выпустил стрелу, выхваченную из висящего на спине колчана. Ичин, услышав на бегу щелчок пластины, в кувырке ушла вбок, и стрела пролетела мимо.

– «Онгонча никуда не денется, надо догнать эту бес-тию!» – мелькнула мысль, и Бэркэ вновь бросился за ней. Он видел мелькающую среди деревьев спину убегающей де-вушки и определил по просвету в лесу, что она движется к речке. Добежав до края скалы, Ичин резко остановилась и, обернувшись, гневно выкрикнула:

– Ты стреляешь так же неумело, как и бегаешь! В вашем роду все такие неумехи?!

Громко рассмеявшись, она повернулась и с короткого раз-бега сиганула со скалы головой вниз.

Взбежав через секунду на опустевший уступ, Бэркэ посмотрел вниз. Высота обрыва, нависшего над рекой, составляла около пятнадцати метров; глубина воды внизу была достаточной для прыжка. Некоторое время он с луком наготове наблюдал за поверхностью воды, но девушка не появлялась. Наконец, вдали, ниже по течению, на слишком большом для лука расстоянии, на поверхности воды показалась голова Ичин. Бэркэ услышал отдаленный насмешливый крик, но слов не разобрал. Быстрое течение реки уносило девушку, и вскоре она скрылась за поворотом.

Невольно восхитившись беглянкой, Бэркэ покачал головой и бросился назад в лес. Онгонча лежал на том же месте, откинувшись на спину. Тяжело дыша, с выступившей на лбу испариной, он смотрел на небо, и даже не повернул головы к тихо подошедшему к нему Бэркэ. Темное пятно расплзлось на мху рядом с его телом. Бэркэ, с ненавистью глядя на умирающего врага, подобрал лежащее рядом чёрное копьё. Он осмотрел лезвие и украшенное резьбой древко. «Оно убило Бузагу», – сжав зубы и зажмурившись, с болью в сердце вспомнил Бэркэ. Он схватив обеими руками копьё за древко, переломил его о колено и бросил половинки к ногам шитолицего. Онгонча, не замечая ничего вокруг, все также пялился в небо, тяжело дыша. Бэркэ, подойдя к нему, взглянул на его лицо и сел ему на грудь. Покопавшись за пазухой, он вытащил подаренный когда-то Толбочоону костяной амулет. Держа за шнурок, он склонившись, приблизил его к лицу ра-

неного.

– Ты помнишь его? – тихо спросил он. – Ты помнишь?!
Отвечай! – сорвавшись на крик, Бэркэ другой рукой схватил Онгончу за волосы и встряхнул его.

Онгонча, не глядя на амулет, нашёл глазами Бэркэ и вдруг зашёлся в хриплом смехе. Застонав от боли, он, шумно дыша, все же пытался смеяться, и наконец прохрипел:

– Зачем? Зачем мне всех их помнить?

Бэркэ с перекошенным от ярости лицом выхватил из-за спины топорик, и, занеся руку для удара, замер над продолжавшим смеяться Онгончой. Секунды шли, Бэркэ вглядывался в бессмысленные глаза Онгончи, пытаясь понять его. Голова вдруг стала пустой, рука с дрожащим в воздухе топориком опустилась на землю. Накатила дикая усталость и отрешенность от происходящего. Без сил поднявшись, Бэркэ попятился от умирающего. Глаза Онгончи обратились к нему, но он ничего не видел. Словно пьяный, Бэркэ подобрал оружие и двинулся к реке. Ни разу не оглянувшись, он исчез между деревьев. Дойдя до обрыва над речкой, прислонился к стоящей на краю сосне, и устало выдохнул. Прохладный ветерок на открытом месте приятно освежил его. Пробив сгустки тумана, солнечный луч осветил скалу и стоящую на ней человеческую фигуру.

«Айыына. Где же ты?» – с тревогой подумал он, оглядев скалы и берег под ними. Держась за деревья, двинулся по краю скалистых уступов вдоль реки. Пройдя некоторое рас-

стояние, Бэркэ в порыве отчаянии стал звать ее:

– Айыына!

Глава 21. Поединок

Утренний лес был сплошь укутан густым туманом, Айыына неслась между деревьев, как ей казалось, к речке, но той все не было. Через некоторое время решив, что она взяла слишком вправо, девушка повернула налево – но лес стал ещё гуще. Она помнила, что, когда их пленными вели от речки до пещеры, расстояние было не таким большим. В смятении бросилась в обратную сторону и вскоре поняла, что заблудилась. Помня, что в том месте, где их высадили из лодки, речка была мелкой, и там шумел перекат, Айыына, замирая на месте, прислушивалась к звукам, но слышала только редкое щебетание мелких птиц. Вскоре лес посветлел, но туман по-прежнему окутывал его, в некоторых местах разрываясь на клочья от еле заметного ветерка.

Айыыне вдруг захотелось вернуться. Переживая за Бэркэ, она вдруг начала винить себя, что бросила его, не уговорив бежать вместе: «Зачем он остался? Зачем я бросила его? Надо было остаться с ним, быть вместе! Как он там сейчас? Зачем я послушалась его?» В охватившем ее волнении она некоторое время брела в туманном лесу, не разбирая дороги.

Перейдя через небольшую сопку и спустившись вниз, она обнаружила тихо журчащий ручей. Он был почти не виден за густым кустарником и стволами упавших деревьев. Пройдя некоторое расстояние вдоль него, девушка вдруг с радо-

стью услышала впереди едва различимый шум большой воды. Побежав вперёд, она увидела за поредевшими деревьями просвет и вскоре оказалась на краю скалы, нависшей над бегущей далеко внизу быстрой водой. Здесь, на высоте, туман окутывал ее серыми клочьями. Она почувствовала себя бесконечно одинокой, стоя здесь над рекой. Высота была приличной, и, испытав легкое головокружение, Айыына с опаской подалась назад. Противоположный берег был так же высок и возвышался над водой причудливыми выступами покрытых мхом рыжих скал. Она догадалась, что вышла к речке совсем в другом месте. Подумав, пошла влево, как ей показалось, в обратную сторону.

Через некоторое время на её пути образовался распадок, густо поросший большими елями, и, цепляясь за колючие ветки, она спустилась вниз, к реке. Пройдя вдоль берега, набрела на тихую заводь с водоворотами. Склонившись, напилась воды и смочила взмокшие от пота лицо и шею. От воды тянуло прохладой и свежестью. Поправляя слипшиеся на лбу волосы, Айыына подняла голову и с ужасом увидела зверя, стоящего от неё в десяти шагах. Чёрная псина, любимица Хонгу, застыла на камнях, вывалив язык и шумно дыша. Встретившись взглядом с испуганной девушкой, она опустил голову и, прижав уши, медленно оскалила клыки и тихо зарычала. С колотящимся сердцем Айыына медленно поднялась и, не отрывая взгляда от собаки, начала пятиться назад. Она сделала два шага назад, как вдруг кто-то обхватил её

сзади, зажав рот. Она забилась, пытаясь вырваться, но тщетно – крепкие руки сжали её, затрудняя дыхание.

– Тихо, птичка. – раздался голос Хонгу.

Айыына дернулась, но он, заломив ей руку, схватил её ещё крепче.

– Не дергайся. Послушай... – Хонгу и обездвиженная Айыына замерли на месте. Сквозь шум бегущей в потоке воды ниже по течению послышался отдаленный крик. Он повторился, и она узнала его. Это был Бэркэ. Хонгу медленно убрал руку и прошептал на ухо дрожащей девушке. – Слышишь? Тебя зовут...

Она замерла в волнении. Крик Бэркэ раздавался откуда-то сверху.

–Ну что, Айыына, если зовут – надо идти...

Хонгу крепко схватил вскрикнувшую от боли девушку за волосы и потащил её за собой вдоль берега.

Бэркэ, вдруг ощутивший какую-то отрешенность, граничащую с беспечностью, в отчаянии звал девушку. Ему было безразлично, кто услышит его, он был готов сразиться хоть со всем селением шитолицых. Страх, что он опоздал и не успел защитить Айыыну, гнал его по лесу. Ему было все равно, как умереть, лишь бы не повторился тот кошмар, измучивший его душу, ужас ежедневного осознания своей вины за смерть друзей. Ему нестерпимо хотелось увидеть милое лицо и внимательные зелёные глаза странным образом запавшей ему в душу девушки, прикоснуться к ней. Он про-

бирался по краю скал, нависших вдоль реки, и крик Айыыны, прозвучавший впереди, откуда-то снизу, показался ему плодом воспалённого воображения.

Он бросился вперёд, перепрыгивая через выступы скальника, и вскоре выбежал на небольшую площадку. Крик повторился, и он увидел их. Они стояли далеко внизу, у самой кромки воды, на противоположном берегу. Горная река, шумно бурлящая в этом месте, своим мощным потоком разделила два берега и образовала глубокое ущелье, став непреодолимым препятствием. Усилившееся в этом узком месте течение создавало мутные водовороты, и нависшие над водой скалы, словно смеясь над людьми, спрашивали: что теперь вы будете делать? Хонгу, рывком дёрнув вскрикнувшую от боли Айыыну за волосы, заставил её опуститься на колени.

– Ну что, аташкан? Что будешь делать? – громко и весело крикнул Хонгу, задрав голову и глядя на застывшего наверху Бэркэ. Не дождавшись ответа, он продолжил: – Твоя девушка у меня! Что скажешь?

Бэркэ в отчаянии искал выход, но не находил его. Метнувшись, он оглядел берег и справа, и слева, но уклон скал был слишком крут: не стоило и думать о том, чтобы спуститься по ним. Риск сорваться и разбиться насмерть был слишком велик. Да и если спуститься – как преодолеть реку? Вплавь? Потока здесь был слишком сильный, его вмиг бы унесло вниз по течению.

– Эй! Ну что ты стоишь? Она тебе не нужна, брат? – громко рассмеялся Хонгу, изображая удивление. – Бай?! Ну ладно, тогда я заберу её себе!

Айыына, по лицу которой бежали слезы, в отчаянии пыталась освободиться, но тщетно. Хонгу рывком поднял её обеими руками и прижал к себе спиной.

– Я забираю её! Как хочешь! Но вот что хочу сказать тебе, послушай... Ты какой-то странный, брат! Потерял своих друзей, теперь отдаёшь мне свою девушку! У вас все в роду такие нерешительные трусы?!

Бэркэ, в бессилии опустившись на колени, оперся руками о землю и в отчаянии зажмурился. Его тело дрожало, мысли хаотично метались. Открыв глаза и бессмысленно шаря взглядом по окружающим скалам, он вдруг в нескольких метрах справа заметил на противоположном берегу небольшой скальный выступ. Вершину его украшала продолговатая ровная площадка, упирающаяся в стоящую вертикально скалу. Выступ был на несколько метров ниже, чем скалы на этом берегу. Бэркэ ещё раз оглядел нависшую над ним площадку справа и с удовлетворением отметил, что она представляет собой ровную полосу, пригодную для разбега. Мысли в его голове хаотично метались: «Что? Что я собираюсь сделать?! Это безумие! Нет!». Он вновь оглядел скалы и ужаснулся: расстояние между берегами все-таки было пугающе большим! Слишком большим! Он попытался откинуть эту сумасшедшую мысль, обуявшую его возбужденный мозг,

мысленно представил себе прыжок и его последствия в том случае, если он не долетит! Раздавшийся внизу отчаянный крик Айыыны вновь бросил его в дрожь.

– Эй! Где ты там? – вновь раздался голос Хонгу. – Скажи ей что-нибудь напоследок! Она мне нравится!

В следующий момент шитолицый и девушка, задрав голову кверху, увидели, как Бэркэ появился на скале и через мгновение скрылся.

– Не повезло тебе, с твоим дружкой, Айыына, – тихо произнёс Хонгу, – не повезло... Пора идти.

Он попытался тащить сопротивляющуюся девушку за собой. Айыына, рыдая и вырываясь, повалилась на камни. Хонгу схватил ее за руки, пытаясь поднять.

Бэркэ, обежав небольшой распадок и подойдя к самому краю скалы, вновь посмотрел на площадку на противоположном берегу. Она находилась внизу, прямо напротив него. В глубине пропасти шумела река, а наверху, рассеивающийся клоками, отступающий туман оголил голубое небо. Лучи солнца, местами прорывая серую хмарь, ласкали зелёный лес.

Бэркэ ещё раз, глянув вниз, мысленно представил себе свой полет. Отойдя на несколько метров назад, он скинул с себя лук и колчан. Вытащил заткнутые за пояс топорики. «Чтобы не пораниться о них при падении», – мелькнула мысль.

Крепко сжимая топорики в руках, Бэркэ опустился на чет-

вереньки. Зажмурившись, он опустил голову, коснулся взопревшим лбом холодного камня и на некоторое время застыл, призывая духов.

–О, Хэнкан, помоги мне! Не дай погибнуть!

Дрожь охватила все его тело. Приоткрыв глаза и скосив их вбок, Бэркэ заметил, что топорик в его трясущейся руке оставляет на почве зигзагообразный рисунок. Адреналин с каждым ударом его сердца заполнял его тело. Он поднял голову, и посмотрел вперед: там, вон за тем рыжим камнем, твердь земли обрывалась, и начиналась бездна. Голова стала пустой, да он и сам пытался отогнать скачущие мысли, которые могли заставить его отречься от задуманного. Сердце его учащенно забилося, отдаваясь в ушах барабанным боем. Резко оттолкнувшись и раскидав ногами мелкие камни, Бэркэ бросил своё тело вперёд. Набирая разбег и ускоряясь с каждым шагом, он понёсся к краю пропасти.

Айыына, подгибая ноги и сидя на земле, сопротивлялась пытающемуся тащить ее Хонгу. Его терпение начало иссякать, и он, схватив вскрикнувшую от боли девушку за основание косы, рывком поднял её на ноги.

– Хватит! – рявкнул он, глядя на нее.

Айыына, с запрокинутым к небу лицом, сопротивляясь и кривясь от боли, хотела вскрикнуть, но вдруг ее лицо исказилось от ужаса. Её крик прервался, побледневшее лицо с расширившимися от увиденного зрачками будто застыло. Хонгу, заметив это, обернулся, чтобы проследить за ее взглядом.

От увиденного он невольно ослабил хватку и выпустил косу девушки. Айыына неловко плюхнулась назад, на камни.

Над их головами, в вышине, на фоне голубого неба с пятнами облаков, ослепительные лучи солнца высветили летящую человеческую фигуру, на мгновение показавшуюся машущей крыльями диковинной птицей. Хонгу и Айыына, задрав головы, застыли на месте.

Бэркэ, оторвавшись от тверди, ощутил в полёте только свист ветра. Махая ногами и руками, пытаясь сохранить равновесие, он пролетел над пропастью и наконец чудом коснулся ногами выступа скалы. Чувствительно приложившись всем телом о камни и подняв султан пыли, он покатился кувыркком по площадке и врезался в небольшое деревце, которое хрустнуло и надломилось. От удара у него вышибло дыхание, и некоторое время он лежал, пытаясь прийти в себя и сделать вдох. Наконец, застонав, сумел вобрать в себя воздух, приподняв голову и огляделся. Пошевелив осторожно сочленениями, и с облегчением перевёл дыхание – все кости вроде целы, он отделался несерьезными ушибами. Но топорик у него остался только один, он лежал чуть в стороне. Второй куда-то улетел; Бэркэ вспомнил, что при его ударе о площадку что-то звякнуло. Крутя головой, он поискал потерянный топорик взглядом, но не нашёл. Осторожно поднялся, оглядел окровавленный бок, прижал ушибленную левую руку и, прихрамывая, начал спускаться вниз, к реке.

Хонгу, пытающийся скрыть свое потрясение от отчаянно-

го прыжка Бэркэ, словно забыл о притихшей Айыыне, при- тулившейся на камнях. Она и сама находилась в некото- ром замешательстве от поступка ставшего ей близким парня. Встретившись мельком взглядами, Хонгу и Айыына в мол- чании взирали на верхушку скал: неужели смельчак разби- ся? И оба испытали некоторое облегчение, увидев показав- шегося из-за скалы и осторожно спускающегося к ним Бэр- кэ. Бредя по воде, сжимая в руке оставшийся топорик и при- жимая ушибленную левую руку, он вскоре приблизился к ним и остановился. Его полные решимости глаза уставились на Хонгу.

– Молодец, молодец... – подбирая слова, задумчиво про- изнёс Хонгу, с интересом разглядывая парня.

Бэркэ встретился взглядом с поднявшейся с камней Ай- ыыной, лицо которой выражало смесь восхищения и страха. Он успокаивающе моргнул ей глазами. Хонгу скинул с себя лук с колчаном стрел, освободился от ремней и, сняв с се- бя ровдужную доху, обнажил крепкое поджарое тело. Грудь и плечи его, как и лицо, были покрыты причудливой татуи- ровкой. Оставшись по пояс нагим, в задумчивости оглядев и погладив свою пальму, он воткнул её в песок. Его противник заслуживал честного боя. Вооружившись одним топориком, как и Бэркэ, Хонгу ловко пожонглировал им в воздухе и кив- нул противнику, приглашая переместиться на более ровную площадку у самой кромки воды.

– Ну что, аташкан, пусть духи рассудят нас... – раздался

мелодичный голос Хонгу.

– Пусть рассудят... – тихо произнёс Бэркэ. – Я убил твоих людей. Теперь убью тебя.

Хонгу, улыбнувшись, покачал головой:

– А я вот не хочу тебя убивать... Но пусть будет так, как будет, – в мрачной задумчивости добавил он.

Противники, ступая по воде, начали сближаться. Айыына в охватившем ее волнении беспокойно топталась на месте.

– Прошу вас, остановитесь! – воскликнула она.

Соперники не ответили ей, сосредоточив все внимание друг на друге. Сжимая в руках топоры, оба бойца, сократив расстояние, обманными финтами и выпадами попытались напугать и, улучив момент, достать друг друга. Уворачиваясь и отпрыгивая, поднимая тучи брызг, они начали смещаться по мелководью вниз по течению.

Айыына, в замешательстве схватив лук со стрелами и пальму Хонгу, брела за ними по воде, не зная, как быть. Каждый раз, когда опасность грозила Бэркэ, она, непроизвольно вскрикивая, в испуге замирала. Противники кружили друг возле друга и, увлекаемые течением, все дальше смещались от места, где начали поединок. Бэркэ, и так изрядно уставший, пытался экономить силы, но чувствовал, что в таком ритме долго не протянет. Шатаясь и отступая по течению от наседающего на него Хонгу, он все пытался улучшить момент и ранить его в ногу, чтобы лишить маневренности. Но враг,

угадав его намерения, был начеку. В один из моментов противники, сблизившись, успели ухватить друг друга за руки и упали в воду. Потеряв опору под ногами, они крепко схватились друг за друга, и потоком их понесло вниз по течению. Они боролись, каждый старался оказаться сверху, и они поочередно выныривали, пока не скрылись из виду за изгибом реки. Айыына кинулась в воду и поплыла за ними. Прижимая к себе оружие, судорожно пытаясь держаться на поверхности воды, она также скрылась за поворотом реки.

Бэркэ и Хонгу, нахлебавшись воды, наконец расцепились и, фыркая и лоя ртом воздух, плыли по течению в некотором отдалении друг от друга. Не упуская друг друга из виду, каждый из них берег силы, пытаясь отдышаться. Через некоторое время течение вынесло их на мелководье. В этом месте река расширялась и встречалась с другой, почти высохшей речкой. На шумном мелком перекате противники вновь поднялись и, шатаясь от усталости, устремились друг к другу. Бэркэ, еле держась на ногах, едва успевал отбивать выпады не менее уставшего Хонгу. Увернувшись от промелькнувшего у его лица лезвия топорика, он едва устоял на ногах.

– Э-э... Это все, брат? Конец? – пытаясь отдышаться, крикнул Хонгу отступающему от него противнику. В очередной атаке он выбил из рук Бэркэ топорик. Сверкнув в воздухе, тот исчез в воде. От сильного удара ногой в грудь Бэркэ полетел спиной в воду, подняв тучи брызг.

– Все? Это все, на что ты способен, брат? – Хонгу завис

над пытающимся подняться из воды Бэркэ, схватив его за волосы. – Я ожидал большего... Пришло время умирать... – Хонгу с силой погрузил голову Бэркэ в воду и, подержав там некоторое время, вытянул обратно. Бэркэ, глотнув воздуха, закашлялся.

– Отпусти его! Не надо! – раздался сзади взволнованный голос.

Хонгу, качаясь, обернулся: Айыына, мокрая с головы до ног, стоя в нескольких метрах сзади, натянула лук и прицелилась в него.

– Выстрелишь? – с усмешкой спросил он, всматриваясь ей в лицо. – Нет, не выстрелишь!

Он вновь, с силой окунул голову Бэркэ в воду.

– Нет! Прошу тебя! Не делай этого! – вскрикнула в отчаянии Айыына.

Бэркэ, заламывая руку, пытался освободиться, но тщетно. Лук дернулся, и стрела вошла Хонгу в поясницу. Сжав зубы, он дернулся от боли и ослабил захват. Бэркэ, с трудом вырвавшись, дернулся по мелкой воде от него на четвереньках. Кашляя и извергая попавшую в легкие воду, он попытался подняться на ноги, но силы покинули его, и он, споткнувшись, опять упал. Хонгу рывком поднялся с колен и, качаясь, последовал за ползущим от него Бэркэ.

– Стой! – прохрипел он, – Куда ты ползёшь? Бейся!

Некоторое время они все втроём, один за другим, брели по мелководью. Оставшийся без оружия обессиленный Бэр-

кэ то ползком, то на четвереньках, увлекаемый течением, пытался отдалиться от бредущего за ним Хонгу. Вскоре тот настиг его.

Дойдя до Бэркэ, он склонился над ним, сжимая топорик: раздался крик Айыыны, и очередная стрела вошла ему в лопатку. Хонгу, качнувшись, удержался на ногах и, повернувшись к Айыыне, хрипло рассмеялся.

– Нет... Так ты меня не убьёшь... – чуть не упав, прохрипел он и вновь пошёл к Бэркэ. Тот, почти добравшись до большого черного валуна, наконец увидел впереди нужный ему предмет. Обдирая колени о камни, он из последних сил рванулся к нему.

– Куда ты убегаешь, брат? Я не пойму... – хрипя от боли и улыбаясь, Хонгу нагнулся, схватил Бэркэ за ногу и потащил обратно. Не выпуская его, он повернулся к Айыыне.

– Посмотри на него! Это твой защитник?! Это трус! Куда он ползёт? Он умереть достойно не может!

Айыына со слезами на глазах пустила третью стрелу, и она вошла Хонгу в живот. Бэркэ, в рывке освободив ногу, снова устремился к валуну. Хонгу, хрипло засмеявшись, рывком вырвал стрелу из живота и отбросил в сторону.

– Посмотри на него, – прохрипел он, обернувшись к Айыыне. Стрела в спине причиняла ему боль, но он, застонав, заставил себя улыбнуться. – Зачем он тебе, Айыына?

Бэркэ упрямо полз от него к какой-то своей непонятной цели.

– Нет! Постой! Умри как мужчина! – крикнул Хонгу и, собрав силы, бросился к нему.

Дотянувшись до Бэркэ, он в очередной раз схватил его за ногу и опять потащил в обратную сторону. Бэркэ в последний момент все же успел схватить в воде нужный ему предмет. Хонгу, насевав на противника, рывком повернул его лицом к себе. Поднес к его лицу свой топорик и, шумно дыша, произнёс:

– Пришло время умирать, аташкан. Ты меня разочаровал. Ты не достоин ее... – Он схватил Бэркэ за грудки и, собрав силы, приподнял над водой. Примерился топориком для удара.

– Ну, готов умереть?

– Нет! – в отчаянии вскрикнула Айыына, устремившись к ним.

– Нет... А ты? – прохрипел в ответ Бэркэ.

На выдохе он выпростал руку из воды: клювообразное остриё костяного топора с размаху вошло в глазницу Хонгу. Торчащую из глаза рукоять с изображением вороны залило кровью. Хонгу, отшатнувшись, вскочил на ноги и, шатаясь, побрел прочь по воде. Не дойдя нескольких метров до суши, он выронил свой топорик, осел на камни и медленно завалился на спину.

Бэркэ, силы которого иссякли, загребая непослушными руками поток воды, попытался подняться, но не смог: течение подхватило его безвольное тело и понесло по камням.

Захлебываясь, он ощутил, что полностью погрузился в воду. Река сомкнулась над его лицом. «Опять тону», – с удивлением подумал он, захлебываясь. Вдруг сквозь толщу воды он услышал гулкий всплеск, и нависшая над ним темная тень с тянущимися к нему руками превратилась в Айыыну. Почти теряя сознание, он почувствовал, как её руки схватили его за отворот дохи.

Надрывно вскрикнув, Айыына, обхватив руками безвольное тело, вытащила его из воды. Падая и поднимаясь вновь, она с трудом дотащила Бэркэ до суши и осторожно уложила животом на камни. Через некоторое время, откашлявшись, Бэркэ с трудом перевернулся на спину. Айыына без сил лежала рядом с ним. С трудом восстановив дыхание и глядя в очистившееся от туч голубое небо, спасшиеся одновременно повернули головы и встретились взглядом. Их руки невольно устремились друг к другу и сплелись в крепком пожатии.

Яркое осеннее солнце пригрело лежащие на камнях человеческие фигуры. Через некоторое время, собравшись с силами, Бэркэ с помощью девушки сумел подняться. В молчаливом смущении, разойдясь в разные стороны, они выжали мокрую одежду. Приведя себя в порядок, поддерживая друг друга, побрели прочь от берега. Взобравшись на крутой откос, на небольшой вытоптанной площадке обнаружили покинутую стоянку людей. Каркасы юрт, сделанные из длинных жердей, и небольшой загон для скота жались к краю ле-

са. Бэркэ, хромая на одну ногу, в задумчивости оглядел покинутое селение и устало опустился на землю.

– Они должны были вернуться... Но не вернулись, – в задумчивости произнёс он.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовалась Айыына.

– Смотри, – промолвил Бэркэ, указывая на еловые ветки, выложенные кругом, – Этот знак говорит о том, что они собирались вернуться.

– И почему не вернулись?

– Не знаю... – задумчиво сказал Бэркэ и, посмотрев на небо, добавил: – Скоро стемнеет, остановимся здесь.

Солнце садилось, наступила вечерняя прохлада. Айыына подкинула хвороста в огонь и с удовлетворением заметила, что их одежда почти высохла. Костер трещал и желанное тепло согревало. У Бэркэ оказалась ранена нога: он с трудом наступал на неё. Кровотечения не было, но, видимо, оказалось задето какое-то сухожилие. Разорвав доху, он стянул место ранения тугим узлом. До сумерек Айыына успела обследовать округу, набрела на заросли голубики и собрала ягоды в подол. Ночь застала их лежащими у костра. Купание в холодной воде не прошло даром – их обоих немного лихорадило. Близость смерти, которую они пережили, установила между ними некую особую связь: они заботились друг о друге, и их взгляды, встретившись, задерживались дольше обычного. Айыына расположилась на куче лапника и прижала к себе лежащего спиной Бэркэ, пытаясь согреть его своим

телом. Его латаная дошка была разорвана, и Айыына мысленно пообещала себе, что при первом же удобном случае зашьет ее. Какое-то время, устремив взгляды вверх, они лежали в молчании, прерываемом лишь треском костра. Мириады звёзд осыпали темное небо. Метеоры длинными росчерками делили его на части. Бэркэ, заметив, что Айыына смотрит на Большую Медведицу, тихо произнёс:

– Это Большая лосиха...

– Лосиха?

– Да, Хэглэн. Мать всех копытных... И её лосёнок, – тут Бэркэ указал на Малую медведицу. – Каждый вечер она на своих рогах уносит солнце. Но Охотник Манги убивает её и возвращает на небо...

Айыына и Бэркэ, встретившись взглядом, улыбнулись друг другу.

– А Млечный Путь – это следы лыж Охотника, – добавил Бэркэ, указывая на растянувшуюся по небу звездную дорожку.

Их пальцы, снова встретившись, переплелись.

– А вон та звезда, – Айыына указала на очередное светило, – знаешь, как она у нас называется? Чолбон.

– Чолбон... – тихо повторил Бэркэ.

– Почему ты прыгнул? – вдруг спросила Айыына. – Ты же мог разбиться...

Бэркэ не ответил. Задумавшись, он смотрел на всполохи костра.

– Почему? – повторила Айыына, глядя ему в лицо.

– Не знаю... – нерешительно отозвался он.

– Ты с ума сошёл... – тихо подытожила Айыына, укутывая его дохой.

Так они и уснули, не размыкая рук.

Из-за лохматых вершин деревьев выползло красное, как от натуги, солнце. Как приятно тепло первых рассветных лучей! Проснувшийся Бэркэ, продрогнув, выпустил изо рта струйку пара. Стараясь не разбудить спящую девушку, он осторожно поднялся и поковылял к речке. Горстями бросая на лицо хрусталь студеной воды, почувствовал, что лицо стало горячим и покраснело. Когда он вернулся, Айыына встретила его слабой улыбкой на побледневшем лице. Бэркэ потрогал её лоб и неодобрительно покачал головой. Девушку по-прежнему лихорадило. Собравшись, они двинулись в путь. Бэркэ остановился у реки, увидев лежащий у воды труп Хонгу. Они с Айыыной с трудом оттащили его повыше на камни и молча покинули берег.

Углубившись в лес, идущий позади Айыыны Бэркэ вздрогнул и выхватил топорик, услышав ее испуганный вскрик. Он вмиг оказался рядом с застывшей на месте девушкой. Мертвец, вернее, то, что от него осталось, —полуистлевшее туловище без головы, висело вверх ногами в метре от земли. Толстая волосяная веревка опутывала ноги и связанные за спиной руки. На земле, под останками мерно раскачивающегося трупа, чернело костровище. Голо-

ву и часть костей растащило зверьё. Тело повисело довольно продолжительное время – определил Бэркэ по ссохшейся плоти и истлевшей одежде. Пройдя несколько метров, они обнаружили в траве останки ещё двух человек. Переглянувшись, они в молчании покинули это место. Идти приходилось очень медленно, и к полудню они без сил опустились на траву в молодом березняке. Погода испортилась, накрапывал дождь. Бэркэ заметил, что у прилёгшей рядом Айыыны на лбу выступил пот, её трясло в ознобе.

– Ничего, я в порядке... – проговорила девушка, поймав его взгляд.

– Тебе надо оставить меня. – вдруг сказал Бэркэ.

– Нет, я не брошу тебя, – тихо отозвалась она.

Закрыв глаза, девушка подставила лицо каплям дождя.

Чувствуя слабость, она старалась не двигаться.

– Так мы много не пройдем. Моя нога... Я задерживаю нас... – Бэркэ поморщившись, согнул ногу в колене, растирая больное место ладонью. – Оставь меня. Я объясню тебе путь. Приведёшь помощь.

– Нет. Я не брошу тебя. Мы дойдем вместе, – Айыына с трудом села и посмотрела на Бэркэ.

– Послушай меня, мы не дойдем так. Без еды и с таким темпом мы потеряем время и силы... Ты дойдёшь быстрее, у тебя получится. Я только задерживаю нас...

После недолгого спора Айыына все же согласилась с доводами Бэркэ. Он объяснил ей маршрут и ориентиры, ко-

торых ей нужно придерживаться. Обсудив все подробности, они некоторое время молча лежали вместе, не решаясь расстаться. Дождь омывал их запрокинутые к небу лица, раскрытыми ртами они ловили капли дождя. Бэркэ в который раз заметил за собой, что смотрит на лицо девушки девушки, не в силах отвести взгляд.

– Опять вымокли, – грустно сказал Бэркэ, глядя на их мокрые одежды.

– Ничего... Я люблю дождь, – произнесла Айыына с закрытыми глазами.

– Любишь дождь?.. Я тоже, – улыбнулся Бэркэ.

– Люблю... Особенно зимой, когда вспоминаю о лете. Мне не хватает его. Почему лето такое короткое?

– Зимой всегда хочется лета... – отозвался Бэркэ.

– И дождя... Зимой воспоминания о летнем дожде... волнуют мне душу, – тихо сказала она. Они опять встретились взглядом и замолчали.

Уходя, Айыына, сделав несколько шагов, вдруг остановилась и обернулась. Сидящий на земле Бэркэ встретил её тревожный взгляд и ободряюще моргнул ей обоими глазами.

Небо освободилось от туч, сменив их рябью белых барашков, через которых яркое солнце ласкало зелёную тайгу. Пробежав до полудня вдоль речки, Айыына ушла от нее, как велел ей Бэркэ, и повернула на восток. Одежда ее вся истрепалась, руки саднили от царапин, оставленных ветками деревьев. Не в силах больше бежать, она брела по лесу, держась

за стволы деревьев. Падая и поднимаясь, Айыына чувствовала, что её опять бросило в жар – начался очередной приступ лихорадки. Её охватила слабость и, лёжа в траве, она вдруг ощутила приступ паники. Попробовала заставить себя подняться, но не смогла. Ее вырвало, и некоторое время она лежала без сил, потеряв счёт времени. Вдруг в лесном шуме ей послышался звук колокольчика. Показалось, подумала она, – я брежу... Но через мгновение она вновь услышала его. Приподнявшись на руках, Айыына, всматривалась в лес, вдруг увидела мелькнувших среди деревьев оленей. Присмотревшись, она разглядела, что они связаны друг с другом, и на некоторых из них уложены тюки. «Домашние!» – с волнением подумала она и вскоре увидела их погонщика – одинокую сторбленную фигуру на передовом учаге. Айыына вскочила и, шатаясь от слабости, бросилась наперерез с криком о помощи. Силы были на исходе, она несколько раз падала, но с радостью увидела, что её услышали. Олений аргиш остановился, и седок на передовом учаге спешился. Выждав некоторое время, он опасливо двинулся к ней. Айыына, чуть не падая от изнеможения, двинулась к нему навстречу. Она издали заметила что-то знакомое в фигуре приближавшегося к ней хромого старика. «Эчинэй!» – с радостью вспомнила она имя этого седобрового старца, в прошлом году указавшего им с отцом путь.

– Помогите! – крикнула она, бросаясь без сил к нему.

– Айыына?! О, духи, что с тобой? Как ты попала сюда?! –

воскликнул Эчиней, подхватив на руки падающую изможденную девушку. Испуганно оглядываясь вокруг, он постарался привести в чувство оказавшуюся на грани обморока Айыыну. – Где твой отец? Где ваши люди?! Айыына, дочка... Что случилось?

– Они там... На реке... Бэркэ, Хонгу... – бессвязно залепетала она, на грани обморока. – Помогите, он ранен...

– Кто ранен?! Где на реке? – попытался растормошить её Эчиней, изменившись в лице.

– На реке... На слиянии... Двух рек... Недалеко...

– Ай, ай... На вот, попей, Айыына, – старик достал из висевшей на олене сумы емкость с жидкостью и приложил к ее пересохшим губам. – Это поможет тебе... Пей!

Айыына с жадностью сделала несколько глотков: мир поплыл перед её глазами, и она, окончательно потеряв сознание, погрузилась в темноту.

Глава 22. Харги

Айына очнулась от тихого возгласа и, открыв глаза, увидела, что сидит за круглым столом сандалы посередине комнаты их балагана. Горящая на столе лучина, мерцая и колеблясь, скудно освещала окружающую темноту. Она не сразу разглядела в дальнем углу чью-то приткнувшуюся на край топчана-орона согбенную фигуру. Голос был до боли знакомый, и, в волнении присмотревшись, она по едва видимым очертаниям узнала свою мать.

– Айыына, – та опять позвала ее.

– Ийэ! Мама! – воскликнула изумленная Айыына и в порыве хотела вскочить, но вдруг почувствовала, что что-то держит её за заведённые за спину руки. В полумраке она не видела лица матери, но разглядела, как та вдруг грустно покачала головой.

– Айыына! – она опять услышала грустный голос матери, прозвучавший как полустон, на выдохе.

Она опять дёрнулась, но что-то с силой впилось в ее запястья. Она оглянулась, попыталась рассмотреть то, что мешает её рукам, и с ужасом увидела тонкую змею, плотным кольцом обвившую её запястья. Покачивая своей копьеобразной головой, змея, встретившись взглядом с девушкой, высунула раздвоенный язык и зашипела. Айыына, дёрнувшись в ужасе, хотела закричать, но вдруг обнаружила что её рот также

стянут чем-то узким и мокрым. Она попыталась вскочить, но выяснила, что и ноги её обвиты змеями. Вдруг змеи исчезли, и почудившийся ей сонный морок сгинул. На миг очнувшись, она дернулась, но явственно ощутила, как что-то все так же крепко держит ее. Она почувствовала холод и, открыв глаза, обнаружила себя в полумраке. Часто моргая и пытаюсь полностью очнуться, она мотнула головой и, всё же придя в себя, огляделась вокруг. На мгновение Айыына ощутила, как липкий холодок безумия легким ветерком прошёлся по её вискам. Нет! Это сон! Она не может быть здесь!

С холодных стен пещеры, освещаемых всполохами горящего невдалеке костра, на неё смотрели мертвые головы. Она снова находилась в пещере шитолицых, привязанная к тому же столбу. Дрожа от охватившего её ужаса, девушка тихо завывала и бессильно сползла по столбу вниз.

Сознание, то исчезая, то вновь возвращаясь, в какой-то момент заставило Айыыну застонать от боли в руках и очнуться. Дым ел глаза, и они слезились. У нее закружилась голова – а казалось, что вращается пещера. Свет от костра плясал на стенах, и мертвые головы, словно ожив, шевелились. Инстинктивно подавшись назад и ослабив натянувшуюся веревку, девушка почувствовала, как боль в запястьях отступила. Прижавшись спиной к столбу, к которому она была привязана, Айыына попробовала размять затёкшие руки. Сквозь приоткрытые веки она разглядела на фоне горящего костра чью-то согбенную фигуру. Эчиной, а это был он,

почувствовав, что девушка пришла в себя, медленно оглянулся. Айыына, окончательно придя в сознание, разглядела за всполохами костра старика и лежащую перед ним на помосте человеческую фигуру. Приглядевшись, она увидела, что лежащий одет в праздничный наряд северных народов. Украшенный бисером треугольник нагрудника с причудливым цветным орнаментом, расшитые унты из ровдуги и оружие – пальма, лук и стрелами. Айыына узнала Хонгу и с ужасом вздрогнула: ей показалось что он не мертв, а спит. Эчиней, посмотрев на Айыыну невидящим взглядом, отвернулся и, протянув руку к умершему, поправил лежащую на нем пальму. Застыв на некоторое время в задумчивости, он вдруг, прерывая редкий треск сучьев горящего костра, начал свою хриплую, неторопливую речь:

– Когда-то я тоже жил у берегов Великой Эбэ. И не всегда был таким стариком. Я тоже был молод и полон сил. Как вы оба сейчас.

Айыына, незаметно оглядевшись, заметила Бэркэ. Он был без сознания и лежал на земле с привязанными к столбу руками, заведёнными за спину.

– Я много где побывал, много что испытал в нашем среднем мире, – продолжил рассказ Эчинэй, погрузившись в свои думы. – Однажды, оставшись один и спасаясь от враждебных людей, я встретил в лесу девушку из местного племени. Хоть я и был для них чужаком, их род принял меня. Прошло время, и я женился на ней. Да, она была из необыч-

ного племени...— Эчиной, погрузившись в воспоминания, улыбнулся.— Совсем необычного, не такого, какие я видел ранее... Всё мне тогда казалось в диковинку. Но я любил её, а она меня. А любовь меняет человека. Закрывает ему глаза на некоторые вещи... На то, что раньше считались для него табу — запретом, через который ему не перешагнуть... Потом у нас родился сын. Не ребенок — дар, посланный духами. Сын, о котором мечтает каждый отец. Каждый день мы с женой не могли нарадоваться, глядя, как он растёт. Природа щедро одарила его всем, что она может дать мальчику его лет: силой, ловкостью, быстротой. Я не видел других детей, которые могли бы сравниться с ним...

Айыына, в тишине слушая Эчинуя, заметила, что Бэркэ пришёл в себя и со стоном зашевелился. Он поднял голову, и они встретились взглядами. Эчиной, предавшись воспоминаниям, с воодушевлением продолжал свой рассказ:

— Таким был наш сын... Ему суждено было возглавить наше племя. Прошло время, и он стал мне опорой. Охотником, каких ещё не видела эта земля. Его лук не знал промаха. Его пальма была быстра как ветер. Его сила и ловкость поражали. Никто среди его сверстников не мог одолеть его ни в беге, ни в борьбе. Это было славное время... Однажды, в одну из зим, высшие духи этого мира из-за каких-то прегрешений людей послали нам испытание, которое обошлось нам слишком дорого: в лесу пропала вся живность — птицы, звери, все исчезло. Наступил голод, которого многие из нашего рода

не пережили. Каждый день мы уходили в лес, чтобы добыть пропитание, но возвращались ни с чем. Силы наши таяли, ряды наши редели. Моя жена тоже покинула нас. Осталось меньше половины племени. Эта была самая холодная зима, которую я помню... Деревья трескались от мороза, и наше дыханье с трудом находило воздух. Мужчины уходили в лес и через некоторое время их находили замерзшими, уснувшими вечным сном от голода и бессилия. Каждый день я молился духам послать нам удачу на охоте, но мои мольбы были тщетны. Духи отвернулись от нас. Мой сын, мой мальчик – я держал его иссохшее тело на своих руках и не чувствовал его веса. В один из дней я положил его бесчувственного на шкуры и вышел. Я сам к тому времени еле передвигал ноги и был тот ещё доходяга... – Эчиной хрипло рассмеялся. Всполохи костра осветили его сморщенное лицо с горящими глазами. – Я понимал, что конец мой близок. Я решил отправиться в лес и идти до тех пор, пока не добуду дичь. Хоть маленькую птаху. А если не добуду, – то и возвращаться нет смысла. Я приготовился покинуть этот мир, как и те, что ушли до меня. Лечь на снег и уснуть, чтобы не проснуться. В этом нет ничего мучительного – это легкая смерть. «Значит, так решили духи», – с такой мыслью я покинул порог моего тордоха. Ни зверя, ни птицы я не встретил. И почти смирился с этим. Я брёл по лесу, и с каждым шагом надежда, что я найду пропитание, таяла... Я приготовился умереть. Одна только мысль о моем мальчике не давала покоя... Но вдруг

я встретил двух людей. Это были охотники другого племени. Такие же, как и я, – Эчиной вновь хрипло рассмеялся, – тоже доходяги. Кожа и кости. Их самих шатало от голода. Они кинули мне две обглоданные кости давно съеденного оленя. Кинули и ушли. Я схватил эти кости, но на них не было и клочка мяса. Я заплакал и спросил духов, обратившись к небу: —В чем моя вина?! В чем вина моего сына? Маленького мальчика... Если я в чем-то согрешил, то вины моего сына нет! За что он обречен на смерть?!. И тут на меня нашло озарение! Я понял... Эти двое охотников, именно в этот день, именно в этом месте, были посланы мне! Как испытание...

Айыына заметила, что потухшие было глаза старика внезапно сверкнули каким-то хитрым и злобным блеском. Эчиной в возбуждении приподнялся и вскинул руки к потолку пещеры. Его длинная тень заплясала на стенах.

– Я понял, чего хотят от меня духи! Я слышал все старые рассказы о нравах приютившего меня племени! О да! Я знал историю рода моей жены! Мой сын! В нем текла их кровь! Его предки были не простыми охотниками! О, нет! К тому времени я уже знал о нравах и обычаях моих новых родственников. И знал, на кого они охотились в трудные времена. Они были охотниками на людей.– Эчиной обернулся и с торжествующей улыбкой оглядел Айыыну и Бэркэ. – И я должен был сделать так, чтобы мой род не угас! Да! Именно я! Я оказался в том лесу! Духи послали испытание мне! И я

выдержал его! Я пошёл по следу этих охотников. И убил их. Колебался ли я? Нет! Я убил их хладнокровно! И рука моя не дрогнула. Мой род был спасён, – Эчиной, вдруг поднявшись, с безумными глазами приблизился к задрожавшей от ужаса Айыыне. – Я добыл мясо! Я спас своих людей и собственного сына! Ты спросишь, легко ли мне было есть это мясо? О, нет! Нет! Нелегко! Совсем не легко! – Эчиной хрипло рассмеялся. – Я плакал и ел! Давился! Слезы текли по моему лицу. Но потом я увидел, как открылись глаза моего сына! Моего ребёнка! О, конечно, он ничего не понимал тогда... Он был ещё мал. Его щеки порозовели, и он улыбнулся мне! Жизнь возвращалась в его худое тело. Он забеспокоился, увидев моё заплаканное лицо. «Почему отец плачет?» – читалось в его глазах. Мой сын, моя радость, моя гордость... – Эчиной замолчал, но, словно очнувшись, продолжил: – И вот теперь он лежит здесь. Мой сын... Лежит и не шевелится...

Он склонившись над Айыыной, поднял её дрожащее лицо за подбородок и взглянул ей в глаза. Мутная рябь в глубине его зрачков и бегающие без остановки глаза повергли её в ужас. Его голос задрожал от сдерживаемой ярости.

– Скажи, почему он лежит? Мой сын. Тело его холодно... Почему он не обнимет своего старика? Не спросит, как дорога, по которой я пришёл? Не болят ли мои кости? Ответь? – его тихий голос перешёл в шёпот. Айыына зажмурилась от страха.

– Оставь ее, старик!– выкрикнул Бэркэ.

Позади них раздался шорох, и из-за угла, освещая себе путь факелом, показался молодой соплеменник Эчинея, горбоносый, с прыщавым лицом. Шмыгнув носом и не решаясь прервать старика, он почтительно замер на расстоянии.

– Готовьте костёр! – раздраженно выкрикнул Эчинея, не оборачиваясь. – Да принесите побольше валежника! Проводим моего сына в другой мир со всеми почестями.

Подручный так же безмолвно исчез в темноте. Эчинея угольками пылающих глаз оглядел Айыыну и лежащего на земле Бэркэ.

– Как же мы поступим? – вкрадчиво спросил сам себя Эчинея, подойдя к Бэркэ и склонившись над ним.

– Отпусти её. Она не виновата в смерти твоего сына. Возьми меня, – произнёс Бэркэ.

– Хэ-хэ... – закашлялся, смеясь, Эчинея. – Какой смелый... Отпустить? Отпусти-ить... Нет... Никого я не отпущу. Ты! – злобно воскликнул он, схватив Бэркэ за волосы. – Ты последуешь в другой мир вместе с моим сыном. Радуйся, это большая честь. Послужишь ему достойно на том свете. Вы сгорите вместе на погребальном огне. Да, да... Радуйся, тебе уготована почетная смерть. Ты умрешь в огне. А ты? – повернувшись к девушке, старик склонился над ней и погладил её по голове. – Ты думаешь, что ты тоже умрешь сразу? – голос старика стал тихим и вкрадчивым. Выждав момент, он, глумливо склонив голову, тихонько рассмеялся. Айыына, по

лицу которой текли слезы, сжав губы, мотнула головой, скидывая с неё руку старика. Он схватил её за косу, приблизив лицо. Дрожа, с полными внезапными слез глазами, Айыына отвернулась от него.

– Нет-нет... Сразу ты не умрешь. Вот как мы поступим. О, да... Я заманю сюда твоего отца. Да. Именно так. Любящий отец и его дочь. Вместе. Как и должно быть. О, он сразу прибежит, я не сомневаюсь. Ради любимой дочери...

Айыына заставила себя снова взглянуть на это лицо – и не отводить глаз.

– Да, он прибежит. Ещё бы... Сначала я задам ему вопросы. Я всегда задаю вопросы. И он все мне расскажет. Все мне рассказывают. Ни один мой пленник не сохранил свои секреты. Мне все интересно. Как там поживает Великий Тыгын Дархан... И его отец Мунньан. Были у нас с ним некоторые дела... Хэ – хэ... Твой отец все мне расскажет...

Эчиной замолчал, и его лицо исказила судорога. Айыына еще ни в чем взгляде не видела столько злобы. Она, глядя ему в глаза, в страхе замотала головой:

– Нет! Нет! Не надо... Пожалуйста... Не трогай его!

– Я привяжу его вон к тому столбу. Вы будете друг против друга. Отец и дочь. Вместе. Сразу вы не умрете. Не-ет. Это я обещаю. Я буду есть вас по частям. Сначала одного, потом второго. Живых. Начну с ушей. Ты когда-нибудь пробовала человеческие уши? Поджаренные на костре. Нет? Ну что же, у вас с отцом будет такая возможность, понаблюдать. Если

хочешь, я дам тебе попробовать. Сначала уши, потом пальцы твоего отца... И так далее! И ему, конечно, тоже! Твои пальцы!

Гнев выжег из Айыыны страх, и она рывками забилась на столбе, крича от боли и ненависти. Эчинэй отступил от неё, с издевкой наблюдая за её потугами.

– Оставь её! – воскликнул Бэркэ, пытаясь ослабить ремни.

– А-а! Убийца! – не останавливаясь и словно не ощущая боли, Айыына с перекошенным лицом билась на столбе. С содранных в кровь рук потекла кровь.

Эчинэй, изменившись в лице, в испуге отступил ещё на пару шагов назад. Узел на запястье девушки растянулся, и при очередном рывке она вдруг упала вперёд. Тут же вскочив, Айыына, надрывно крича, вцепилась пальцами в горло ошеломлённому Эчинею. Они оба повалились на пол пещеры. Онемевшие руки все ещё не слушались ее и были слабы. Захрипев, Эчиней все же сумел вырваться и, оттолкнув девушку от себя, кинулся к выходу. Упав на камни, Айыына, охнув от боли и сгорбившись, скрючилась на полу пещеры. Прижав к животу кровоточащие на запястьях руки, она, стелая, пыталась размять затёкшие пальцы.

– Беги! Айыына, беги! – раздался крик Бэркэ.

Айыына с глазами, полными страдания, обернулась к нему.

– Ну же! Пока он не позвал на помощь! Беги! У тебя есть время!

– Нет! – робко воскликнула она.

– Не глупи! Моя нога, я не смогу! Беги! – в отчаянии воскликнул Бэркэ.

Айыына в замешательстве поднялась и бросилась к выходу, но вдруг остановилась и обернулась. Следующий окрик Бэркэ заставил ее вновь побежать. Она скрылась в темноте.

Утренняя заря коснулась неба. После спертého воздуха пещеры Айыыне было свежо и прохладно. Выскочив наружу и никого не увидев, она миновала пустую площадку перед входом в пещеру и, добежав до деревьев, внезапно остановилась. Мысли спутались. Лицо Бэркэ стояло перед ее глазами. Лицо, хоть и обезображенное, но ставшее за этот короткий период их знакомства для неё таким дорогим. Айыына отвернулась от спасительного леса и поглядела назад. На фоне серых скал чернел вход в пещеру – мрачный под светом бледной луны, пугающий и манящий.

Свет факела отодвинул тьму, вновь осветив стены пещеры. Бэркэ с напряженным лицом, стараясь скрыть свой страх, попытался подняться, но от увиденного неловко сполз вниз. Айыына подбежала к нему и попыталась развязать удерживающие его руки ремни.

– Что ты делаешь?! Оставь меня, Айыына, – в замешательстве произнёс Бэркэ. – Зачем ты вернулась? Беги одна. Пока он не позвал на помощь...

Не слушая его, Айыына некоторое время молча, стиснув

зубы, возилась с ремнём, и тот наконец распался. В изнеможении обняв Бэркэ, Айыына уткнулась лицом в его плечо и некоторое время, пытаясь отдышаться, лежала без движения.

– Ты слышишь? Пока не поздно! Беги. Айыына!

– Нет, – произнесла она странным голосом.

– С моей ногой я далеко не уйду... – Бэркэ попытался растормошить её.

Она, подняв голову, с непонятым выражением посмотрела ему в глаза и нежно провела ладонью по его щеке. Затем, притянув его к себе, поцеловала в лоб. Бэркэ в изумлении не нашёлся, что сказать.

– Нет. Одна я не побегу. Мы уйдём вместе, – тихо и уверенно произнесла девушка и, стиснув зубы, рывком поднялась на ноги.

Лицо ее выражало мрачную отвагу и решимость. В плотно сжатых губах Айыыны застыло такое упорство, какого Бэркэ никогда прежде не подмечал у этой спокойной девушки. В отблесках костра ее лицо стало другим. Она, шатаясь, прошла к сложённому в углу пещеры оружию. Выбрав пальму и поморщившись от боли, сжала в руке рукоять, пробуя её на вес. Подобрал небольшой лук с колчаном стрел и нож в ножнах, она вручила их Бэркэ. Ошеломлённый, тот покачал головой.

– Нет! Айыына, не надо... Оставь меня...

Но она словно не слышала его. Издалека, от входа в пеще-

ру, слышались возбужденные голоса. Эчиной с подмогой скоро должен был оказаться здесь.

Айыына, подойдя к стене, сняла с неё горящий факел. Пройдя несколько шагов и осветив стены пещеры, она оглядела закреплённые на них черепа людей. Повернулась к поднявшемуся с земли Бэркэ и, смахнув с лица слезу, улыбнулась ему.

– Нет. Поздно. Мы уйдём вместе, – тихо произнесла она. – А если не получится, то умрем вместе. С тобой мне нестрашно...

Бэркэ не нашёлся, что сказать ей в ответ.

Она побрела на середину прохода, разминая затёкшую руку. Вспомнила слова отца, сказанные им, когда они упали в воду: «Делай глубокий вдох и выдох, дочка... Вдох-выдох... И страх покинет тебя».

С факелом в руке она подошла к луже, в которую стекала вода со сталактитов. Шаги врагов уже были близко и отдавались гулким эхом от стен пещеры. Айыына, с нежностью взглянув на Бэркэ, улыбнулась ему и бросила факел. Упав в воду, он зашипел, и их окутал мрак.

Глава 23. Крадущиеся в темноте

Бэркэ, заметив большой валун, вслепую отполз к нему, и, привстав на одно колено, занял позицию. Нож с ножнами он закрепил шнурком на ноге. Натянув тетиву, проверил лук. В добротном, выкрашенном в красный цвет колчане с искусственным растительным орнаментом он за мгновение до наступившей темноты насчитал пять стрел. «Туматская работа», – догадался он. Нашупав в кромешном мраке лук, он вложил стрелу в тетиву. Место, где притаилась Айыына, он запомнил. Ещё раз удивившись воинственному настроению девушки, которая в первые минуты их знакомства показала ему такой домашней и беззащитной, Бэркэ осторожно наступил на повреждённую ногу, но тут же поморщился от пронзившей его боли.

«Нет, я не должен подвести её!» – скрипя зубами, подбодрил он себя, вновь представив себе Айыыну, стоящую перед ним с горящим факелом в руке. Вскоре на стенах пещеры забегали тени от огня, и из-за поворота показались первые противники. Их было трое: пропустив вперёд двух соплеменников, Эчиной шел следом. Идущий первым коренастый воин с покрытым оспинами лицом, поводя натянутым луком вправо и влево, осторожно продвигался по коридору. Следующий вторым более пожилой шитолицый, прячась за спину первого, одной рукой держал горящий факел,

освещающая встречающиеся им на пути темные места. Он был вооружён длинным копьем. Эчиной, идущий замыкающим, держал наизготовку пальму и предостерегал своих воинов, чтобы они были готовы к отражению нападения. Бэркэ краем глаза уловил тень, шевельнувшуюся у лежащего на помосте Хонгу. «Айыына переместилась туда!» – догадался он. Нацелившись на идущего первым лучника, Бэркэ выдохнул и выпустил стрелу. Тетива больно ударила по незащищенному запястью, и он невольно отдернул руку. Шитолицый, охнув, не выпуская из рук лук, согнулся пополам. Стрела попала ему в живот. Бэркэ, быстро натянув лук, пустил стрелу во второго воина с факелом, но тот успел отскочить в сторону. В спешке отпрыгнув, он хотел было укрыться за помостом с Хонгу, но оттуда вдруг с отчаянным криком выскочила Айыына и рубанула его сверху вниз своей пальмой. Инстинктивно шарахнувшись в сторону, шитолицый успел выставить как защиту горящий факел. Сильный удар пальмы выбил из его руки факел, и тот, упав в лужу, погас. Бэркэ, прыгая на одной ноге, бросился было вперёд, но застыл в наступившей темноте. Послышались чьи-то торопливые сбивчивые шаги, тихий окрик, и тут же все стихло. Наступила тишина, прерываемая стоном раненого в живот лучника. Противники – что с этой, что с той стороны – обратившись в слух и не шевелясь, замерли на месте.

Айыына попыталась унять охватившее ее в первые минуты возбуждение, перемешанное со страхом. Ее трясло, и она,

боясь, что ее услышат, пыталась унять прерывистое дыхание. Выставив перед собой пальму и осторожно проверяя подошвой обуви землю, она начала медленно отступать назад. Секунды шли, и тишина пещеры нарушалась лишь стонами раненого. Бэркэ, после секундных раздумий, с луком наизготовку решил сблизиться с девушкой. Пытаясь сохранить равновесие, он попытался наступить на больную ногу. Боль под коленом в очередной раз пронзила его, и он, шаркнув подошвой по земле, замер. Чуть слева и впереди в темноте послышался шёпот и какой-то знакомый звук. Тетива! Так трещит лук при натягивании! Хлопнула защитная пластина и рядом с ухом Бэркэ, оцарапав ему щеку, прогудела пущенная стрела. Он, дёрнувшись, качнулся от неожиданности, но сумел удержать равновесие. «На!» – Бэркэ пустил ответную стрелу во мглу, в направлении хлопнувшей пластины. Противники, одновременно сместившись в разные стороны, вновь замерли, выжидательно прислушиваясь к звукам в темноте. «Не попал», – догадался Бэркэ, не услышав никакого шума. Пальцами проверив свою щеку, он ощутил влагу, но боли не почувствовал. «Две! Осталось две стрелы», – с досадой подумал он и осторожно потянулся к колчану. Растревоженная нога предательски заныла, он еле стоял, пытаясь удержать равновесие. Капли пота, раздражая глаза, стекали со лба. Где же Айыына?

Айыына, отступая назад в темноте, как она думала, к помосту с Хонгу, все не находила его. Держа пальму в одной

руке, другой она вслепую пыталась нащупать помост, но тот как сквозь землю провалился. Обратившись в слух, поводя головой в стороны, девушка продолжила отступать. Иногда она довольно шумно задевала ногами камни и каждый раз замирала на месте. Было очень тихо, стоны раненого стихли и перешли в едва различимые редкие хрипы. Вскоре, окончательно запутавшись во мгле, Айыына и вовсе потеряла ориентацию.

Бэркэ уловил едва слышный шорох впереди. Прождав мгновение, он, осторожно наклонившись, нашарил на полу пещеры мелкий камешек и кинул его в сторону. Одновременно впереди послышался очередной звук ударившей пластину тетивы! Ага, вот ты где! Мгновенно развернув в ту сторону лук, Бэркэ пустил стрелу. Раздался крик боли, перешедший в еле сдерживаемый стон с ругательствами. Бэркэ, выхватив последнюю стрелу, пустил её туда же. Опять послышался болезненный крик. Бэркэ осторожно опустился на колени и положил на каменный пол ставший бесполезным лук. Держа в руке топорик, он, стараясь не шуметь, на четвереньках двинулся вперёд.

Айыына, услышав вдруг совсем рядом крики раненого, подалась в другую сторону. Споткнувшись впотьмах, ободрала коленку. Вдруг, наступив на что-то мягкое, она почувствовала, как её схватили за ногу. Испуганно вскрикнув, она дёрнулась и, потеряв равновесие, упала на бок. Суча ногами, освободилась от захвата умирающего от стрелы в живо-

те первого шитолицега, и поползла в сторону. Шаря впереди рукой, она вдруг наткнулась на кого-то во тьме и вскрикнула от неожиданности. Кто-то невидимый поймал ее рукой. Запустив пальцы в волосы, он запрокинул назад голову Айыыны, и она ощутила горлом холодное прикосновение изогнутого, как коготь, ножа. Вскрикнув, она хотела было ткнуть его пальмой, но её руку перехватили и заломили назад.

– Нет! Отпусти!– завизжала она от испуга.

Бэркэ, услышав отчаянный крик девушки, без раздумий бросился в её сторону. В темноте пещеры раздался злобный крик Эчиняя:

– Ну, где ты, волчий ублюдок? Девка у меня! Покажись, иначе я перережу ей горло!

Бэркэ в замешательстве застыл на месте.

– Отпусти её! – крикнул он. – Твои люди мертвы.

– Плевать! Я убью её! Сам умру, а её заберу с собой! Зажги факел! Немедленно!

Айыына попыталась вырваться, но, ощутив нож у шеи, замерла.

– Найди трут у мертвых и разожги огонь! Факелы висят на стене! Слышишь? Быстро! – раздражаясь, выкрикнул старик, от злости дёрнув пленницу за волосы. Она вскрикнула:

– Убей его, Бэркэ! Не слушай!

Бэркэ, с трудом найдя на полу пещеры мертвого лучника, нашарил у него за пазухой трут с огнивом, и вскоре, сняв со стены факел, зажег его. В свете огня он разглядел Айыыну со

стоящим за ее спиной Эчинеем. Приложив одной рукой к горлу девушки нож, второй рукой он держал её за волосы.

– Поддай мне пальму! – сверля его глазами, вскрикнул Эчинэй.

Бэркэ, оглядевшись и посветив факелом, нашёл взглядом лежащий на земле клинок. Хромая, он полукругом обошел стоящих старика и девушку и двинулся в сторону оружия. Доковыляв, он с трудом опустился на одно колено, потянулся к пальме. Заслоняя факелом свои движения, быстро вытащил из привязанных к ноге ножен узкий, как шило, клинок и этой же рукой поднял с земли пальму.

– Поддай мне ее! Быстро! Что ты там возишься! – подстегнул его криком Эчиней.

Бэркэ, приподнявшись, на мгновение замер на месте. Встретившись взглядом с Айыыной, он, успокаивая её, моргнул обоими глазами. По сверкнувшим в ответ глазам девушки он понял, что она разгадала его замысел.

– Держи! – крикнул Бэркэ и кинул пальму рукояткой вперёд, чуть в сторону от старика. Решив схватить её на лету, Эчинэй, ослабив хватку, ступил в бок. Его рука перехватила клинок за рукоять. Краем глаза он успел заметить качнувшуюся фигуру Бэркэ, но было поздно: сверкнувший в темноте нож вонзился ему в глаз почти по самую рукоятку. Дёрнувшись, он отпустил девушку, и та упала на колени. Зарычав от боли и пошатнувшись, Эчиней выронил пальму из рук. Его руки потянулись к лицу и, дрожа, повисли в воздухе.

Освободившись от захвата, Айыына подхватила с земли упавший клинок и, вскочив, развернулась. С силой замахнувшись, крича от ярости, она полоснула застывшего старика пальмой по горлу. Эчиной с одним вытарашенным глазом громко захрипел, попытался крикнуть, но кровь уже залила ему рот. Падая, он схватив Айыыну за одежду, навалился на неё, и они оба упали. Кровь из горла старика забила толчками, забрызгала лицо упавшей девушки. Крича от отвращения и ужаса, Айыына ногами и руками оттолкнула агонизирующее тело. Подскочивший Бэркэ попытался оттащить бьющуюся в истерике девушку в сторону. Наполовину ослепшая от крови Айыына задергалась в его руках, и он попытался успокоить её:

– Это я, Айыына! Я! Успокойся... Всё! Мы убили его.

– Бэркэ! – вскрикнула она, дрожа и прижимаясь к нему.

– Я здесь. С тобой. Ты не ранена? – Бэркэ с беспокойством оглядел залитое кровью лицо дрожащей в ознобе девушки.

– Я в порядке. Нет, не ранена, – мотнула она головой, приходя в себя. С тревогой осмотрела Бэркэ. – А ты? Ты ранен?

– Нет. Я в порядке. Чуть зацепило. Просто царапина... – промолвил он, освещая факелом лицо девушки.

– Что?

– Нет, ничего... Просто твое лицо, оно все в крови. И выглядишь ты...

– Ужасно?

– Да... Не очень... – улыбнулся Бэркэ, вытирая с ее лица

кровь. – Ты похожа на демона.

– На демона?

– Да, на злого духа, выскочившего из нижнего мира...

– Из нижнего мира? – спросила Айыына, глядя в лицо Бэркэ. Он смотрел на неё, как будто увидел впервые. И не мог отвести взгляд.

– Да, одновременно ужасна и... красива... Я... Я никогда не видел таких, как ты, Айыына...

– Да? – не зная, что сказать, проговорила она.

Они неловко замолчали.

– Пора уходить отсюда, – смутившись, сказал Бэркэ.

– Да, надо уходить, – поддержала его Айыына, – эта пещера сведёт меня с ума...

Она, привстав, обхватила руками Бэркэ, помогая ему подняться.

– Да, мне она тоже порядком надоела, – проговорил он и поморщился от боли, наступив на раненую ногу.

– Да, пойдём домой. Я хочу домой.

– Да. Глаза б мои не видели эту пещеру...

Поддерживая друг друга и временами отдыхая, они потянулись по темному коридору к выходу. Вскоре за очередным поворотом они увидели на стенах отблеск дневного света. Бэркэ отбросил в сторону ставший ненужным факел, устало прислонился к стене и опустил на корточки, решив немного передохнуть. Увидев стекающую по стене пещеры воду, Айыына прильнув к ней, утолила жажду. Собрав жид-

кость в ладоши, она напоила и Бэркэ. Он, сжав её руки ладонями, отпил из них и не отпустил. Их взгляды опять встретились.

– Что? – тихо спросила Айыына.

– Ты... очень смелая. Я... Просто не знаю, как сказать... Не видел таких, как ты... Ты особенная.

– Без тебя бы я не справилась.

Оба, вдруг оробев, замолчали. Бэркэ, опираясь о стену пещеры, неожиданно поднялся. Глядя ей в лицо, он мучительно старался подобрать слова, но они никак не хотели сложиться во что-то вразумительное.

– Ты так смотришь на меня... Почему?

– Айыына...

– Да, говори... – тихо произнесла она, сжав его ладонь.

– Я... Я хочу сказать, что ты... Очень удивительная девушка... Я...

Их взволнованные взгляды встретились.

Айыына смущенно опустила голову.

– Я хочу сказать... – продолжил в смятении Бэркэ, с трудом подбирая слова. – Я и ты... Если я...

В воздухе что-то шоркнуло: глухой удар заставил Бэркэ покачнуться, и он с удивлением уставился на древко стрелы, выросшее в его груди. Удивлённо моргая, он судорожно сглотнул и, встретившись с полными ужаса глазами девушки, начал сползать вниз. Айыына в панике попыталась удержать его на руках, но он неловко завалился на спину, увле-

кая ее за собой на камни. В отчаянии оглянувшись, она увидела на фоне просвета выхода из пещеры две человеческие фигуры.

Ичин – а это была она, взревев по-звериному, в ярости отбросила лук, и, вытащив из-за спины пальму, быстрым шагом направилась к ним. За ней, испуганно озираясь, с топориком наперевес спешил её невысокий соплеменник.

Айыына в смятении посмотрела на них и на Бэркэ. Он протянул ей пальму и выдохнул:

– Бейся...

Она в отчаянии взглянула ему в глаза и посмотрела на торчащую из его груди стрелу. Схватив пальму и крепко сжав ее, девушка с изменившимся лицом вскочила на ноги. Гнев помутил ее разум. Бросившись с криком навстречу подбежавшей к ней Ичин, Айыына едва успела отбить её удар. Сталь со скрежетом ударилась о сталь. За первым ударом последовал второй, а третий, более мощный, выбил оружие из рук Айыыны. Не растерявшись, она бросилась к своей противнице и, обхватив ее за талию, попыталась повалить на землю. Ичин, рыча от ярости, толкнула её плечом, и схватила одной рукой ее за косу. Не выпуская друг друга, они обе повалились на пол пещеры. Выронив пальму, Ичин надела на Айыыну и вцепилась обеими руками ей в горло. Айыына, хрипя от злости, схватила противницу за косу и повалила набок. Вскоре обе они, крича от боли и ярости, поднимая клубы пыли, катались по полу пещеры. Второй шитоли-

дый, щуплого телосложения, с крысиным лицом, почти отсутствующим подбородком и бегающими узкими щелками глаз, склонился над неподвижно лежащим Бэркэ и настороженно пригляделся к нему. Не приближаясь, он решил проткнуть его копьем, и, метя им в грудь, ткнул в область сердца. Бэркэ, выжидавший момент, перехватил направленное на него копье за древко и, со стоном дотянувшись до врага, дернул его за ворот к себе, воткнул в него свой нож. Шитолицый, заорав тонким голосом от боли, неловко завалился на бок. Бэркэ, навалившись на его ноги, хватая его за одежду, стал подтягиваться к нему. Заметил, что враг выпустил из рук копье, и достал свой нож. Они одновременно схватили друг друга за руки, не давая нанести удар. Силы раненого Бэркэ иссякли: хотя противник был намного легче его, шитолицый подмял его под себя и оказался сверху. Насев на Бэркэ, он с силой навалился на него с ножом в руке, но тот с усилием отвёл лезвие ножа, и оно, дрожа, повисло в воздухе; шитолицый взвыл от ярости. Слабеющая рука Бэркэ не удержала следующего усилия врага, и лезвие ножа медленно вошло ему в область предплечья. Боль пронзила его, и Бэркэ закричал.

Айыына, хрипя от нехватки воздуха, вновь сумела перевернуть Ичин, но та, извернувшись, опять скинула её с себя. Заметив лежащий в метре от неё клинок пальмы, она рванулась к нему, но Айыына, схватив Ичин за ноги, потащила ее к себе. Несколько секунд она пыталась удержать от-

бывающуюся и пытающуюся вырваться шитолицую. Краем глаза Айыына увидела лежащую в нескольких метрах от нее пальму. Секунду колебалась, и наконец, отпустив ногу вырывающейся шитолицей, прыгнула к клинку. Ичин, почувствовав, что свободна, метнулась в прыжке к своему оружию. Они одновременно схватили клинки. Каждая держала пальму обеими руками. Они с криком устремились навстречу друг другу. Через мгновение крик оборвался, и девушки замерли. Лицо Ичин, излучающее смесь ненависти и злобы, вдруг сделалось удивлённым. Ее нижняя губа задрожала, и она испуганно посмотрела вниз: острое пальмы Айыыны вошло ей ровно в низ живота. Ичин с удивлением подняла голову и, глядя на противницу, судорожно всхлипнула и осела. Айыына, почувствовав боль, тоже опустила взгляд. Пальма Ичин, пробив край ее платья, застряла в нем. Ранение было касательным, острое лишь прорезало верхний слой кожи. Ткань платья в месте разреза пропиталась красным, но Айыына словно не чувствовала боли. Отпустив рукоять и оставив свою пальму в животе Ичин, она вскочила и отступила назад. Некоторое время, она, замерев на месте, смотрела на умирающую. Ичин, стоя на коленях, медленно согнулась спину и, схватившись за рукоять меча, со стоном завалилась набок. Айыына, словно очнувшись, услышав за спиной хрип и возню, быстро обернулась. Шитолицый, сидя на Бэркэ, пронзил его своим ножом. Айыына, вскрикнув, бросилась к ним. Накинувшись сверху на спину врага, она, рыча,

вцепилась зубами ему в шею. Тот заорал, выпустил нож и схватил девушку; они с криком покатались по земле. Шитолицый в ужасе издал животный вопль, и, брызгая кровью из раны в шее, попытался скинуть и отцепить от себя обезумевшую и кричащую в ярости девушку. Она пальцами впилась ему в лицо, пытаясь выцарапать глаза. Крича от боли, он все же сумел сбросить её с себя. С обезумевшими от страха глазами, он, прижимая рукой кровоточащий бок, шатаясь и чуть не падая, кинулся к выходу. Айыына вскочила на ноги и вытерла тыльной стороной руки окровавленный рот. С перекошенным от ярости лицом огляделась, заметила лежащий на земле топорик. Чуть не упав, схватила его и с рычанием бросилась вдогонку за врагом. Шитолицый, которого на ходу мотало из стороны в сторону, почти достиг ослепительно сияющего выхода наружу, но вдруг споткнулся и растянулся на камнях. Подвывая от ужаса, неловко вскочил, попытался бежать вновь – но настигшая его у самого выхода Айыына схватила врага за косу. На бегу замахнулась топориком для удара, но беглец, вскрикнув в ужасе, дернулся в сторону, увлекая ее за собой. Потеряв равновесие, они оба упали и, поднимая клубы пыли, покатались по откосу на залитую солнечным светом площадку перед входом в пещеру. Оба истошно кричали: одна от охватившей ее ярости, другой от ужаса. Так они выкатились на середину площадки.

Рыча от ярости, ослепшая от яркого дневного света Айыына оказалась сидящей на спине кричащего от ужаса врага.

Её глаза слезились от белого сияния и ничего не видели. Она вслепую нащупала рукой ворот дохи шитолицего и прижала его к земле. Всю накопившуюся за эти дни боль и ярость девушка выместила на лежащем под ней враге. Испустив истошный вопль, она обрушила на него град ударов и истерично била его топориком по голове, пока он не перестал шевелиться. Брызги крови превратили ее лицо в маску демона. От перенапряжения у нее перехватило дыхание и закружилась голова. Затылок шитолицего превратился в кашу, но она не видела этого. Убедившись, что враг не шевелится, она, дрожа, нависла над ним и находилась в некотором оцепенении. Будучи в прострации, она пыталась привыкнуть к ослепляющему свету. Как незрячая, Айыына вертела головой, словно пытаясь понять, кто она и где находится. Вдруг она вздрогнула, и ее вновь охватил трепет. Она почувствовала, что не одна. В нестерпимом сиянии, пробивающем даже сквозь закрытые веки в мгновения, когда она пыталась проморгаться, она увидела вокруг себя контуры чьих-то ног, а затем и очертания окруживших её людей. Много человеческих фигур! Вооружённых людей.

Проклиная солнце и слезящиеся глаза, Айыына завертела головой. У неё мелькнула мысль, что все это ей только кажется... Что они – плод её воспалённого сознания... Но они были реальны – окружившие её полукругом множественные контуры человеческих тел, подсвечиваемые сзади ореолом сверкающего солнца. Рыча и дрожа от вновь нахлынувшие-

го адреналина, девушка схватила с земли лежащий рядом второй топорик и вскочила на ноги. Пригнувшись и сжимая оружие, она закрутилась на месте. Как их много! С копьями, пальмами, с натянутыми и направленными на неё луками. Они заполонили всю площадку перед входом в пещеру, в центре которой стояла она. О, чертово солнце! Как оно слепит! Она не видела лиц: слезящиеся глаза, залитые её потом и кровью, не давали ей рассмотреть нового врага. Но ей было неважно в этот миг, сколько их. Она не собиралась молить их о пощаде, просить, чтобы они оставили её в живых... Айыына испустила животный крик. Ярость и решимость переполняли её душу. Крутясь на месте с выставленными вперёд топориками, она была готова обрушить их на первого, кто рискнёт приблизиться к ней. Её тело тряслось, зубы выбивали мелкую дробь. Она была похожа на злобного духа, выскочившего из самых глубин нижнего мира. Залитое кровью лицо с белками полуслепых глаз, всклокоченные волосы...

– Айыына! Айыына! Доченька! – вдруг услышала она чей-то испуганный возглас.

Её затуманенный мозг не сразу определил, что голос принадлежит кому-то знакомому, он доносился словно из какого-то далёкого призрачного мира, приснившегося ей в детстве.

– Айыына! – вновь услышала она.

Секунды медленно тянулись одна за другой, и вдруг в её голове что-то изменилось. Слабость охватила ее тело. Она

бессильно опустила руки с зажатými в них топориками. Ей вдруг стало тяжело стоять, закружилась голова. Покачнувшись, Айыына, пытаясь отогнать видение, встряхнула головой. Щурясь и моргая, она оглядела окруживших её и наконец узнала их. Испуганные лица людей её отца. Лицо Долгоона... Родное лицо отца... Её вновь качнуло от головокружения, но она устояла. Мысли в голове хаотично металлись, и она все ещё не могла поверить что все закончилось. Свои! Ей вдруг стало неудобно и стыдно за свой вид. Она захотела спрятаться и разрыдаться от нахлынувших чувств. Вдруг она вспомнила о Бэркэ, лежащем в пещере. Вздвогнув и покачнувшись, она вновь оглядела всех тревожным взглядом и хрипло выкрикнула:

– Идите за мной! – И бросилась обратно в пещеру.

Октай, Долгоон и остальные, вскрикнув в изумлении, зовя её по имени, бросились следом.

Глава 24. Стоящие под дождем

Бэркэ выделили часть амбара, выстроенного для хранения шкур домашнего скота и различной утвари. Его построили этой весной, и брёвна еще белели свежим выструганным деревом с проступившей на нем смолой. Пахло свежей древесины и недавно выдубленными коровьими и конскими шкурами. На одну из них, расстеленную на сколоченном у стены топчане, уложили раненого. Прошло около недели, и Бэркэ, пролежавший первые дни, не вставая, постепенно приходил в себя. Стрела Ичин попала выше ключицы, не задев сердце и легкие. Нож шитолицего так же не сильно повредил. Помощник Октая, Лючю, искусно вытащил стрелу и лечил раненого всевозможными отварами трав и вонючими припарками, состава которых Бэркэ не знал. Впрочем, Лючю занимался своим делом с таким старанием и усердием, что Бэркэ полностью доверился этому немногословному опытному старику. Тот чем-то походил на Килтыроя, выходившего его в прошлом году. Нога постепенно заживала, и лишь изредка болезненно ныла. Мелкие порезы на теле были умело зашиты.

В один из тёплых дней наступившей осени, выбравшись на улицу, Бэркэ сидел на завалинке, греясь в лучах осеннего солнца. Бабье лето на удивление затянулось, стояла тихая солнечная погода. Молодой спаситель ещё не видел Айыы-

ну и, расспросив Лючю, узнал, что та в первые дни слегла и долгое время была в беспамятстве. Нервное напряжение, которое она пережила, сильно подорвало её силы.

– Но она постепенно идёт на поправку... Время лечит, – сообщил ему услужливый Лючю.

Бэркэ каждое утро, осторожно наступая на повреждённую ногу, выходил на улицу и садился возле своего амбара. В надежде увидеть Айыыну он часами наблюдал за становищем Октая, за занятыми своими делами, снующими по всей округе его работниками. Но девушка не появлялась. Он, большую часть жизни проживший в уединении, поначалу не мог привыкнуть к такому большому скоплению людей и чурался всего. Приехавшие люди Сетгыя, отца Долгоона, заполнили округу, расставив свои легко возводимые юрты – урасы. Амбар, в котором жил Бэркэ, находился в некотором отдалении от основных строений, и он был несказанно рад своему частичному уединению. Повязка, которой Бэркэ прикрывал лицо, была давно утеряна, и он, стесняясь людей и снующих по двору девок-работниц, старался меньше показываться им на глаза. Мучась догадками по поводу того, как чувствует себя Айыына, он при каждой встрече спрашивал о ней Лючю. Пару раз он порывался пойти к ней, но что-то сдерживало его. В один из дней, после полудня, к нему неожиданно зашёл Долгоон. Быстрым шагом подойдя к топчану, он плюхнулся грузным телом на нары – так, что те жалобно заскрипели.

– Хайя? Ну что, догор-друг? Вижу, поправляешься! Молодец! – быстро проговорил Долгоон, с важным видом похлопав Бэркэ по плечу и оглядев стены его скромного жилища. Бэркэ заметил, что Долгоон, стараясь не встретиться с ним взглядом, отводит глаза.

– Как тебя лечат? Хорошо? Я наказал Лючю, чтобы он не отходил от тебя. Если будет плохо лечить – мне сразу скажи! Уж я постараюсь! Да, кстати! Пойдём-ка выйдем, – Долгоон, едва присев, тут же вскочил и торопливо направился к выходу. – Пойдём, пойдём. Я обещал, что вознагражу тебя? Вот! Обещание держу! Иди посмотри...

Бэркэ, недоумевая, растерянно доковылял до двери, и вышел наружу.

– Вот! Держи! – Долгоон, потянув за удила, подтолкнул к опешившему Бэркэ лохматого саврасого жеребца. Затем, торопливо сунув поводья ему в руки, поглаживая и похлопывая животное по крупу, обошёл его вокруг. – Вот... Хороший жеребчик, сам выбирал. Сильный, послушный. Что ещё надо? Держи. Теперь он твой.

Бэркэ, с опаской держа поводья, настороженно смотрел на коня, не зная как быть.

– Спасибо... Только зачем он мне? Не надо, может... – робея, проговорил он.

– Бери, бери! Ты помог мне! Я обещал тебе! Вот, пользуйся, – быстро заговорил Долгоон.

– Да я... Это... Не умею, – запротестовал Бэркэ, протяги-

вая поводья обратно.

– Нет, нет, бери он твой.

– Как на нем ездить? Ухаживать как за ним? Спасибо, но... – Бэркэ смущенно попробовал отдать поводья обратно, но Долгоон вскинул руки в протесте.

– Нет! Нет! Он твой! Это подарок. Ты заслужил его. Он пригодится тебе, бери, бери...

Долгоон, не встречаясь взглядом с Бэркэ, начал отступать.

– Ну, все, мне пора... Дела. Дела ждут. И это... – Долгоон, вдруг остановившись и потупив голову, торопливо вернулся обратно. Подойдя к Бэркэ, он положил ему на плечо свою ладонь и, морщась, быстро проговорил. – Послушай Бэркэ, мы же друзья. Это, ты не говори никому... Тогда, в лесу... Я наговорил там лишнего, малость струхнул. С кем не бывает? Да? Ну, мы же мужчины... Друг друга всегда поймём, поддержим, да? Зачем женщинам знать наши разговоры, да?

Бэркэ, пожав плечами, шмыгнул носом.

– Ну вот и договорились! – Долгоон обрадованно пожал ему плечо и заспешил прочь, то и дело останавливаясь и оборачиваясь. – Ты молодец! Бэркэ, это хороший конь! Ты заслужил его! Давай, выздоравливай! Увидимся!

Бэркэ с опаской привязал жеребца к изгороди и, отойдя подальше, присел на траву. Наблюдая за конем, он подивился народу саха: как они смогли приручить столь грозных животных? Они и пахнут странно... Не как олени. И что теперь

ему с ним делать? Надо отдать обратно... Жеребец, услышав далекое ржание сородичей, обеспокоено повёл ушами, ско-сил глаза и звонко и протяжно отозвался им. Бэркэ, неловко вскочив, юркнул в своё жилище.

Первое, что увидела Айыына, придя в себя и с трудом от-крыв веки, – потолок с уложенными на балках свежестру-ганными жердями. Было темно и тихо. Лишь в стоящем в углу камельке тихо потрескивали дрова, озаряя всполохами стены отцовского холомо. Я лежу на кровати-ороне, – опре-делила Айыына. Ей было тепло здесь, под теплым одеялом. Она потела. Это жар, с трудом догадалась она. Ее одолевала слабость.

Когда она очнулась в следующий раз, было светло. Девуш-ка-работница увидев, что больная открыла глаза, хлопнув дверью, выбежала на улицу. На короткое мгновение Айыы-на снова провалилась в тяжелый сон. Очнувшись, она уви-дела сидящего рядом отца. Увидев его заботливое лицо, Ай-ыына слабо улыбнулась.

– Как ты, доченька?

– Лучше, отец. Сколько я пролежала?

– Немного, но тебе сейчас нельзя вставать. Лежи, наби-райся сил.

– А Бэркэ?– встревоженно спросила она, пытаясь под-няться – Как он? Он..?

– Он в порядке. Лючю ухаживает за ним, лечит. Не бес-покойся, он идёт на поправку.

– Он спас меня, отец... – облегченно произнесла Айыына, откидываясь назад.

– Да, доченька, сам Айыы Танара послал его нам. Чудом избежала ты смерти. Эти злобные исчадия нижнего мира! Пусть их чёрные души мучаются на том свете! Хорошо, что Долгоон встретил Бэркэ в лесу. Что бы мы без него делали? – Октай замолк, увидев, что дочь, облегченно вздохнув, вновь погрузилась в сон. Он осторожно пожал ей руку, стараясь не шуметь, вышел.

Постепенно жар у Айыыны спал, и сон ее стал спокойней. Девушка похудела и осунулась. Она чувствовала, что с каждым днём ей становится лучше, но в какие-то периоды все ещё чувствовала себя разбитой. Нервное потрясение подорвало её здоровье и силы. В один из дней вместе с ее отцом ее пришел навестить Долгоон.

– Здравствуй, Айыына.

– Долгоон! Ты здесь...

– Да, я здесь. Тебе надо отдохнуть, Айыына, – заботливо добавил Долгоон.

– Как твой отец, как ваши люди, Долгоон? – тихо поинтересовалась она. – Всего год прошёл, а кажется, что я не видела вас несколько лет.

– Отец в порядке. Мы обосновались в нескольких днях пути от вас.

– Долгоон приехал с доброй вестью, Айыына, – торжественно произнёс Октай. – Они преодолели большое рассто-

ание, покинув Великую Эбэ, и обосновались в этих краях. Но главная новость: они хотят породниться с нами! Всё, как ты и хотела, дочка! Вот, жених твой перед тобой! Сколько ты говорила и скучала о нём?! – Октай довольно рассмеялся, схватив улыбающегося Долгоона руками за плечи. Послышался шорох и сзади возник Лючю.

– Октай, как быть с коровами? Надо решить этот вопрос, – выговорил он.

Октай торопливо вскочил:

– Да, Лючю, иду. Ну вот, дочка, дела зовут. А ты лежи и набирайся сил. Как поправишься – справим свадьбу! Так, Долгоон?

– Да, конечно, справим! Поправляйся, Айыына! – подхватил Долгоон, поднимаясь с табурета.

– Свадьбу? – тихо переспросила Айыына, словно не понимая смысла этого слова. Попыталась привстать, но у неё закружилась голова.

– Лежи, лежи, не вставай. – воскликнули Октай и Долгоон.

– Свадьбу, свадьбу, доченька... Теперь ты будешь счастлива. Как ты и хотела! Постарайся забыть все неприятности, теперь все будет хорошо!

Октай, склонившись над дочкой, бережно поцеловал её в лоб.

– Ну, побежали мы. Поправляйся.

– Отец, подожди. Я ещё... Я... – Айыына постаралась подобрать слова, нахмутив лоб.

– Дочка, понимаю! Ты не беспокойся! – уверенно заговорил Октай, увидев вдруг напрягшееся лицо Айыыны. – Мы все подготовим сами. Тебе надо отдыхать и набираться сил. Все хлопоты по свадебным делам мы с семьёй Долгоона берём на себя. Ты не беспокойся. Твоё дело отдохнуть и набраться сил. Ну, отдыхай! Поспи...

Октай с Долгооном торопливо направились к выходу.

– Отец, подожди... – тихо позвала его Айыына, пытаясь вновь подняться. Но он не услышал её, и вместе с Долгооном вышел на улицу. Дверь закрылась, и она услышала его радостный крик, обращённый к домочадцам:

– Слушайте, люди! Наши дети женятся! Готовьтесь к свадьбе! Долгоон и Айыына женятся.

В ответ раздался одобрительный гул голосов людей, обрадованных доброй вестью. Айыына с трудом поднялась и села на топчане. Тяжело вздохнув, она обхватила лоб ладонями. Головная боль, слабость и какое-то чувство тревожной неопределенности охватили её. Мысли путались, в ее голове все смешалось.

На следующий день к Айыыне вошёл отец, а за ним, неловко хромя, протиснулся Бэркэ.

– Вот, принимай гостя, дочка! Спаситель наш. Заходи, заходи, Бэркэ, не робей. А то я смотрю, все он рядом жмётся и не решается.

– Нет, лежи! Не вставай! – торопливо сказал Бэркэ Айыыне, увидев, что та хочет приподняться.

– Да, не вставай доченька. Лежи, ты ещё очень слаба. Присаживайся, Бэркэ. Айына и Долгоон рассказали всё о тебе! Мы очень благодарны тебе! Ты настоящий герой! Хосун-удалец! Горе и беда обошли наш дом благодаря тебе. Слава духам Айыы, что они послали тебя нам, – горячо произнёс Октай. И после затянувшейся минуты неловкости, догадавшись, что молодым людям надо поговорить, добавил: – Ну, вы тут поболтайте, пообщайтесь, а я побегу по делам.

Октай покинул жилище, Айыына и Бэркэ остались одни. Он присел на стоявший рядом табурет.

– Как ты, поправляешься? – тихо спросил Бэркэ.

– Да, я в порядке. А ты? Твоя нога? Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, раны заживают. Лючю – хороший лекарь.

Повисло затянувшееся молчание, слышно было, как в камельке трещат горящие сучья. Встретившись взглядами, они одновременно захотели что-то сказать, но, не решившись, оба промолчали.

– Слышал, у вас скоро свадьба, – тихо проговорил Бэркэ.

– Да, – также тихо ответила Айыына и, отвернувшись с вдруг покрасневшим лицом, добавила: – Свадьба...

– Ну что же... Хорошее дело, – подбирая слова, произнёс Бэркэ. – Тебе повезло с Долгооном.

Бэркэ замолчал, но Айыына ничего не ответила. Вновь затянулось тягостное молчание.

– Да, кстати... Он подарил мне коня, – вдруг вспомнив,

сказал Бэркэ.

– Коня?

– Да, коня...

– И как он? Он нравится тебе?

– Не знаю... – пожал плечами Бэркэ. – Нужен ли он мне?

Я все же привык к оленям... Ездить на нем не умею. Но Лючю учит меня.

Бэркэ рассказал, что Лючю научил его седлать животное и ухаживать за ним. Они посидели некоторое время вместе, мучаясь от неловкости вновь затянувшегося молчания. Бэркэ поднялся.

– Ну, я пойду...

– Пойдёшь? – вдруг обеспокоилась она, не понимая что тревожит ее.

– Да, пора. Ты поправляйся, Айыына...

– Спасибо. И ты поправляйся...

Бэркэ, быстро повернувшись, захромал к выходу.

– Бэркэ! – вдруг позвала его Айыына.

Он, остановившись у двери, обернулся. Они вновь встретились взглядами и некоторое время оставались без движения.

– Спасибо, что спас меня.

Бэркэ, неловко кивнув, вышел. Хромая к своему амбару, он, поморщившись от досады, мысленно выругал себя: «Что я там наговорил?! Про коня? Про какие-то второстепенные дела... Но что я хотел сказать?».

Хромая, он ускорил шаг. Выйдя из-за угла очередного строения, он неожиданно чуть не столкнулся с девушкой-работницей, несущей большой туюс с водой. Увидев вблизи его изувеченное лицо, она вскрикнула и шарахнулась в сторону, расплескав половину воды. Бэркэ отвернув побагровевшее лицо, поспешил поскорей покинуть это место. За спиной он услышал смех подружек, следовавших за испугавшейся девушкой.

– Не смейтесь! У него и так лицо изувечено. Не хватало ещё только вашего смеха... – услышал он за спиной чей-то укоризненный женский голос, но девушки не перестали смеяться. С горящим от охватившего его стыда лицом, Бэркэ добрался до своего жилища и повалился на топчан. Его охватило нестерпимое желание покинуть лагерь и этих людей. Что он здесь делает? Почему он здесь?

От волнения он вновь вскочил и заходил из угла в угол, пытаясь разобраться в охвативших его чувствах. Сейчас осень! Надо готовиться к зиме, заняться охотой! Скоро олени начнут мигрировать, и их многочисленные стада станут переходить через реки. Наступит время поколки! О, сколько дичи можно добыть во время переправы оленей-дикарей через речки! Поколка! Восхитительная охота! Как замечательно они охотились в прошлые годы вместе с Бузагу и Толбочооном! Да, скорей попрощаться, и – в путь! Здесь его ничего не держит. У Айыыны своя жизнь. На что он надеется? Вбил себе в голову неисполнимые мечты...

Бэркэ вдруг замер посередине амбара. Он внезапно с горечью вспомнил, что его друзей больше нет. Хонгу и его люди убили их... Да, он отомстил! Но этим не вернул друзей. Он один, и ему не к кому идти. Бэркэ охватили тоска и непонятное волнение, он вновь повалился на топчан, закрыв лицо руками. Полежав некоторое время, он вдруг сел.

– Айыына... Только она держит меня здесь, – вдруг отчетливо понял он, представив перед собой её лицо.

В последующие дни Бэркэ под руководством Лючю начал понемногу ездить верхом. Конь оказался покладистым, без норова. Днём Бэркэ объезжал близлежащие луга, а в лагере появлялся только вечерами. Несмотря на напряжение во время езды, Бэркэ не смог скрыть довольной улыбки: он научился подчинять себе сильное животное, и оно слушалось его. Дитя Дьэсегея, казалось понимало его настроение, словно сливаясь с ним в единое существо. С каждым днём Бэркэ чувствовал себя увереннее и порой, пуская коня вскачь, испытывал непередаваемое ощущение скорости. Украдкой он продолжал высматривать Айыыну, но та не появлялась на улице. Он не знал, что девушка так же временами выходила из жилища и искала его взглядом, но, к сожалению, часто видела лишь его удаляющуюся спину.

Лючю и Бэркэ занимались приготовлением буьурука, одной из разновидностей приготовления сымы – варёной рыбы. В очередной раз поймав на озере на корчагу гольянов, они варили их и вываливали на сетку. Дождавшись когда

весь суп стечёт, оставшуюся рыбную кашу сливали в грубо сколоченный деревянный ящик. Наполнив его, клали сверху груз, от давления которого вся жидкость вытекала, и в ящике оставалась разваренная рыбная масса. Ее оставляли на запас, на зиму.

– Никакая речная рыба, не сравниться с озерной для настоящего Саха, – все нахваливал варево довольный Лючю. Бэркэ, с интересом узнавая все новое, охотно помогал ему.

Был тихий осенний вечер, легкий, почти прозрачный дым от разожженных здесь и там дымокуров из конского навоза окутывал строения. Бэркэ, возвратившись с очередной заготовки рыбы, привязал к коновязи своего коня. Вдруг с забывшимся от волнения сердцем он увидел Айыыну. Ему показалось, что лицо её выражает тревогу и озабоченность. Она была бледна и собрана. Встретившись у изгороди, они смущенно улыбнулись друг другу.

– Тебе лучше? Стала гулять на воздухе? – заботливо спросил Бэркэ.

– Да, лучше. Как ты? Я смотрю, уже научился ездить?

– Немного... Он почти слушается меня.

Айыына, подойдя к жеребцу, погладила его.

Они замолчали, и Бэркэ, глядя на стоящую перед ним девушку, с волнением догадался, что та хочет сказать ему что-то важное. Напрягаясь Айыына, словно решившись, посмотрела ему в глаза и тихо спросила:

– Бэркэ... Тогда в пещере... Ты начал говорить... Но нам не дали закончить.

– Да, – внутренне собрался Бэркэ.

– Что ты хотел сказать тогда?

Бэркэ охватило волнение, он лихорадочно попытался подобрать слова, но они вновь не складывались.

– Я... Я хотел сказать... Что ты... Что я...

– Да... Говори...

– Я хотел сказать тебе, что я...

Волнение охватило Бэркэ и передалось Айыыне, они встретились взглядом.

– А-а, вот вы где?! – раздался веселый голос Долгоона. – А я тебя обыскался, Айыына. Приехал мой отец. Нам надо обсудить с тобой и с нашими родителями некоторые вопросы. Пойдём скорей, отец хочет тебя увидеть.

Долгоон по-приятельски положил свои руки на плечи Бэркэ и Айыыны и обратился к замолчавшему и покрасневшему от досады Бэркэ.

– Хайя, Бэркэ? Как конь? Вижу, ты уже вовсю едешь! – затараторил он, – Как и говорил, коня я выбрал тебе покладистого. Он слушается тебя? Будь с ним строже! Покажи ему, что ты хозяин. Кони, они такие: если не приструнишь, они станут показывать характер.

Бэркэ и Айыына мельком переглянулись. Досада промелькнула в глазах обоих. Долгоон, без конца тараторя, увёл за собой погрустневшую девушку.

Вечером Бэркэ наблюдал, как люди отца Долгоона заводят своих многочисленных рогатых коров и лохматых лошадей в загоны для животных. Подъехавший на гнедой кобыле Лючю, вытирая пот, сказал Бэркэ:

– Да, повезло Айыыне с новыми родственниками! Богатое приданое они пригнали. А сколько подарков привезли! Шкуры, посуду, еду! Хороший жених достался дочке Октая. Айыына не будет знать невзгод и нужды. Заживут счастливой жизнью!

Мысли потерянного Бэркэ смешались. Он украдкой посмотрел на морщинистое лицо Лючю. Любил ли он кого-нибудь? Праздновал ли свою свадьбу?

Бэркэ издали наблюдал за домочадцами Октая и слышал их разговоры о предстоящей свадьбе. Все они сводились к тому, что это будет удачный брак. Проведя весь день в раздумьях, он принял решение уехать следующим утром. Сон не шёл, и он уснул только далеко за полночь.

Проснувшись и наблюдая за ежедневными хлопотами лагеря, он искал повод, чтобы увидеться с Айыыной, но все не находил его. Подойти к ней и попрощаться наедине никак не получалось – она всё время была в окружении людей. В задумчивости он оседлал коня, решив совершить очередную прогулку верхом, поехал на ближайшее озеро. Сидя на берегу и думая о предстоящем дне, мысленно убеждал себя, что надо просто взять и уехать! Это будет правильным и логичным решением. Но вторая половина его натуры поселила в

нем назойливую мысль, что он что-то делает не так. И эта мысль не давала ему покоя. Желая встречи, он одновременно боялся её. Что он скажет? Бэркэ понимал, что должен сказать девушке какие-то нужные слова, но, не умея выражать свои чувства, сердился на себя. Она нравится ему. Очень. Какое это странное чувство. Разглядев в воде своё отражение, лицо с протянувшимся наискосок уродующим его рубцом, он вдруг помрачнел и с силой ударил по ней. Рябь от волн ещё более исказила его отражение. Решительно поднявшись и вскочив на коня, он ускорил его и поскакал к становищу. Надо попрощаться и уехать! Он лишний среди этих людей. Ничего его с ними не связывает. Это просто несбыточные грезы мутят его душу.

Айыына в очередной раз прошла по двору, но Бэркэ нигде не было видно. В прошлую встречу им не удалось выяснить отношения из-за нектопоявившегося Долгоона. А ведь они были так близки к тому, чтобы высказать друг другу свои чувства. Девушка не теряла надежды, пока не поздно, поговорить и выяснить свои отношения с Бэркэ. Ни дня не проходило, чтобы она не думала о нем.

С первого взгляда он показался ей необщительным и замкнутым, но когда она узнала его ближе, сердцем почувствовала, что у него доброе сердце. Она догадывалась, что Бэркэ находится в затруднительном положении и в силу своего характера и молчаливости не может проявить свои чувства. «Мужчины в битвах яростны и смелы, как тигры, но в раз-

говоре с женщинами нерешительны и робки, как утки», – вспомнила она слова своей матери.

Дойдя до загона для лошадей, Айыына осмотрела его, но Бэркэ там не было. С тревогой, поселившейся в сердце с тех пор, как объявили об ее помолвке с Долгооном, девушка вернулась к себе в холомо. На южном небосклоне появились тяжелые тучи – предвестники затяжного дождя.

Айыына, погружившись в свои думы, сидела на колченогом стуле, а стоявшая позади девушка-работница расчесывала ей волосы. Молодая помощница без устали рассказывала какую-то веселую историю, но Айыына не слышала её. Рассеянно кивая и думая о своём, она не заметила, как вошёл Долгоон. Его самодовольное лицо расплылось в загадочной улыбке. В руках его появилось красивое серебряное ожерелье. Девушка-работница, увидев его, восхищенно охнула и отступила в сторону. Долгоон, подойдя сзади, одел ожерелье Айыыне на шею. Она, словно очнувшись, обернулась и рассеянно улыбнулась ему.

Бэркэ, с гулко бьющимся сердцем, не обращая внимания на вымочивший его до нитки дождь, подошёл к холомо Айыыны. В нерешительности остановившись, он заметил, что дверь приоткрыта. Выдохнув и коснувшись двери, он вдруг через открытый проем увидел, как Долгоон надевает украшение на шею Айыыны. Он остановился, не решаясь войти и невольно наблюдая за происходящим. С болью в сердце он заметил, как девушка улыбнулась стоящему над ней Долго-

ону. Бэркэ замер, не в силах шелохнуться. Его мокрое и залитое дождем лицо застыло; вдруг, резко развернувшись, он пошёл прочь. Преодолев, хромая, расстояние до своего жилища, он в спешке начал собирать вещи. Остановившись, вышел на улицу и, пройдя несколько шагов, вновь замер. Вернулся обратно. Добравшись до своего коня, водрузил на него свой скарб и подтянул седло. Вдруг остановившись, зажмурился, прижался лбом к шее животного. Его охватила слабость, и он, повиснув на шее коня, некоторое время топтался на месте в нерешительности.

– Что мне делать? – прошептал он жеребцу.

Затем все же вскочил на него, окинул странным взглядом двор и поехал из него прочь.

Айыына после ухода Долгоона сняла украшение и задумчиво оглядела его. Красивая работа. Мастер кузнец постарался на славу. Погрузившись в свои мысли, она, закрыв глаза, перебирала пальцами узор.

«Почему же он молчит?.. Не может решиться? О чем он думает?.. Ведь что-то тревожит его... Я прочла это в его взгляде... Как он смотрит на меня... Догадывается ли он о моих чувствах?» – Вдруг ощутив какое-то волнение, она, не в силах усидеть на месте, отложила украшение и вышла на улицу. Подняв голову к свинцовому небу и прикрыв глаза, девушка ощутила, как капли дождя бьют по её лицу. Во дворе никого не было, но, открыв глаза, она вдруг увидела в дальнем углу становища удаляющийся силуэт всадни-

ка. Вздрогнув, она узнала в нем Бэркэ. Куда он в такую погоду? По охватившему её волнению она догадалась, что он покидает её. Она потерянно оглянулась, словно ища помощи. Волнение сменилось растерянностью и смесью обиды. Она не знала, что делать. Ей вдруг стало жаль себя. На глаза навернулись слезы, которые она быстро смахнула с мокрого лица.

– Ой, совсем промокла! – воскликнула девушка-работница, увидев, что Айыына вернулась. – Ох, уж эта погода! Только дома сидеть!

Мокрая Айыына потерянно села на стул. Девушка, причитая и укоряя её за то, что она рискует простудиться, начала вытирать ее волосы. Некоторое время Айыына сидела, застыв и погрузившись в свои думы. Глядя на потрескивающие в камельке горящие сучья, она вдруг снова вспомнила слова матери. Девушка-работница, не замечая ее состояния, хлопотала по дому, что-то весело рассказывая. Она предложила Айыыне сменить мокрое платье и ушла в дальний конец комнаты к стоявшим в углу сундукам. Найдя платье, она обернулась – но Айыыны уже не было.

Лючю приехал с объезда пастбищ, кляня отвратительную погоду, слез со своей пегой кобылы и привязал ее к коновязному столбу. Он промок насквозь и, отдирая прилипающую к телу мокрую одежду, нагнувшись, высморкался. Пригибаясь под каплями дождя, он быстрым шагом направился к Октаю, чтобы доложить тому о состоянии дел. Во дворе бы-

ло пусто – все попрятались от затянувшейся с утра непогоды. На середине двора он вдруг замедлил шаг: насквозь промокшая Айыына в одном летнем платье прошла мимо Лючу, словно не заметив его. Он оторопело остановился и хотел было что-то сказать ей, но, увидев выражение ее лица, осекся и так и застыл с открытым ртом. Ещё более он удивился, когда девушка, подойдя к его лошади, отвязала ее и тут же на неё вскочила. Дёрнув за поводья, Айыына развернула животное и пустила его галопом со двора.

Тропа размокла, от задних копыт несущейся галопом лошади летели ошмётки грязи, пачкая мокрую спину пригнувшейся наездницы. Айыына уверенно гнала животное вскачь, понукая возгласами. «О, духи Айыы! Уповаю на вас! Лишь бы Бэркэ не свернул с тропы!» – мелькнула у неё мысль. Согнувшись над шеей лошади и крепко держа поводья, девушка умело пролетела по краю поля, объезжая многочисленные кустарники. Капли дождя, смешиваясь с ее слезами, текли по лицу, которое она время от времени вытирала ладонью.

Бэркэ, охваченный душевными переживаниями, отпустил поводья и, очнувшись, увидел, что его конь давно сошёл с тропы и щиплет траву у примкнувшего к лугу кустарника.

«Я еду домой. Я свободен, – сказал он себе, пытаюсь найти успокоение. – Но если это так, почему у меня на душе так пусто?»

Дождь промочил его насквозь. Испустив тяжелый вздох и вытерев мокрое лицо ладонью, Бэркэ поднял голову к небу,

подставив лицо дождю. Зажмурившись, поймал капли влаги раскрытым ртом.

«— Я люблю дождь...— вспомнил он слова Айыыны.

— И я...»

На миг, его охватило отчаяние. Словно очнувшись, Бэркэ огляделся вокруг и замотал головой, пытаясь остановить скачущие в голове мучительные мысли. Нет! Что бы там ни было, надо вернуться! И высказать все! Иначе он сойдёт с ума. Необходимо освободиться от терзающих его голову дум! Раз и навсегда!

Он огляделся, вздёрнул поводья, уверенно развернул коня и, понукая его голосом, пустил вскачь в обратную сторону.

Их кони мчались по лесной тропе, лавируя между деревьями, навстречу друг другу, с каждым скачком сокращая разделявшее их расстояние. Дождь лил непрерывно, но оба всадника, промокшие насквозь, словно не замечали его. Перед их глазами мелькали важные мгновения, которые им довелось пережить вместе... Вот рука Бэркэ перехватывает копьё у самого лица Айыыны. Вот они бегут по лесу, взявшись за руки... Первая ночь под корнями упавшего дерева и их изучающие взгляды друг на друга украдкой... Прыжок Бэркэ через пропасть... Айыына вытаскивает тонущего Бэркэ из воды... Они рассматривают звёзды на ночном небе... Их ладони сплетаются... Айыына, улыбаясь, поит Бэркэ водой из своих ладоней... Какая-то сила гнала их друг к другу, и никакое препятствие не смогло бы их остановить.

Кони, на полном скаку выскочив из-за очередного поворота, чуть не сшиблись грудью. Седоки едва успели остановить разгоряченных животных, подняв их на дыбы. Мгновение, словно не веря себе, Бэркэ и Айыына в изумлении разглядывали друг друга, пытаясь совладать с дыханием и пляшущими под ними лошадьми.

Они одновременно соскочили с коней и бросились друг к другу. Крепко обнявшись, некоторое время стояли не шевелясь. Затем их взгляды встретились в робкой надежде, и оба поняли, что думают об одном и том же. Их мысли передались друг другу: «Я с тобой!», «И я – с тобой!». Взволнованные, мокрые от дождя лица озарились – сначала у одного, затем у другой – робкими, полными надежды улыбками. Они стояли на пороге новой, давно желанной жизни.

Конец